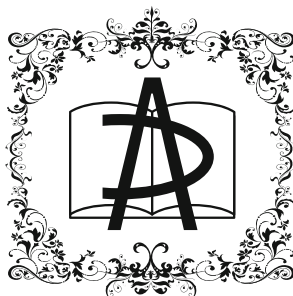
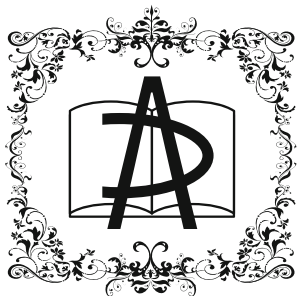

ДЕВИН

**АЛЬМАНАХ
ОБЩЕСТВА ЛЮДОВИТА ШТУРА В МОСКВЕ**

№2(3)/2016

*Выражаем благодарность за финансовую поддержку
Словацкому институту
при Посольстве Словацкой Республики в РФ*

В самом деле, в это так трудно поверить! Вы держите в руках уже третий выпуск альманаха «Девин», который издаёт общество Людовита Штура, действующее при Словацком институте в Москве. Это издание вышло в свет в период, когда Словакия переживает особенный, исключительный этап в своей истории. Дело в том, что небольшая страна, лежащая в сердце старого континента, во второй половине этого года (с 1 июля по 31 декабря) стала страной-председателем в Совете Европейского Союза. И Братислава в течение этого полугодия, образно говоря, превратилась в столицу Европы, её лицо, глаза и рупор. Вполне понятно, что это беспрецедентное для Словакии событие отразилось и на деятельности Словацкого института в Москве: оно открыло перед нами широкие возможности для дальнейшего продвижения словацкой культуры, литературы и искусства в Российской Федерации. Мы стараемся использовать эти возможности для того, чтобы как можно больше российских граждан приобщились к ним, сумели постичь их богатство и многообразие. Мы знакомим россиян со всем оригинальным, самобытным, что есть в нашей культуре, и одновременно открываем и делаем доступным для них доселе менее известное или вовсе не известное.

Можно сказать, что в этом же ключе был составлен и третий выпуск альманаха «Девин», в котором Вы также найдёте много интересного, нового и поучительного. Несомненно, таковым окажется отрывок из неопубликованного романа Винченца Шикеры о Людовите Штуре «Над Моравой деревянный мост». Безусловно, Вас заинтересуют материалы, представленные на конференции, посвящённой юбилею писателя, публициста и политика С. Гурбана-Ваянского, со дня смерти которого в августе этого года исполнилось 100 лет. Вы получите возможность ознакомиться с творчеством современных словацких поэтов Рудольфа Юролека, Даны Под-

рацкой и Эрика Якуба Гроха. Одним словом, в новом выпуске «Девина» Вы найдете многое, что заинтересует Вас.

Я рад, что эта небольшая, но богатая и разнообразная по своему содержанию «книжечка» успешно прокладывает себе путь к своим читателям. Так произошло с двумя предыдущими выпусками альманаха «Девин», и — я убежден в этом — точно так же будет и на сей раз!

Ян Шмигула,
директор Словацкого института в Москве,
советник по культуре

Москва, сентябрь 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ТВОРЧЕСТВО ЛЮДОВИТА ШТУРА

Л. Штур. <i>Заслуги славян перед европейской цивилизацией</i> (перевод Н. Шведовой)	9
Л. Штур. <i>Славянство и мир будущего</i> (Продолжение. Перевод В. Ламанского)	19

ЛЮДОВИТ ШТУР В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ

Я. Штур. <i>Воспоминания о Людовите Штуре</i> (из рукописи Янко Штура) (перевод Л. Широковой)	25
---	----

НАШИ СОВРЕМЕННИКИ О ЛЮДОВИТЕ ШТУРЕ

Я. Бузаши. <i>Штур</i> (перевод Дарьи Анисимовой)	31
А. Гикиш. <i>Людовит Штур и борьба словаков со временем</i> (перевод Е. Майоровой)	32
Я. Юдиныова. <i>Людовит Штур и лужицкий (славянский) мир</i> (перевод А. Песковой)	42
В. Шикула. <i>Над Моравой деревянный мост</i> (перевод Л. Широковой)	50
К. Горак. <i>Пророк Людовит Штур и его тени...</i> (перевод А. Машковой)	54

СЛОВАЦКО-РУССКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

Т. Янецова. <i>Ян Штевчек и русская литература</i> (перевод А. Машковой)	86
--	----

СЛОВАЦКО-РУССКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 170-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ СВЕТОЗАРА ГУРБАНА ВАЯНСКОГО

Л. Широкова. <i>Страницы жизни Светозара Гурбана Ваянского</i>	91
Д. Гучкова. <i>Светозар Гурбан-Ваянский как автор «беседниц» и фельетонов (перевод Н. Шведовой)</i>	98
А. Машкова. <i>Светозар Гурбан Ваянский о русской литературе</i>	102
К. Лифанов. <i>Словацкий литературный язык на рубеже XIX и XX веков</i>	113
Э. Бртанёва. <i>Светозар Гурбан-Ваянский и история словацкой литературы (перевод Л. Широковой)</i>	117
М. Браксаторис, М. Ондрейчик. <i>Валайшская колонизация в позднем Средневековье и Новом времени и ее значение для словацкой культурной идентичности</i>	125

КУЛЬТУРА СЛОВАКИИ

А. Машкова. <i>Фантастические образы Альбина Бруновского</i>	135
<i>Современная словацкая поэзия в переводе Дарьи Анисимовой (Якуб Грох, Дана Подрацка, Рудольф Юролек)</i>	145

ПРЕДСТАВЛЯЕМ

Л. Широкова. <i>Вильям Климачек</i>	153
В. Климачек. <i>Площадь космонавтов. Поколение Ю (отрывок) (перевод Л. Широковой)</i>	154

ВСПОМИНАЕМ...

А. Машкова.

*Трагическое в творчестве и человеческой
судьбе Йозефа Цигера-Гронского*

(К 120-летию со дня рождения писателя) 62

Й. Ц. Гронский.

«Йозеф Мак» (Отрывок из романа) 165

Е. Спишкова.

Заметки о жизни Яна Штевчека

(перевод А. Машковой) 167

ПОЗДРАВЛЯЕМ

Н. Шульгина.

Восемьдесят лет Любомиру Фелдеку 172

Любомир Фелдек.

Русские такие же, как и мы 175*Булат Окуджава* 177*Все в ажуре, царь!* 179

Крепость Девин

ЗАСЛУГИ СЛАВЯН ПЕРЕД ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ

В последнее время многие пытались доказать, что славяне никогда не были среди основных создателей духовной жизни Европы, а славянство никак не влияло на европейскую мощь и человечество; такие качества со всеми заслугами и всесторонним почетом свойственны лишь романским и германским нациям, к которым славяне только как простая второстепенная часть когда-то присоединились. То, что эти и подобные им заявления не имеют под собой никаких оснований, представляется, надо думать, делом совершенно ясным каждому, кто глазами беспристрастными прослеживал ход европейской истории, ибо здесь сама действительность оказывается выше всех заявлений, которые мы, полагаясь на исторические события, смело называем простыми вымыслами. Цель и задача нашей статьи — максимально сжато выделить истинные, относящиеся к делу события, чтобы мы могли судить, какую

роль славяне до сих пор в жизни европейской играли.

Для создания европейской цивилизации и ее укрепления среди европейских народов нужно было, несомненно, приложить не только духовные, но и физические усилия, особенно в те времена, когда она находилась на волосок от гибели. В то время как для ее основания и созревания Запад давал ей первое, именно Восток представлял ей второе, то есть физические силы. Европа и Азия из-за различий в свойствах их народов и, особенно, из-за различавшихся религиозных устремлений, которые обеим этим частям света больше всего сил и энергии обеспечивал, начали борьбу друг с другом, исход которой должно было решить не разумное умиротворение, а оружие. Словно предчувствуя близившуюся угрозу и опасность, Запад стремился враждебную стихию удушить на ее собственной территории, и здесь

Левоча. Памятник Людовиту Штуру (1949 г.), автор Франё Гибала

берут свое начало крестовые походы в Азию. Притом, что повторные усилия крестоносцев сумели эту неблагоприятную стихию на короткое время удержать в узде и основать иерусалимскую державу, это государство не было стойким, вскоре прекратило существование, а враг Европы стал могущественнее, чем прежде, поддерживаемый сознанием собственной силы. Победив западную власть, на азиатской почве ислам, вечно противостоящий христианству, не удовлетворился своей уже завоеванной территорией, он двигался вперед и делал то же, что совершал Запад против ислама: он пришел в Европу, чтобы уничтожить христианство также на его собственной почве. Турки основали в Европе прочную резиденцию и планировали далее расширить свое владычество в ней. С тех пор и славяне

узнали о своей миссии, то есть служить стеной для защиты уязвленной цивилизации христианского Запада от натиска восточного варварства, и до сих пор они почти непрестанно ведут кровавые бои с основным врагом христианства. Сербь, славная ветвь племени славянских иллирийцев, были первыми, кто принял с ним бой и, нанеся ему многочисленные тяжкие раны, после долгого героического сопротивления не смогли сдержать перевеса сил в 1389 г. на Косовом поле. Восточная Римская империя, сузившаяся до столицы своей, стала жертвой магометанских завоевателей, которые тем самым получили свободу для набегов на христиан, следствием чего стало их пленение и подчинение. И здесь именно славяне решительно встали на их пути, в многолетних войнах против фанатичных орд они посвятили свое существование защите европейской свободы и христианства. Много раз они по-братски сменяли друг друга в этой изнурительной, но вместе с тем достойной и героической борьбе, и мы видим, как в различные периоды славянские народы исподволь оказывали заклятому врагу сопротивление; и к ним присоединились венгры, которые в данном случае могут называться их союзниками. Правитель Сулейман I клялся, что погубит все христианские народы, но его гордыня была сурово наказана славянами Леонидом, Шубичем-Зринским и его хорватскими героями; бесчисленные полки свирепых турок неожиданно нашли во рвах сиегетской крепости свою могилу. Амурат проник почти в сердце Европы: он осадил Вену. Изголодавшийся город уже не мог более держаться, и если бы турецкий военачальник овладел императорской сто-

лицей, он бросил бы свои дикие полки на разрозненную и обессиленную Германию. Можно ли представить себе все жестокости, описать чудовищные сцены, которые последовали бы за этим? Ислам насаждался бы насильственно в немецких землях, благолепные храмы в Вене, Кельне и Страсбурге превратились бы в мечети, на крепостных стенах старинных имперских городов Цах (Аахен) и Франкоброта, с которых когда-то немецкие императоры оглашали законы потомкам владевших миром римлян, гордые османы выставили бы полумесяц и конский хвост, а башни, с которых возвышенный человеческий дух, искавший бесконечные звездные дороги, Божиим всемогуществом восхищался, они превратили бы в минареты, с которых звучал бы меланхолический призыв верующих мусульман на молитву, а народ немецкий послушно обращался бы лицом к Мекке, зывая к Аллаху и его великому пророку. В прах обратилась бы образованность немецкая, в прах обратилась бы и немецкая философия, сотни тысяч в окопах нашли бы смерть там, в азиатской земле или в африканских песках были бы они зарыты, или же как янычары в позорном бою против веры и свободы европейской пали, сопровождаемые проклятием своих неузнанных родственников. Но кто же смог бы дорисовать эти картины? Европа хорошо ощущала этот роковой момент, и всё дрожало в тревожном ожидании известия о падении Вены. Тут явился, словно ангел-хранитель, король-рыцарь и герой Ян Собеский со своими 40 000 поляков, разметал огромное войско магометанских погубителей человечества — и Европа была освобождена.

Венгры под предводительством героического Яна Хуньяди успешно воевали с турками. Его сыну, славной звездой воссиявшему над Венгрией, Матвеем Корвину, также сопутствовал успех в борьбе с ними, причем славяне охотно предоставляли свою помощь. Счастливым избранным военачальником Павол Бранкович (священник, kňaz, от чего произошло kinisi) и победоносный черный легион ярчайшую победу над турками одержал; он был серб, а легион состоял из чехов и татранских славян, которых король-стратег за их храбрость особенно ценил.

В недавние времена отличились русские в войнах с турками; их победоносные полки вступили на Балканы, вошли в Адрианополь и в союзнничестве с англичанами нанесли турецкой мощи и исламу такую глубокую рану, что они, похоже, до сих пор от нее не оправились. Результатом этой столь роковой для турок катастрофы было освобождение некоторых христианских народов из-под позорного ярма магометанского, в котором они униженно ради имени христианского долгие столетия страдали, не будучи способными из-за своей недостаточной силы по сравнению с турками это ярмо собственными руками сбросить.

Еще во времена крестовых походов в Центральную Европу внезапно вторглась монгольская орда, которая, будучи послана свирепым Чингисханом для пленения и покорения Европы, превышала численностью полмиллиона. Помимо своего предназначения, она громила и убивала всё, к чему прикасалась, ничто не ушло от острого меча и кровожадности дичайших азиатских. Угры отважились оказать сопротивление

страшным варварам, но их сотысячное войско, которое возглавлял сам король Бела IV, было на реке Шаяве полностью уничтожено, так что сам король едва смог уйти и укрыться в Татрах. И разлилась эта кроважадная дикая орда почти по всему миру, и тогдашнее его горе никаким пером нельзя в должной мере описать. Всё окрест было опустошено и разрушено; пожарища сметенных с лица земли городов и сел, кровью человеческой забрызганные, — такое зрелище открывалось глазам в Венгрии того времени. Окрыленный успехом Батый-хан, предводитель этой жестокой орды, послал половину своего войска дальше на Запад, чтобы и здесь показать свое грозное оружие; но, подойдя к Оломоуцу, этот сброд был встречен объединенными силами моравянами и чехами, возглавленными великим Ярославом из Штернберка и после долгой, кровопролитнейшей битвы разбит наголову. Едва лишь известие об этом полном поражении дошло до ушей Батты, он сразу отправился восвояси и бежал с остатками своего войска в Азию, спасаясь от полного уничтожения.

Из этих сведений можно легко сделать вывод о том, какую роль сыграли славяне в создании европейской образованности. Хотя Запад потрудился над ее утверждением и расширением, славяне должны были позаботиться о том, чтобы она смогла привиться, окрепнуть и благодатными лучами своими все вокруг озарить. Без славян, без их телесной силы и храбрости, которая непременно нужна была в противовес суровой силе варваров, европейская образованность была бы если не задушена, то по крайней мере в своем движении остановлена и на далекое

будущее отложена. Таким образом, самым провидением, ведущим за собою все человечество, поставлена славянам другая задача, нежели их соседям, — и разве кто-то может усомниться в его мудрой опеке? Европа обязана славянам тем, что враждебная стихия уже не может покушаться на то, чтобы нас поработить и вместо нашей христианской религии, без которой не могут существовать цивилизованные народы, насадить свою светскую религию, услаждающую лишь чувства и душущую истинную цивилизацию.

Славяне, таким образом, достойно выполнили свою задачу; это признают даже те представители иных народов, которые не исходят из узкой точки зрения и всю историю видят беспристрастным взглядом как связанное целое. А потом нет никакого преувеличения — как один немецкий автор статьи о славянской державе поверхностно высказался — в провозглашении славянства третьим фактором европейской власти и образованности. Славянство, как становится ясно из вышесказанного, является подлинным творцом нынешнего хода европейской жизни, лишь с тем отличием от европейских коллег, что оно ради этой жизни принесло жертвы другого рода, нежели они. Из этого также становится понятно, почему славяне от других европейских народов, например французов и немцев, отстали в сфере образования; ведь они вели почти непрерывные войны, которые часто приносили великие бедствия всем славянским племенам, пока их соседи, живя в блаженном покое, могли свою духовную жизнь развивать.

Но при всем том мы не думаем, что в отношении славян можно было

бы отрицать их действенное участие в основании нынешней жизни европейской, или — как вошло в привычку говорить — вклад в великий капитал европейского просвещения, цивилизации и христианства, государственности, высшего образования и науки, поскольку они и здесь по-своему всесторонне проявили себя, о чем речь пойдет ниже.

Мы в некоторой нерешительности: с чего бы начать и что предложить тем, кто нас совершенно исключает из участия в этом великом капитале. Невежество это или намеренное пренебрежение историей народов славянских — это мы устанавливать не хотим, но в одном из двух мы можем их винить. Исследования о древней образованности славян времен дохристианских и первых периодов христианства еще не закончены, но при том усердии и стремлении к наукам, которые славян, когда они, наконец, дожили до более продолжительного периода покоя и мира, столь сильно заинтересовали, им опять открылась новая дорога, и здесь можно в достаточной степени убедиться, что славяне действительно в те времена не были такими уж варварами, какими их многие хотели бы считать. Доказательством этого служит прежде всего старославянский церковный язык, на который Кирилл и Мефодий Священное Писание перевели, сочтя его достойным грамоты и пригодным на то, ведь, в самом деле, нельзя же было выдумать язык такого высокого уровня. «Из всех новейших языков, — говорит великий историк и знаток языков Шлёцер¹

*Могила и надгробный памятник
Людвиту Штуру в Модре*

(«Нестор», III, 224), — славонский (старославянский) является наиболее развитым»; и далее: «Из всех языков славонский — развитый в первую очередь. Как же обстояло дело в XIII и XIV веках с немецким, французским, английским и т. д.? — Причиной временных успехов в том было как раз счастливое стечение обстоятельств. Переводы из развитого греческого делались здесь постоянно в течение веков, богослужения проходили на национальном языке, все летописи, все документы велись на национальном языке, а не на латыни, как во всей остальной Европе. Как особенно мы, немцы, запоздали (ибо в дейс-

¹ Шлёцер Август Людвиг (1735–1809), немецкий историк. В 1762–1769 гг. работал в Петербурге. Основная работа — «Нестор» (5 тт., 1802–1809). Автор так называемой «норманской теории» возникновения русской государственности. — Здесь и далее прим. переводчика.

твительности вплоть до семидесятих годов мы пишем на развитом немецком, чего мы в основном переводами с французского и английского добились), я ощущаю сильно, когда какую-нибудь русскую легенду, примерно XIV века, и при этом немецкий документ, напечатанный в 1674 г., читаю одно за другим. Там я нахожу порядок в изложении, законченные периоды, отступления, многочисленными причастиями взаимосвязанные, как и силу и блеск выражений и т. д., — а здесь оказывается немецкий убогий документ, не забывающий о тогдашнем резненском канцеляристе!»

Помимо этого развитого языка, против неотесанности славян свидетельствуют и другие сохранившиеся драгоценные памятники древнеславянской поэзии, такие как чешские стихи Рукописи Краледворской, найденной Ганкой, благодаря которым Гете в пожилом возрасте учил чешский язык, или — как он говорил — «очарованием Краледворской рукописи упиваться мог». Эти стихи переведены уже почти на все европейские языки, также и на немецкий, и их ценность сообща признается голосами судей. Мы их ценность несколько не преувеличиваем, когда, глядя на их естественную, цветущую поэзию, их силу выразительности, смелые, героизмом дышащие мысли и их возникновение нашим Гомером называем. Сюда относится и прекрасная героическая песнь русская «Игорь», найденная в 1790 г. графом Мусулиным-Пушкиным, не менее примечательная поэтическим полетом мыслей и силой выразительности, воспевающая поход Игоря против половцев. В этом смысле мы не смеем забывать и древнерусский

правовой документ, названный «Русская правда», который около 1018 г. Ярослав издал с чувством благодарности к городам, которые помогли ему в трудную минуту, и повелел его во всех случаях использовать.

Все эти предварительные знаки, которые, несомненно, свидетельствуют о великой способности славян к образованию, казалось, предвещали и являли ясный день и прекрасную эпоху славян, но пришедшие за этим бури, которые во всех славянских землях долгое время гремели, отвлекли их от продолжения отлично начатого дела на другое поприще, для исполнения других обязанностей. Эти бури были для славян вредоносными не только тем, что их в дальнейшем продвижении на ниве образования приостановили и затормозили, но и тем, что почти все уже полученные духовные плоды размели и уничтожили. Какие сокровища духовные могли мы бы создать в ту давнюю пору, если бы монголы в России и Польше, да и жестокие священники из Италии и Германии из ненависти к варварскому языку, как они его называли, хотя его и не знали, не надругались над их памятниками и не уничтожили их вместо благодарности за оказанное гостеприимство? Однако, те племена, которые менее подвергались варварским набегам, накопили большие литературные ценности, что относится главным образом к чехам, уже в XIV веке в этом смысле достаточно богатым. Но и их ценности, к сожалению, подобная судьба ожидала, когда в более позднее время она со всей жестокостью постигла их и уничтожила.

Из всего сказанного ясно, что славяне самым усердным образом стре-

мились к образованию и в своем языке средства к образованию других народов накапливали, но, однако, неблагоприятными обстоятельствами в этом были задержаны. Но и при этом мы можем у славян найти отдельные примеры, которые избежали всех бурь времени и до сих пор из прошлого сияют перед нами, заслуживая с полным правом всеобщего признания.

Нет ни одного историка, который не знал бы о летописи, написанной на старославянском языке Нестором, монахом Киево-Печерского монастыря¹, которую в немецком переводе с научно-историческими комментариями для нужд неславянских историков издал Шлёцер и большая значимость которой для истории Средних веков единодушно признаётся. Ее использовали и до сих пор ею пользуются все историки, которые поставили перед собой цель осветить Средневековье и запутанное переселение народов, о которых она подробно говорит. — По требованию чешских сословий основал Карл IV по образцу парижских и болонских пражских высших школ, которые мы без оглядки на их дальнейшее онемечивание можем решительно считать славянскими. Они были тогда для половины Европы солнцем научного просвещения; чехи, поляки, мораване, русские, угры, шведы и немцы осуществляли здесь свое обучение. Основанный в 1348 г. Пражский университет стал впоследствии образцом и примером для созданных позднее немецких университетов: Венского — в 1356, Гейдельбергского — в 1387, Лейпцигского — в 1409 г. и т. д. Кто же, в таком случае, мог бы отрицать его влияние на оживление наук и в са-

мой Германии? — Кто не знает, что до XV века почти весь мир думал, что Земля стоит неподвижно, а Солнце движется вокруг нее? И кому не известно, что сейчас все в полной мере убеждены в обратном? Но не знают или не хотят знать того, что эту истину мир узнал от славянина, который, будучи наделен чрезвычайной остротой ума, сомнительность и неверность Птолемеевой системы понял и доказал, а другую, более правильную систему выстроил, и ее, пожалуй, никто не опровергнет, хотя в новые времена — правда, без малейшего успеха — существуют попытки ее пошатнуть. Этим великим человеком является Коперник, и в честь его и его соотечественников выстроенная им Солнечная система названа его именем. Он родился в Торуне (Thorn), в Западной Польше, 19 февраля 1473 г., и был, следовательно, поляком и славянином, и лишь завистники пытались отторгнуть его от славян, к которым он принадлежал и телом, и душой. В одном немецком сочинении мы читаем: «Слава Коперника будет блистать до тех пор, пока солнце будет освещать землю». Мы гордимся тем, что славе одного из наших великих мужей предрекают такое же постоянство, какое есть у солнца, греющего и оживляющего нас; это, конечно, слава непреходящая и, думаю, вечная.

Кто же, таким образом, может еще утверждать, что мы в какой-либо науке не построили некую систему? Не было бы это очевидным отрицанием истории? — Залужанский, по происхождению чех, отличившийся в естествознании, учил о половых признаках и о культивировании растений

1 «Повесть временных лет».

еще за полтора столетия до великого Линнея и определенно и ясно высказался об этом в своем труде, названном «*Methodus rei herbariae*». Мы не собираемся доказывать, что Линней черпал из него сведения, хотя этого нельзя и до конца отрицать, мы хотели бы лишь указать на то, что и у славян, конечно же, не было недостатка в людях, которые обладают достаточными способностями изобрести и доказать новую, выдающуюся систему в науках. Но на пути их стремлений часто возникают препятствия, которые им вредят и в которых меньше виноват народ, нежели обстоятельства, сопровождающие эти стремления.

Коменский, родом из Комны на Мораве, этот заслуженнейший воспитатель и обновитель школ в значительной части Европы, также был славянином. Он был в 1632 г. епископом моравским и чешских братьев¹, а потом с 1648 г. главным епископом объединения в Польше. Этот ученый и усердный муж благодаря своей образованности и возвышенному характеру был также приглашен во многие страны по поводу учреждения школ. С этой миссией он ездил в 1641 г. в Англию, Швецию, Пруссию, Трансильванию и Венгрию и свою великую задачу целиком выполнил. Заслуги, которые он как педагог в воспитании своего столетия приобрел, действительно имеют важность для мировой истории, как и его труды, которые вплоть до нынешних дней издаются. Пусть нам автор в «Аугсбургской общей газете» назовет произведения, которые равнялись бы трудам Коменского «*Orbis pictus*», «*Janua linguarum reserata*» и т. д., на столько же европейс-

кие и азиатские языки переведенным и столь много раз напечатанным и изданным; мы весьма сомневаемся, что где-либо существуют более распространенные труды, чем труды этого славянского ученого.

Далее мы не можем понять, как данный автор мог доказывать, что славяне даже в военном искусстве ничего особенного не сделали, когда весь мир хорошо знает, что героический предводитель гуситов Жижка прежде всего тем побеждал всех своих врагов, что против них использовал уникальный, им изобретенный способ ведения боя (конечно, в соединении с храбрыми помыслами своего героического войска). Это его телеги, построенные в различные ряды и тесно соединенные друг с другом, создавали для врага непреодолимую преграду. И об эту преграду и о героизм тогда никем не победимых чехов с позором разбились все вражеские толпы, которые, подобно наводнению, разлились по Чехии.

В новейшее время вновь пробудилась у славян страсть к наукам, и поднялись среди них мужи, которые учеными трудами вызвали величайшее внимание, и в отраслях наук и искусств, которыми они занимаются, по-настоящему творят эпоху. К ним относятся глубокие языковедческие исследования Добровского, Шишкова, с особым усердием разработанные произведения Катанчича «*De Istro ejusque accolis*», «*Orbis antiquus*» и т. д., которыми щедро пользуются отечественные и зарубежные писатели. А что же говорить и о замечательных трудах Шафарика, новейшее произведение которого «Славянские древности», с глу-

1 Название чешских протестантов.

бокомысленной критичностью проработанное, так помогло не только изучению славянской истории, но и всей древней истории европейской? Вместе с Шафариком отличился на поприще исторических исследований неутомимый польский историк Лелевель, замечательные способности которого, соединенные с почти железным усердием, вынуждены были сами немцы признать и одобрить. Он труднейшие проблемы древней истории, как сами немцы не решаются отрицать, удачно разрешил и многие темные места давнего мира осветил. К этим двум обстоятельным историкам славянским следует отнести Палацкого, которому славяне за многие изобретательные труды и, главным образом, за чешскую историю должны быть благодарны. При этом, однако, мы не забудем и Нарушевича, Кухарского, Мацеёвского, Карамзина, Устрялова, Погодина и других заслуженных деятелей этой отрасли.

Что, однако, прекраснее всего расцветает до сих пор у славян, так это поле поэзии, естественный итог цветущей фантазии и богатства чувств, присущих этому народу. Замечательная способность славян к поэзии проявляется, в самом деле, лучше всего в их невинных, любозвучных, остроумных, то любовь, то несчастье, то героизм и великие деяния предков воспевающих песнях, о великой ценности которых прежде всего великий Гете и замечательная госпожа Тальви в своем переводе сербских народных сказаний и в других местах так прекрасно отзывались. Если мы знаем это и примем во внимание, что эти песни у всех славянских народов укоренились, мы по праву можем славянский

народ великим поэтом назвать. Из многих замечательных поэтов славянских, среди которых не один уже европейскую известность приобрел и переведен на иностранные языки, да будет позволено нам здесь назвать нескольких наиболее значимых, это поляки: Чайковский, Гошинский, Красиньский, Красицкий, Мицкевич, Мальчевский, Крашевский, Магнушевский, Залеский и т. д.; русские: Дельвиг, Гоголь, Козлов, Марлинский, Пушкин, Подолинский, Жуковский, Загоскин и т. д.; малороссы: Котляревский, Падурра; чехи и словаки: Челаковский, Голлый, Коллар, Клицпера, Маха, Поллак, Туринский, Тыл, Тупый, Воцел и т. д.; иллирийцы: Деметер, Гундулич, Милутинович, Мушицкий, Пальмота, Прешерн, Станко Враз, Вукотинович и т. д. На всех их мы смотрим с гордостью и искренней радостью, и всё это ясно свидетельствует против тех, кто напрасным трудом считает учить славянский язык, ибо якобы, по их мнению, число собственных, обстоятельных произведений славянских не стоит до сих пор времени и труда такого учения. Мы никак не требуем, чтобы другие народы наш язык учили и тем нашей национальной гордости как-то льстили, мы лишь горечь выказываем, что наши душевные плоды так унижают, как случилось с автором той статьи и как с другими журналистскими распутниками еще часто бывает.

Но если стоит из-за единственного романа Сервантеса, конечно же, славного «Дона Кихота», учить испанский язык, почему бы нам не приобрести познания в славянском языке, который нам к гораздо большему сокровищам ключ в руку вкладывает?

В этом кратком рассуждении мы вынуждены были ограничиться лишь тем касающимся заслуг славян в жизни европейской предметом, который стоил бы более обстоятельного разбора. Этим мы, даст Бог, когда-нибудь еще займемся. В конце концов, мы не хотели бы произносить слишком много

слов о предназначении и о будущности славян, однако твердо уверены и можем заверить читателей в том, что их более действенное участие в будущей истории ни им, ни Европе не может быть во вред, напротив, обоим оно принесет немалую пользу, потому что человечество не может отступать назад.

Перевод Н. Шведовой

СЛАВЯНСТВО И МИР БУДУЩЕГО (продолжение)

Бросим взгляд на Запад Европы: какие явления представляют там нашему испытующему взгляду? В продолжение многих столетий, преимущественно со времён Реформации, мы видим одно стремление во всех движениях, как ею вызванных, так и с нею связанных, или, наконец, параллельных ей политических явлений, мы видим одно неудержимое стремление к освобождению и уравниванию человека с человеком; мы слышим непрерывный крик: «Свобода, равенство, братство!» Во всех этих движениях народы стремятся к освобождению от неограниченной власти Церкви, от Государственного самовластья (абсолютизма), от сословного притеснения, от родовой и, так называемой, денежной аристократии, вообще от всевозможного гнёта и насилия. Здесь совершенно отказывают в повиновении господствующей Церкви, как напр., в Германии и Немецких землях; там признают власть её только по имени, как напр., во Франции; тут ниспровергаются Правительства, достигшие уже неограниченной власти, или только стремящиеся к оной вопреки сословному Государственному устройству, как, напр., в Нидерландах, Англии, Франции и напоследок в Испании и Португалии, даже под конец бессильная, более по имени существующая, Немецкая Империя распадается, аристократия уничтожается, её или

раздавливают, как во Франции, или, по крайней мере, ограничивают в её политическом влиянии, в её правах и преимуществах, народ вырывается из рук своих прежних поработителей, освобождается от невыносимых повинностей, уравнивается в гражданских и политических правах с другими сословиями общества. Напоследок пытаются даже осуществить это уравнение в общественно-хозяйственном, имущественном отношении, с помощью социализма и дикого коммунизма, представляющего новейшую теорию для утверждения, так называемой, человеческой свободы и благосостояния народов. Во всех этих громадных стремлениях, стоивших жизни миллионам людей, вызвавших самые ужасные потрясения, руководящая мысль была, как мы уже сказали, свобода человека: каждый человек должен иметь такое же значение, как и другой, каждый должен наслаждаться духовными и земными благами мира. Мысль эта зародилась ещё в обществе Масонов, которые, по образцу искусно выстроенного собора, стремились привести род человеческий к одному гармонически соединённому целому, облагородить и через то осчастливить его; ту же самую мысль преследуют тысячи различных благотворительных заведений, разнообразных вспомогательных обществ и товариществ; её возбуждают, содействуют

СЛАВЯНСТВО И МІРЪ БУДУЩАГО.

ПОСЛАНИЕ СЛАВЯНАМЪ СЪ БЕРЕГОВЪ ДУНАЯ

ЛЮДЕВИТА ШТУРА.

ПЕРЕВОДЪ НЕИЗДАННОЙ НѢМЕЦКОЙ РУКОПИСИ, СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ

ВЛАДИМИРА ЛАМАНСКАГО.

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°)

на Страстномъ бульварѣ.

1867.

ей, согласно потребностям времени; и все эти общества существуют как бы взамен того, что движущая и руководящая мысль не приведена ещё в исполнение. В понимании, и особенно в проведении, этой мысли смешано истинное с ложным, высокое с низким, перемешаны великие истины с величайшими заблуждениями и самыми ложными представлениями. Но, оставляя пока это в стороне, постараемся подметить, как выше упомянутое начало является итогом всей истории, как оно необходимо, и как оно будет и должно сохранять свою действующую силу и в будущем. <...>

Если же мы обратим взор свой на политическое поприще, то что мы увидим и услышим? Много дыма без пламени, много шума без всякого одушевления, и именно в том отношении: чем меньше было воодушевления, тем громче звук раздавался в воздухе. Об истинном самоотвержении здесь не было и речи. Во время последних смятений низшие сословия думали только о хлебе, но кричали: «Свобода!» потому что вожди их обещали им хлеб после победы. Вожди их также кричали: «Свобода!» но при этом помышляли только о власти и наслаждении. Первых привели в волнение «panes», последних «circenses». Характер всех возмущений отпечатлевается на их вождях: чем основательнее первые, тем замечательнее, твёрже, пластичнее последние. Вся история доказывает истину этих слов. Итак, приложим мерilo вождей к последним восстаниям, оглянемся и посмотрим, что это были за люди? — Болтуны, и между ними люди алчные и трусы. Некоторые из них, для жалких внешних удобств, отреклись

от Христианства и перешли в Ислам, который, со своей чувственностью, конечно, для них привлекательнее старого, требующего самопожертвования, Христианства. Люди приговорённые не обнаружили достаточного мужества, и просили помилования, как, на пр., это делали почти все приговорённые Мадьяры, или сами от своего имени, или через своих родственников и защитников. И, однако, ещё Мадьяры боролись с большим, чем другие, одушевлением, ибо в них сильно действовала глубокая ненависть к Австрийскому Дому и Немцам; но они уже почти совершенно подчинились губительным Западным учениям, лъстившим их чувственности и их умственному направлению. Потому-то они и не сопротивлялись до конца, а положили оружие. Русские явились, наложили молчание, и молчание воцарилось. Чешским предводителям 17 века сами победители давали возможность бежать, но они отказались; им же было предложено просить о помиловании, но они все без исключения отвергли это предложение и умерли геройской смертью. Так поступают люди и народы в сознании своего высокого и праведного дела! Кто из Западных народов мог сравниться в воодушевлении с восставшими против Мадьяр Сербам? Не обученные военному делу, Сербь, с несколькими опытными солдатами, пять месяцев с успехом держались против всех обученных и не обученных военных сил Мадьярских, даже приобретали над ними значительные выгоды; сотни повешенных Мадьярами Сербов умирали мужественно и никакие каннибальские жестокости не могли поколебать народа; только в последствии стали несколь-

ко охлаждать Сербы, когда заметили ложь и предательство Австрийцев, но, снова вспомнив свою храбрость и честь, они были увлечены на поля битв юношеским воодушевлением своего Патриарха, старца Раячича, непреклонною твёрдостью Князя и пылкою храбростью Стратимовича. Если бы последние Европейские движения имели благородное побуждение и содержание, то, при бывших у них средствах, они бы непременно достигли важных последствий; но каковы же они были? Не Французская ли Республика? Но о ней после. Или создание великой Германии во Франкфуртском национальном Парламенте? Или, быть может, освобождение всей Германией воспетого Шлегель-Голштейна от ужасного Датского ига? Или образование могущественной Угрии, провозглашение самостоятельности «благородной и великодушной Угрской нации», как она уже стереотипно называлась в либеральных и подкупленных Немецких газетах? При настоящем воодушевлении все эти движения не только бы имели последствия, но и не нуждались бы в тех искусственных средствах, к которым они от начала до конца прибегали; ибо нужно было постоянно поддерживать искусственное возбуждение, и всё было хорошо, что служило этой цели. Более колоссальной лжи, верно, нигде не было, чем во время Венгерской революции, когда распространяли её в народе сами правители. Единственная выгода от движений заключалась в проведении некоторых общественных преобразований, именно: освобождении порабождённого народа от произвола его угнетателей и от барщины. Но это ос-

новоположение было уже завоёвано Французской Революцией, и нужно было только небольшого толчка, чтобы это дело, так сказать, двинулось само собою. В Австрийских землях оно было признано ещё до революции и занесено в законы. <...>

Этим пагубным направлениям в области Веры и Церкви параллельны на Западе разрушительные стремления в Государстве и гражданском обществе. Первые в постепенном порядке и определённом развитии преимущественно являются у Немцев, так как их умственная деятельность, более внутрь направленная, особенно склонна к занятию церковными и религиозными вопросами; последние же, напротив того, всего более выступают у народов Романских, которые особенно обращают внимание на видоизменения внешнего мира. Там совершается отпадение от Церкви, с одной стороны, Епископальною Церковью, Пресвитериянцами, Индепендентами, Ливеллерами (levelers) и т. д., а с другой Протестантством, рационализмом, сектами Немецких Католиков, Друзьями просвещения и т. д., и кончается всё решающим личным произволом и полным безверием; здесь, напротив того, происходит разделение в, так называемом, конституционном устройстве Государств, которое с расширенным основанием переходит в новые, провозглашённые, или замышляемые, Республики и, наконец, вырождается в Социализм и Коммунизм, причём Государству грозит полное разрушение. Как оба эти направления в церковной и политической жизни развиваются параллельно, так сходятся они и по началам, ибо тут и там в крайнем развитии всеобщий произвол возводится

в судью, и особь, её сохранение и под-
 держание, делается мерилом всех Госу-
 дарственных действий, наконец, осно-
 ванием Государственной силы; по духу
 неверующий и коммунист чувствуют
 взаимное тяготение, так как они пре-
 зирают всякий авторитет и всё поло-
 жительное. Коммунизм, как бы ни был
 принимаем, в диком ли воззрении Ба-
 бёфов, Сен-Симонов, Фур-
 рье, Прудонов, или Кабе, унич-
 тожает ли он вовсе частную собствен-
 ность, по известному основанию: «*La
 propriété c'est le vol*», или с наружным
 её сохранением, желает ли он разделе-
 ния доходов сообразно с трудом, та-
 лантом и капиталом, или же различает
 он виды собственности по способу её
 происхождения, фиктивным завладе-
 нием, праздною волею, или трудом, во
 всяком случае, Коммунизм есть устра-
 нение и уничтожение Государства. Го-
 сударство же именно возвышается над
 общиною и гражданским обществом,
 которым ближе всего подлежит благо-
 состояние единиц, и призвано служить
 во внешних делах представителем и за-
 щитником верной своему назначению
 Церкви. Задача Государства — обере-
 гать право в его области, приводить его
 к определению во всех человеческих
 отношениях, соединением всех в на-
 роде действующих сил, облегчать им
 достижение конечных их последст-
 вий, но так, однако, чтобы всё, в нём
 соединённое, целое, которое оно пред-
 ставляет внутри и вне, вести к более
 свободной и человеческой жизни. Обо
 всём этом ничего не знает и знать не хо-
 чет Коммунизм; ибо, обещая доставить
 каждому одинаковое право, он учи-
 няет не только величайшую неправду
 относительно всего гражданского об-

щества, но каждому заранее определяя
 собственность или, по крайней мере,
 обеспечивая ему доход, он совершенно
 уничтожает личное стремление и само-
 определение, всякое сильное усердие
 и соревнование, исключает всякое са-
 мопожертвование, всякую деятельную
 любовь к ближнему, и этим обращает
 всех и каждого в решительных себялю-
 бов, прекращает всякое развитие и об-
 ращает человеческое общество в рабо-
 чий дом и фабрику, в которых все люди
 машинально заняты своими работами.

Итак, высшая идея, к которой при-
 водит коммунистическое Государство
 или, лучше сказать, коммунистическая
 система, есть пропитание, насущный
 хлеб. Под этим предлогом наделяя каж-
 дого своим правом, столь желанною
 свободой и равенством, вознаграждая
 труд каждого, и при этом, принимая
 побудительною причиною и исходною
 точкою, всех действий одно только
 тело, его потребности, его наслажде-
 ния, она освобождает тело и в других
 отношениях, уничтожает, так называе-
 мое, принуждение и даёт полную волю
 всем страстям. Она эмансипирует
 женщину сообразно с понятием о ра-
 венстве, разрушает семью, уничтожает
 домашний очаг, и таким образом даёт
 широкий простор безнравственности,
 распутству, невоздержанности. Она
 разрывает все союзы человеческого
 общества и ставит на место этих свя-
 щенных уз себялюбие, прихоть и т. п.,
 вновь повергая человечество в живот-
 ное состояние.

Стало быть, Коммунизм достига-
 ет той же цели, как неверие и упадок
 Христианства. При всём том, во все из-
 менения Коммунизма более или менее
 проникли первоначальные постановле-

ния Бабёфа, который положительно не допускает ни Государства, ни Церкви, ни собственности, даже для основания и сохранения равенства, никакой науки и высшего образования. Он побуждает всех людей к занятию сельским хозяйством, как единственному источнику пропитания рода человеческого, и в следствие того предписывает разрушение всех больших городов, образование ограничивает самым лишь необходимым чтением, письмом, счетоводством, вместе с нужным познанием Законодательства, Истории, Географии и Статистики Республики. При этом Бабёф вводит строжайшую цензуру над печатью; в тесном кругу этих республиканских начал считает нужным учредить одно только ведомство — для склада и ежедневной раздачи съестных припасов. Поэтому в каждом Коммунизме, устроенном на подобных началах, открывается поле не только для жизни мрачной, лишённой всех благороднейших наслаждений, но и для самого ужасного деспотизма. Если различные оттенки Коммунизма и не прямо стремятся к этому, и не все требования Бабёфа применяют к своим последователям, то, во всяком случае, рано или поздно, всякое коммунистическое правление неизбежно должно придти к тому же самому итогу, потому что каждый Коммунизм призывает гру-

бую, чувственную, себялюбивую толпу к владычеству. И всё это должно терпеть человечество ради жалкого куска хлеба, который земля Божья производит в достаточном количестве, лишь бы только в человеческом обществе существовали такие учреждения, при которых каждый, если бы захотел, мог бы заработать себе столько хлеба, сколько ему нужно; лишь бы только в человеческом обществе сердца бились человечнее и всякому нуждающемуся, как своему ближнему, охотно уделяли кусок хлеба, если он не может снискать его сам! Как бы ни старался Коммунизм представить себя защитником прав человеческих, но сам он не знает вовсе человечества, жалким образом уничтожает его, и так как он прилепляется к учреждениям непрактичным и невыполнимым, то и принадлежит к самым нелепым порождениям человеческого мозга.

При совершенно дурном, невыполнимом, человечество уничтожающем, составе его учения, Коммунизм, не смотря на то, уже сильно распространён на Западе. Настоящая родина его — Франция, а оттуда вредное учение его проникло в Германию, Швейцарию и т. д.; оно приобрело много приверженцев между рабочими, даже между, так называемыми, образованными людьми. Коммунизм не пощадил и саму Англию.

(Продолжение следует)

ЛЮДОВИТ ШТУР В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЮДОВИТЕ ШТУРЕ

(Из рукописей Янко Штура)

I

Был конец сентября 1840 г. Осенние ветры уже веяли по долинам Загорья. Задумчиво шептали листья буковых и дубовых рощ, и аромат хвойного бора расстился под Рокошем. Солнце клонилось к западу, за Иновец, озаряя в последний раз вершины холмов, окружающих тихую, идиллическую в те времена деревеньку Зай-Угровец.

В сию возвышающую душу минуту возвратился брат мой Людовит после двух лет учебы в Галле в родительский дом в Зай-Угровце. Возликовало от радости все семейство с его приездом, поскольку добрейшая и чувствительнейшая матушка наша, провожая сына, изводилась от дурного предчувствия, будто в последний раз его видит. Ведь прежде того, в Братиславе, от непосильных для души и тела трудов он столь изнурен был, что по

правде и надежды не было на его выздоровление.

Да, поистине умирительно было прощание с любезными его сердцу вершинами, долину Угровца обрамляющими, когда отъезжал он в Германию.

Совершил он тогда же и прощальное восхождение на гору Стол Священника. Был там с ним и я, несмышленый мальчик, но до сих пор в памяти моей остался запечатлен взгляд его задумчивый, устремленный окрест на череду гор. Замерев, он долго слушал разливающийся по долине голос неведомой девы, затянувшей печальную песнь:

*«Матушка родная за двумя горами,
слезы сами льются, плачу я за вами.
— Дочка-сиротинка, злая твоя доля,
здесь в сырой землице нету мне покоя!»*

Было это в 1840/41 учебном году, в октябре месяце, когда брат Людовит возвратился из Германии, а именно — из Галле, на родину свою, в Зай-Угровец, и там в лихую непогоду, в дождь и сырость еще дней 14–15 прожил, не имея возможности посетить любимые свои вершины, Рокош и Стол Священника. Тогда отправился он в Прешпо-рок, у словаков Братиславою называвшийся, вместе с младшим братом своим Само, ставшим позже евангелическим священником в Земианском Подградье, который в ту пору у родителей наших на вакациях в честь сбора урожая гулял, а, кроме того, взял он с собой также и меня, одиннадцатилетнего юнца, которого отец наш в четвертый латинский класс подготовил.

Жаль было мне расставаться с родительским домом, с милым, спокойным и идиллическим семейным кругом, скромным милым двориком, местом детских игр, и распрощаться навеки со своим детством. И выразил я чувства свои в стихотворении, соответствующем возрасту, пусть и несовершенно, назвав его «Плач Янко по своему детству».

Ехали мы по тому времени обычным способом — на сенном возу, под попоной, да еще целых четыре дня, каковой путь сегодня можно проделать самое большее за один день в экипаже, а по железной дороге — за четыре-пять часов.

Одну ночь мы ночевали в Мадунцах и знаменитого Голлого, который был для меня явлением некоего высшего порядка. Разговор вели они с Людовитом долго, до полуночи, я тоже сидел

с ними, но, устав с дороги, задремывал. Утром первым угощением было так называемое «народное» — самогонка, к которой предложили хлеб и большой кривой нож, чтобы отрезать ломти. Людовит, непримиримый враг спиртного, отпил из уважения к хозяину, а мне, малолетнему, не дали.

Из тех моих первых братиславских времен сохранились в памяти образы ставших позднее знаменитыми деятелей наших, таких, как Браксаторис-Сладкович, Ондрей Годжа, Паулини-Тот, Францисци-Римавский, который для нас, младочехов, был еще и учителем словацкого языка, затем — Крчмеры, А.Г. Шкультеты, Янко Кучера, который любил повторять поговорку: «Был бы свет горшком, хватил бы я им об пол, чтоб на сто кусков разлетелся». Будучи сотником-добровольцем, Кучера умер от горячки в 1849 г. Помню еще и не столь прославившегося Томеса, и впоследствии всем известного Янко Калинчака.

Возникают в мыслях моих их фигуры и лица так живо, что, будь я художником, мог бы написать их портреты тех времен. Браксаторис жил в так называемом Халупковом доме, что напротив словацкой церкви на Паненской улице (Nonnenbahn), теперешней ул. Матея Бела. В этом же доме жили и наши родственники Крижаны — Ян, ставший теперь священником в Сулёве, Карол, бывший senior евангелистской церкви в Тренчине, и Штефан, литературный псевдоним которого — Жиранский. Этот последний, мой сверстник, дружил с Людовитом Турзо, впоследствии прославившимся, и с Людовитом

Догнаны и с Шашко, который из-за недуга потерял память.

Все они входили в «гвардию» Людовита, возлагавшего на молодежь все свои надежды. Они были слушателями на лекциях его как заместителя престарелого Палковича, профессора чехословацкой литературы в братиславском лицее.

Кроме того, Людовит и у себя на квартире хотя бы раз в неделю читал лекции этой молодежи, среди которой встречались и некоторые сербы — Милетич, Протич и др. Он рассказывал им, насколько я мог тогда понять, об истории славянства. Помню один особый случай, когда я тоже вздрогнул — Людовит с душевным волнением повествовал тогда о Полтавском сражении как о ре-

шающем моменте в дальнейшей истории самого сильного из родов славянских.

И в те времена молодежь не была сплоченной. Помню, Людовит не раз приходил после лекции домой огорченный филиппикой кого-нибудь из студентов, заканчивавшейся обычно умиротворением бушующего моря.

Потом последовали репрессии, описание которых представил Я. Франциши в «Поглядах». Людовиту запретили читать лекции, оторвали от него молодежь. Это отразилось на нем трагическим образом. Три дня не выходил он из дома, пребывая в тоске и печали, почти без крошки хлеба. Утешение доставили ему лишь те двадцать два самых верных ученика, которые покинули Братиславский лицей и ушли в Левочу.

III

Людовит задумал найти новое поле деятельности на пользу народа словацкого. Он стал испрашивать от властей разрешения на издание политической словацкой газеты. Для этого пришлось ему, разумеется, делать определенные шаги в Вене, в венгерской придворной канцелярии. Дело это было связано с большими трудностями. Он много раз посещал Вену, прежде чем получил разрешение на издание политической словацкой газеты. Насколько я помню, большое содействие оказывал ему хорватский магнат барон Кульмер. Припоминается мне также, что, когда возвращался он с этим разрешением из Вены, был с ним и Гурбан, и по какой-то причине пришлось им по бурному Дунаю в Братиславу на лодке плыть. Прибыв домой, Людовит поведал о своем опасном приключении и сказал, насколько

сильна была вера его в божий промысел, не могший допустить гибели его в волнах Дуная, когда было при нем разрешение на издание словацкой газеты.

Затем создана была редакция, и в июле 1845 г. вышел первый номер газеты с вводной статьей, начинавшейся следующими словами: «Поклонитесь, Татры, Господину (подразумевалось — королю) своему».

В редакцию пришли Богуслав Носак, Петер Келлнер (с литературным псевдонимом — Гостинский) и Юрецкий.

Положение было не лучшим: подписчиков оказалось самое большее чептыреста человек, а стоимость подписки, помнится, составляла восемь золотых. Из этих средств можно было только покрывать расходы на печать и аренду. Людовит устроил домашний стол,

хозяйкой которого стала сестра наша покойная Каролинка. Сам я последнее место занимал при редакции, выполняя разные поручения: раскладывал газеты по конвертам, носил корректуру в Фишеровскую, кажется, типографию, что возле Дуная на променаде, часто даже и среди ночи, считая это по моим юношеским представлениям высокой службой своему народу.

Людовита почтили своим посещением прославленный Коллар, русский профессор из Харькова Срезневский, хорватский публицист Гай, Ригер, чех Деак. Не могу выразить восхищения

своего при встрече с этими людьми, они словно спустились к нам с небесных высот. Особенно сильно я почувствовал это, увидев Коллара.

Свободный королевский город Зволен избрал Людовита своим депутатом на последний, проходивший в Братиславе сейм. Помню, как горячо готовился он к выступлениям; речи его всем известны, опубликованы они и в словацкой печати. Так называемые «юраты», составлявшие тогда в Братиславе серьезную политическую силу, говорили о нем: «*okos ember — csakhogy tót*» («мудрый человек — но словак»).

IV

Когда настали бурные времена 1848 г., редакция газеты Людовита, то есть, ее члены — Носак, Келльнер (Гостинский) и Юрецкий, разошлись. Людовит отправился на собрание словацких патриотов, которое прошло 10 мая в г. Липтовский св. Микулаш. Там были приняты «Требования словацкого народа» к венгерскому сейму, заседавшему тогда уже в Пеште. Однако они так возмутили правящие круги королевства, что за поимку и выдачу Гурбана и Людовита назначены были денежные вознаграждения.

(...)

По распоряжению властей Людовит должен был быть пойман, однако бла-

годаря милости божьей этого не случилось. По пути из Липтова через Жилину местный податной служащий узнал и выдал его, и за ним началась погоня. (...) Когда Людовит отправился в Модру к брату Каролу, тамошнему евангелическому священнику, он замечен был гвардейцами, но будучи вовремя предупрежден тещей брата, ушел через сады в Модранские горы, а оттуда лесничий Вештик проводил его в Яблонице, к католическому священнику Галбавому. Тот же, представив Людовита своим органистом, вывез его к близкой границе, откуда Людовит уже благополучно добрался до Праги.

VI

После окончания боев 1848–49 гг. и после сложения оружия в Братиславе каждый из добровольцев пошел своей дорогой. Мы трое: я, Догнаны и Модраны, окончившие, по большей части, свое образование, поступили на

службу благодаря рекомендациям Левартовского, нашего бывшего последнего коменданта, адресованным графу Антону Форгачу, которого имперское правительство направило к нам для организации Братиславского дистрикта.

Места были предоставлены нам поначалу временно, а затем при заведенном министром Бахом абсолютизме — на постоянной штатной основе.

(...) Властные круги хотели, чтобы и Людовит после военного умиротворения стал чиновником, однако он, желая сохранить свою независимость, никакой службы не принял. До поры проживал он в родительском доме в Зай-Угровце, но позднее, после кончины брата Карола, для воспитания оставшихся после него малых сирот в Модру перебрался и там находившимися в ту пору у власти кругами подвергался преследованиям. Потому, куда бы он, будучи под надзором, не отправился, обо всех его шагах они осведомлены были.

Чтобы понять тогдашние его обстоятельства, достаточно упомянуть случай, когда Людовит поехал с посольством в Вену с тем, чтобы национальные привилегии для словаков истребовать. Министр Тун набросился на него тогда со словами: «Auch Sie trauren sich her zu kommen?!» («И вы еще смеете сюда являться?!»). Поводом для такого вопроса стал, по всей видимости, проходивший в Праге славянский съезд, в котором Людовит участвовал наряду с другими славянскими корифеями; после наступления на Прагу им пришлось спешно разойтись.

Позднее, в 1855 г., 22 декабря, произошла катастрофа с Людовитом в Модре, о которой он сам поведал мне, будучи при смерти, когда я его навещал:

«Я как раз завершил одну из глав всеславянской истории, над которой работал («Славянство и мир будущего») и, отпустив племянников развлечь-

ся накануне Рождества, сам решил как следует размяться после долгого сиденья, повесил ружье на плечо и с несколькими парнями, вызвавшимися погонять мне зайцев, вышел в поля близ Модры, по направлению к деревне Будмерице, и там около полудня, перешагивая через ров, покрытый свежим снегом и, не удержавшись всей ступней на другом краю, упал навзничь. Ружье, которое я из осторожности дулом вверх и с невзведенным курком на плече нес, съехало, и отверстие дула прижалось к моей ноге у сустава так плотно, что выстрела, случившегося при ударе курка обо что-то твердое — о камень или о лед — я даже не услышал, но при этом весь заряд был без малейшего грохота в мою ногу всажен. Не будучи в силах подняться, я сперва подумал, что ногу либо вывихнул, либо сломал, однако, повернувшись немного набок, увидел, что одежда на мне подпаленная, почерневшая и окровавленная, и только тогда понял, что ранен был выстрелом. Как же должно было все сойтись, — продолжал он, — чтобы и ружье с плеча съехало, и отверстие ствола как раз к суставу ноги прижало, и курок именно в тот момент на что-то твердое наткнулся, и заряд весь выпалило — и все это в одну секунду произошло».

По случайности оказался там обычный дощатый воз из Модры, на котором Людовита до города довели, и не к нему, а на квартиру вдовы брата Карола занесли, где он после трех недель жестоких страданий, лежа постоянно лицом вверх, закрыл глаза навеки.

Достоин упоминания некий Лачный, мещанин из Модры, который за страждущим неотступно, с истовой преданностью ухаживал до последне-

го его вздоха, не ожидая за то никакой награды.

Когда ему врачи — его хороший знакомый Майер из Братиславы и родственник Эмрес — спустя восемь дней рану очистили и надежду подали, что если уж с не вполне здоровой ногой, но хоть живым останется, я, успокоенный, вернулся к своей службе в Бановцы, где и получил потом печальное известие о смерти Людовита от нашего знакомого, Янко Калинчака, тогдашнего профессора модранской гимназии, в письме, которое начиналось столь ра-

нившими меня словами: «Печальную весть вкратце...»

На том роковом ружье заказал я в Тренчине у ювелира Гусара сделать гравировку с указанием года и дня того несчастного случая и передал его затем в музей Матицы, находившийся в то время еще в Банской-Быстрице, в помещении, охраняемом каноником Червеном. Но как мне позднее сообщил Паулини-Тот, некое постороннее лицо похитило ружье и, хотя Паулини-Тот надеялся выйти на его след, случилось ли так или нет — о том мне до сих пор неизвестно.

Перевод Людмилы Широковой

Отрывок из книги «Современники о Людовите Штуре: воспоминания, сообщения, свидетельства». Братислава, 1955.

НАШИ СОВРЕМЕННИКИ О ЛЮДОВИТЕ ШТУРЕ

Ян Бузаши

Штур некогда нашел язык — секретный,
В разрозненных наречиях укрытый,
Он осветил его мечтой заветной
Ему дал силу, что со словом слита.

Речь стала спутницей его — лукавой,
Порой капризной, но навеки верной,
И, как причастие Христово, слава
В нас прорастает сладостью безмерной.

Перевод Дарьи Анисимовой

ЛЮДОВИТ ШТУР И БОРЬБА СО ВРЕМЕНЕМ

История — это, в первую очередь, борьба со временем. Творческий подъем рождается из знания, что часы времени непрерывно тикают днем и ночью, месяц за месяцем, год за годом. Люди рождаются и умирают, и только о народах у нас существует иллюзия, что они могли бы быть вечны. Люди борются со временем. За один и тот же отрезок жизни один человек может достичь большего, чем другой. Судьба народов — больших и малых — зависит от их деятельности во времени. История — это длительный процесс бега на длинные дистанции, использования времени. Это процесс опережения, наперстывания (упущенного) и отставания.

XVIII в. и XIX в. — это века современных народов и государств, империй и колоний. Это века побеждающей Европы, ее экономики, технологий, организованности и созидания. Кто в то время не смог устроить свою судьбу, тот остался на периферии. Европейский образ жизни и образ мышления стали определяющими для последовавшей затем глобализации мира. История тринадцати американских колоний в конце XVIII века, будущих Соединенных Штатов Америки, — это пример «экспорта» европейских ценностей на новооткрытый континент в западном полушарии. Это пример не только наперстывания, но и опережения старой Европы.

Современная словацкая история — это также тот случай, когда надо было догонять. Наши предки лишились своего государства в начале X века. До настоящего времени остается тайной, какова была судьба прежней правящей элиты и почему она отсутствовала при создании нового государства. Поколения словаков жили и работали в многонациональном государстве — региональной державе. Венгерское королевство было крупным центрально-европейским государством. Оно никогда не было составной частью Священной римской империи германского народа, как, например, Чешское королевство. Под прикрытием латинского языка как средства коммуникации высшие слои будущего народа считали своей родиной Венгерское королевство (*Regnum Hungariae*), и язык народа не казался им значимым явлением. Одной из причин позднейшего отставания был тот факт, что территория, населенная в основном словаками (на старых картах *Hungaria superior*), не стала автономной территориальной единицей, какими были Хорватия, Славония, Семиградь (Трансильвания), Банат, Воеводина и Далмация.

Открытие Америки, заокеанская торговля, османское вторжение в юго-восточную Европу переместили центр экономического процветания из Центральной в Западную Европу, к Атлантике. Произошло значительное замед-

ление развития всех народов на этой территории. Позднее Габсбургская монархия в принудительном порядке объединила народы Центральной и Восточной Европы в борьбе с османско-турецким вторжением. Габсбурги и их армии (точнее немцы, поляки, венгры, словаки, русины, хорваты, сербы и румыны в императорских войсках) выдавили турок из сердца Европы на Балканы и начали заселение разоренных земель. Мария-Терезия и Иосиф II заложили основы современного централизованного государства, центральноевропейской монархии, которая, при некоторой доле фантазии и значительном допущении, могла трансформироваться в XX веке в подобие объединенных в конфедерацию Соединенных штатов.

Сегодняшний день наших народов начал создаваться двести лет тому назад. Параллель с двухсотлетними Соединенными штатами не выходит у меня из головы. Как мы выстояли в двухсотлетней борьбе с неумолимым временем? Это история отставания или опережения?

У меня перед глазами учебник, где рядом помещены портреты Лайоша Кошута и Людовита Штура. У обоих буйные гривы, молодые лица обрамлены модными в то время усами и густыми бородами. Их почти не различить, хотя Кошут был на 13 лет старше Штура. Кошут — в венгерском дворянском ментике, Штур — в черной мещанской куртке. Сын земплинского дворянина и сын бедного евангелического учителя.

Уже одно только социальное происхождение этих мужчин предопре-

делило возможности их политической активности. Согласно марксистам, классом будущего была буржуазия, а в дальнейшем — пролетариат, безымянный «народ». Однако на практике политика в XIX веке не придерживалась абстрактных правил. В случае со Словакией Людовит Штур напрасно ориентировался на незначительное городское население и сельских жителей. Австрийской монархией и в ее составе Венгрией с политической точки зрения владела династия в Вене и широкие слои дворянства — от магнатов до мелкого поместного дворянства. Право голоса было ограничено узким слоем знатных и богатых людей. В жупных сеймах и в Сейме заседали в основном дворяне. И оппозиция к абсолютистской монархии должна была быть и была в основном из дворянской среды. Кошут стал руководителем либеральной дворянской оппозиции, и благодаря этому приобрел огромное политическое влияние.

Жизненные дороги обоих лидеров имеют определенные совпадения. Однако имеются и отставания во времени.

Год 1840. Штур, молодой выпускник, возвращается после учебы в университете в Галле. Старший по возрасту Кошут в это время уже признанный юрист. Его только что выпустили после трехлетнего заключения за публикацию запрещенных изданий. Он становится редактором журнала «Пешти хирлап» («Пештская газета»), который вскоре будет иметь 6 тысяч постоянных подписчиков в стране, где только 146 тысяч человек имели избирательные права. Журнал становится трибуной венгерской дворянской оппози-

ции. Сейм принимает законы о записи в церковных метриках на венгерском языке. Штур читает лекции в евангелическом лицее в Братиславе. Он приобретает преданных почитателей.

Год 1843. Людовит Штур решает на языковое разграничение и создание нового литературного языка на базе среднесловацкого диалекта. Через год руководство лишает его права занимать должность в лицее.

Год 1845. Штур получает разрешение властей и начинает издавать газету «Словенске народне новины» («Словацкая национальная газета») с литературным приложением «Орол татранский» («Орел татранский»). Закладываются основы современной словацкой литературы.

Год 1846. Штур кодифицирует словацкий язык в качестве литературного языка на основе среднесловацкого диалекта. Он пишет труд «Словацкое наречие, или необходимость писать на этом наречии», а Гурбан начинает издавать журнал «Словенске погляды». На новом словацком языке была опубликована поэма Сладковича «Марина».

Год 1847. Кошут абсолютным большинством избирается депутатом от Пешта. В том же году город Зволень уполномочивает Людовита Штура представлять свои интересы в венгерском сейме.

В революционном 1848 году пути двух вождей расходятся. В результате принятия мартовских законов возникла самостоятельная Венгрия с собственным правительством. Кошут становится министром. В мае в Липтовском св. Микулаше национальное собрание одобряет «Требования словацкого народа» — первую политичес-

кую программу словаков. На юге Венгрии в Воеводине сербы провозгласили самостоятельную провинцию. Новое венгерское правительство опасается акций национальных меньшинств. Оно издает постановления об аресте Штура, Гурбана и Годжи. Штур уезжает в Вену, а позже на Славянский съезд в Прагу. «Словацкая национальная газета» перестала выходить. Гурбан издает революционную антивенгерскую брошюру «Братья словаки». В сентябре Елачич нападает на революционную Венгрию Кошута. В Вене возникает Словацкий национальный совет, и первый отряд словацких добровольцев создается на территории Словакии. Словаки декларируют отделение от Венгрии.

Кошут и Штур стоят на противоположных позициях в открытой борьбе. История отставания и опережения народов Центральной Европы вступила в новую фазу.

Национальные революции в середине XIX века в Европе были результатом формирования современных народов и их усилия получить полный государственный суверенитет. История современных народов, разделенных давними границами с феодальных времен, начинается с борьбы за родной язык, являющийся идентификатором национальной общности.

Переводы Библии на национальные языки во время реформации дали старт постепенному исчезновению средневековой универсальности, представленной латинским языком. Во времена Просвещения французский язык играет роль коммуникативного языка образованной Европы. Возрастает социальная роль национальных языков как прочного цемента наци-

онального общества. Император-реформатор Иосиф II в австрийской монархии стремиться сокрушить господство латинского языка и внедряет немецкий язык в качестве официального языка всех граждан империи. Этим он открыл ящик Пандоры. На сцену Центральной Европы выходят пробудившиеся народы. В трудах по лингвистике обнаруживается родство отдельных национальных языков. Возникают новые формы идентификации. Романские языки юга Европы, скандинавские, англо-саксонские или северо-германские языки. И, наконец, Ян Коллар обнаруживает и очерчивает контуры большой семьи славянских языков, начиная с сердца Европы, Балканы и Евроазиатский континент и вплоть до Тихого океана. Немецкие философы Гегель и Гердер открывают новую картину истории. Ее создают уже не императоры и династии, а крупные цивилизации, основанные на этнических и языковых общностях. После эры римской и романской наступает германская эра, а кроме того нас ждет эра славян. В ней найдут свою историческую миссию и малые народы («племена»), такие как чехи и словаки — что, правда, под вопросом.

В австрийской части монархии пробуждаются негерманские народы — чехи, поляки (Галиция), словенцы, итальянцы. В наиболее выгодном положении находятся этносы, имеющие собственное дворянство и исторически признаваемые территориальные единицы: чехи (Чехия, Моравия и Силезия) и поляки (часть разделенного Польского королевства). В исключительном положении находятся итальянцы, видение будущей объединен-

ной Италии — это большой капитал. Самым слабым звеном сопротивления являются словенцы, не имеющие традиции образования государства. Их судьба во многом подобна словацкой. Часть хорватов имеет возможность развития в Далмации, которая досталась австрийской монархии по окончании наполеоновских войн.

Венгерская часть австрийской монархии имеет наиболее пестрый этнический состав. Венгерские просветители (например, Кёлчеи) уже в начале XIX века определили, что в границах исторической территории Венгрии на мадьярский (венгерский) этнос, который находится в немецком и славянском речевом окружении, приходится примерно 40% всего населения. Среди венгерской интеллигенции растет сознание опасности. Страх мобилизует большую энергию. Единственное подходящее решение — быстрая мадьяризация немадьярских народностей Венгрии, которая становится константой политики и культуры новых венгерских элит. Это борьба за выживание. Состязание со временем.

В борьбе за сохранение собственного народа в Венгрии в самой выгодной ситуации находятся народы, населяющие исторически признанные территории. Это, прежде всего, хорваты, живущие в Хорватии-Славонии. Сербы имеют свою цитадель в Воеводине — самостоятельной провинции, остатке бывшей антитурецкой Военной границы. По соседству — Босния также с преимущественно сербским и хорватским населением. Кроме того, сербы в Венгрии чувствуют поддержку самостоятельной Сербии, освобожденной от турецкого ига.

Большинство румын в Венгрии живет в Трансильвании. Эта провинция уже в течение столетий являлась самостоятельным политическим и экономическим субъектом с пестрой этнической палитрой: немецкие колонисты из Саксонии, румынское большинство и венгерский род Сикулов. Во времена борьбы с турками Семиградь как провинция подчинялась напрямую австрийскому императору в Вене. Извечным сном венгерской элиты было (и остается?) «объединение» Трансильвании с материнской Венгрией. Часть румын живет на исторической территории Баната. Румын в старой Венгрии, разумеется, поддерживало сознание, что за их спиной существует самостоятельная Румыния.

Мы имеем тут еще русин-украинцев (с их спорами об идентичности), но никак не одиноких, ибо они граничили с Украиной, составной частью царской России.

В Венгрии жила и значительная часть немцев. В Габсбургской империи, возглавляемой немецко-австрийской династией, они не могли быть и не были беззащитны. В большинстве городов решающую роль играли немецкие горожане.

Словаки — в то время их было 2–2,5 миллиона — были самым одиноким народом старой Венгрии. Неприятная исходная ситуация для политического вождя, которым должен был стать Людовит Штур. В борьбе со временем и — с Кошутом.

Первый и основной бой произошел в области языка. На первом этапе все народы выступили против официального немецкого языка. Немецкий язык был необходимой принадлежностью

образованного человека, языком администрации, образования и науки. Народы монархии узнавали друг друга через немецкий язык. Парадоксальным является тот факт, что главные труды национального возрождения просветители писали по-немецки. Вспомним чехов, таких как Палацкий, Ригер, Добровский, а также словаков Коллара, Шафарика и, наконец, Штура. Венгерские магнаты, жившие в основном вблизи императорского двора в Вене или в Братиславе, не знали венгерского. «Самый большой венгр» граф Штефан Сечени (родился в Вене) писал свои дневники и первые научные труды по-немецки. В 1825 году он шокировал посланцев венгерского сейма в Братиславе, когда заговорил на ломаном венгерском. Постепенно возникло венгерское сопротивление немецкому языку. Венгерский сейм в 1832–1836 годах законом установил ведение делопроизводства на венгерском языке. Венгерский язык отправился в триумфальный поход вглубь территории Венгрии, поддерживаемый жупным дворянством.

В это время наступил второй этап: протест немадьярских народов против венгерского языка. Период жарких дискуссий, документированных исков, жалоб, прошений, всевозможных петиций. Борьба за право на национальный язык переносится на международное поле. В 1843 году Людовит Штур в Лейпциге издал «Протесты и жалобы славян в Венгрии» на немецком языке.

Попытки использовать национальный язык в области образования или администрирования вызывали вопрос: какой именно язык? Этот логический вопрос в Словакии не имел логичес-

кого ответа. У словаков-евангелистов преобладал чешский язык («библичтина» — язык Кралицкой Библии — прим. переводчика), словаки-католики использовали «бернолаковщину» (бернолаковский вариант словацкого литературного языка — прим. переводчика). Влиятельный поэт Ян Голлый считал словацкий язык одной из равноправных сестер славянского языка. Напротив, в такой же степени авторитетный Ян Коллар говорил определенно, что в славянстве есть только четыре «племени», одно из которых — «чехословацкое». Штуровская молодежь в Братиславе с конца 1830-х годов наблюдала кризис колларовского всеславянского идеала, в котором не было места для самостоятельного словацкого «племени». Они начали задавать главный вопрос: чешский язык или словацкий язык? В это время пала концепция иллиризма, которая загоняла сербов, хорватов и словенцев в единое славянское племя, а следовательно, и в язык. Это была такая же искусственная концепция, как и концепция чехословакизма.

Ясно, что речь шла не только о проблеме языка. Речь шла о проблеме национальной идентификации и исключительности. Если выбирается чехословацкая концепция, то исчезает один народ. Штуровская молодежь устанавливает контакты с «бернолаковцами». Центром объединения двух лагерей была личность католического поэта Яна Голлого. Молодые называли его «отче». В феврале 1843 года по соглашению с единомышленниками Людовит Штур вынес историческое решение — принял среднесловацкий диалект в качестве основы литературного словацкого языка. Разделение чешского и словац-

кого языков стало фактом. Состязание со временем едва достигший двадцати семи лет выпускник германских университетов принял всерьез. В том же году он создал новую национальную идеологию в работе «Словацкое наречие, или необходимость писать на этом наречии», а впоследствии — и правила и грамматику нового литературного языка.

История намерстывания (упущенного) началась и ускорилась. За пять лет до решающего революционного периода в Европе навсегда конституировался еще один народ. Самостоятельность в языке означала вступление в самостоятельность политическую, социальную и экономическую. В этом шаге я вижу величие исторической фигуры Людовита Штура.

Решение Штура вызвало бурю негодования. Восстало все вокруг: Прага, Братислава, Пешт и Вена. В мае 1846 года в Праге вышли «Голоса о необходимости единства письменного языка для чехов, мораван и словаков». Против Штура выступили такие личности, как Франтишек Палацкий, Павол Й. Шафарик и Ян Коллар. В Братиславе на кафедре евангелического лицея Штура отверг Иржи Палкович и его единомышленники. Андрей Ланштьяк, Штефан Лаунер, Цтибог Зох начали бесконечные дискуссии и взаимные оскорбления. Лаунер, будучи профессором лицея в Банской Штьявнице, не скупился на выражения: «ересь штуровская», «паршивая болезнь», «свинская безбожность». Фонологическое правописание Штура, народный язык — это «только для пьяниц подходящий язык». Штуровцы — «как свинопасы на свое стадо покрикивают».

Признаемся, что сегодня и у нас филологическое правописание вызывает смешанные чувства. На счастье, Годжа благодаря своему компромиссному предложению уменьшил сопротивление, и в 1851 году по предложению Годжи и Гатталы произошло возвращение к этимологическому правописанию и кодификации письменного словацкого языка в том виде, в котором он используется до настоящего времени.

Буря несогласия и дискуссий между словаками и чехами в 1843–1851 годах отозвалась через 150 лет на ином, значительно более высоком уровне. Я вспоминаю государственно-правовые переговоры и раздел чехословацкой федерации в 1990–1993 годах. Вопросы, проблемы, аргументы повторялись, возникали и исчезали в различных формах. Это лишь доказывает, что шаг, предпринятый Людовитом Штуром, был шагом историческим. Он догнал отставшее время истории.

Вторым принципиальным шагом Людовита Штура в нашей истории были его политические решения в революционные 1848–1849 годы. Старая Венгрия оказалась на перепутье. Во время европейской революционной волны многонациональное венгерское государство могло трансформироваться в современное демократическое союзное государство, о котором мечтали венгерские якобинцы 50 лет назад. Венгерские вожди революции не поняли вызова времени и вступили на ложный путь доктрины единого народа. Они восстановили против себя все народности в стране. Толкнули их к сотрудничеству с абсолютистским режимом венского правящего двора. Таким

образом, они лишились союзников, лишились победы.

В 1848–1849 годах благодаря Штуру словаки вступили на сцену европейской истории. Надо сказать, что шаг этот был необходим, но не очень успешен. Самым значительным неуспехом можно считать тот факт, что хотя словацкое политическое представительство поддержало Вену в борьбе против восставших венгров, оно не достигло государственно-правового отделения от исторической Венгрии.

Словаки в борьбе со временем не смогли догнать и перегнать своих соседей. Если вернуться к параллельному рассмотрению фигур двух харизматичных лидеров — Штура и Кошута, то мы увидим ряд сходств и ряд различий. Оба имели в распоряжении очень разные исходные ситуации. Словаки в Венгрии находились в намного более невыгодной ситуации, чем венгры. Их активность ограничивалась многими факторами:

- 1). Арифметическое несоответствие в численности населения. Достоверность статистики того времени вызывает сомнения. Можно оценивать соотношение этнических групп примерно как 1:4.

- 2). Хотя словаки компактно населяли территорию под северной Карпатской дугой, страна «между Татрами и Дунаем», эта территория со времен Нитранского удельного княжества не имела исторически определенную южную границу и не являлась территориальной автономной самостоятельной единицей или провинцией. Географическое название Верхняя Венгрия (Horné Uhorsko) не указывало на то, что это страна словаков, Словакия.

3). На территории Словакии в те времена не было крупного города-центра национальной политики и культуры. Братислава — Прешпорк хотя и была долгое время столицей Венгрии, однако этнически она не выполняла задачу национального словацкого центра. Революция в Венгрии хотя и началась с принятия мартовских законов братиславским сеймом в марте 1848 года, однако настоящим центром венгерской народной революции стал Пешт как поле деятельности Кошута, Танчича, Петефи.

Словацкое национальное движение после принятия «Требований словацкого народа» в Липтовском св. Микулаше продолжается не в Словакии, оно переносится в Прагу (Славянский съезд) и в Вену (образование Словацкого национального совета и организация корпуса добровольцев).

4). Гегемоном венгерского национального движения было высшее дворянство, влиятельные и богатые магнаты, люди с международными контактами, такие как граф Сечени. Образованный магнат Сечени имел заслуги в создании Венгерской академии наук (1830) и венгерского Национального театра (1837). Политическим руководителем венгерской революции стала дворянская оппозиция во главе с мелким дворянством, представленным Кошутом.

Словацкое политическое представительство, шутовское поколение, не имело поддержки ни собственного дворянства (ибо его не существовало), ни словацкой более влиятельной городской прослойки, например предпринимателей, финансистов и т. п. Штур пытался наладить контакты с сербским

князем Обреновичем, представителями хорватских кругов в Загребе, наконец — с советниками при императорском дворе в Вене.

Самым могущественным противником венгерской революции был хорватский бан Елачич с хорошо вооруженной регулярной армией. Хорваты Елачича были главной ударной силой, противостоящей двухсоттысячной венгерской армии. Три военных корпуса словацких добровольцев из-за своей относительно небольшой численности не сыграли значительную роль в поражении революции. Именно деятельность Елачича и восстание сербов в Воеводине были причиной просто фанатичного сопротивления Кошута невенгерским народам.

После поражения венгерской революции венские правительственные круги отказались вести переговоры с группой Штура. Они опирались на мнение колларовцев. Или же мало известных словацких юристов (Главач, Ганрих). Решение о судьбе Словакии и повторном «присоединении» к побежденной Венгрии приняли посредники из рядов компромиссного венгерского дворянства.

5). Негативное влияние оказывало и религиозное разделение Словакии. Конфессиональная ориентация шутовцев с преобладанием евангелического духовенства оказывала замедляющее воздействие на католическое большинство мало сознательного сельского населения Словакии. Остается гипотетическим вопрос, смог бы Штур, если бы он был католическим лидером, мобилизовать намного более широкие слои словаков на вооруженную борьбу за ту или иную форму коронного кня-

жества, представленного в Вене в императорском совете.

6). Горечь поражения венгерской национальной революции незаслуженно отразилась на Словакии как составной части исторической территории Венгрии. Правительство в Вене отвергло штуровцев как слишком революционных «народных» мятежников. В вопросе о будущем Словакии Вена придерживалась мнения «чехословацки» ориентированной группы Коллара. Она углубила языковой раскол и хаос из-за принуждения использовать «старословацкий» (чешский) язык в Словакии. Группа Коллара не смогла осуществить государственно-правовое отделение Словакии от Венгрии (коронная провинция). Словакия была поделена на два района (брatisлавский и кошицкий), управляемые из Вены, как и другие венгерские территории. Территориально же они не составляли единое целое.

Хорватия-Славония, однако, сохранила свое автономное устройство в рамках Венгрии.

7). Судьба словаков и других народов Венгрии во времена абсолютизма Баха не была в центре международного внимания. И напротив, жестокое сведение счетов с венгерскими революционерами имело большой международный резонанс. Австрийский генерал Гайнау приказал в Араде казнить тринадцать генералов революционной армии. В Пеште казнили шестерых штатских, среди них расстреляли и умеренного первого премьер-министра графа Батьяни (ранее он подписал ордер на арест Штура, Гурбана и Годжи). Кошут после военного поражения венгерской революции эмигрировал в Турцию. Как

председатель правительства в эмиграции он жил в Лондоне, позже умер в Турции. Во время турне с лекциями он поэтическим языком, украшенным цитатами из Шекспира, говорил о страданиях Венгрии. После французского генерала Лафайетта он был первым иностранцем, выступившим с речью в обеих палатах американского конгресса, и его принял президент США. Он прожил в эмиграции еще 45 лет. В коридоре конгресса в Вашингтоне до сегодняшнего времени в нише стоит его бюст как борца за свободу. Этот его имидж вошел и в XXI век.

А что стало с противниками Кошута?

Генерал граф Ёсип Елаич умер через десять лет после революции. Разочарованный неблагодарностью Вены, он жил в уединении и сошел с ума.

Граф Штефан Сечени, яростный противник Кошута и принудительной мадьяризации, революции и кровавого насилия, провел годы в психиатрической клинике в австрийском Дёблинге. В возрасте 69 лет покончил жизнь самоубийством.

Людовит Штур умер в 1856 году, будучи опекуном детей брата в Модре, в результате последствий банального несчастного случая при падении с заряженным ружьем. Ему было немногим более сорока лет...

Без Людовита Штура не было бы сегодняшней Словакии на европейской и мировой сцене. Будучи словаком, славянином и одновременно европейцем, получившим образование в германских университетах, всесторонне одаренный педагог, писатель, журналист, лингвист, политик, он понял вызов своего XIX века. Осознал, что

словацкий народ отстаёт в борьбе с неумолимым временем. В необычайно тяжёлых исходных условиях Людовит Штур смог пробудить словацкий народ от столетнего летаргического сна и монотонной будничной жизни. Без исторически признанной территории, без собственного дворянства, без экономической поддержки социальных слоёв он вывел на сцену творящего историю столетия почти безымянный народ. Мы почти ничего тогда не имели, все ценное было в чужих руках.

Что оставалось и сохранилось, так это религия, вера в высшую справедливость и источник бесконечной надежды.

Что оставалось и сохранилось, так это словацкий язык, традиции, обычаи, песни, ритуалы, народная словесность, связь с природой, искусство ремесел, владение орудиями для создания средств существования. Для Штура это были зачатки будущего развития собственной политики, экономики, литературы, музыки, изобразительного искусства, архитектуры, технологий. Поскольку время можно победить

только творчеством, работой. Нельзя ждать лишь помощи извне.

Людовит Штур сохранил наш словацкий язык, дал ему правила и достоинство. Он отказался объединяться с другими, хотя они были более многочисленны и успешны, чем мы. Он предпочёл творить под собственным именем, под собственной маркой. Благодаря запоздалой, но все же успешной кодификации письменного языка «кодифицировался» и весь народ. Он сделал его самобытным и самостоятельным. С учетом возможностей того времени привел народ к самопризнанию, самопознанию, самосознанию. Без Штура не возникла бы словацкая государственность, не было бы самостоятельной Словакии как государства-члена объединенной Европы XXI века.

Мы не выиграли бой с неумолимо текущим временем истории. Однако — благодаря Людовиту Штуру — мы этот бой и не проиграли.

Борьба словаков со временем продолжается, она касается каждого из нас.

Перевод Евгении Майоровой

ЛЮДОВИТ ШТУР И ЛУЖИЦКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) МИР

В октябре 2015 года в Словакии отмечалось 200-летие со дня рождения одного из величайших сынов словацкого народа — Людовита Штура (28.10.1815–12.01.1856). Большую часть своей недолгой жизни Штур старался делать все возможное для улучшения положения словацкой нации. В труде «Славянство и мир будущего», который был написан Штуром уже в конце его творческого пути, говорится: «... С ранней молодости меня более всего волнует мысль о судьбе нашего народа». Однако жизнь Штура и его работа на благо родной страны сопровождались немалыми трудностями, и потому в той же книге он сам называет себя «человеком, сделавшим и вынесшим ради своего народа все, что только можно себе представить».

Штур был журналистом, поэтом, философом, поклонником изящных искусств, а также политиком, депутатом и даже, выражаясь современным

языком, политологом. Он обладал широчайшим кругозором и знаниями в самых различных областях жизни. До нас дошли его суждения по всевозможным вопросам и проблемам. Очевидно, что и тему так называемого «славянского мира», неотъемлемой частью которого являлся его родной народ, Штур просто не мог обойти своим вниманием. Славян он характеризует как «народ, многочисленный, разбитый, <...> повсюду запряженный в триумфальную колесницу чужеземцев, <который> только является материалом для чужих построек и в награду за все это еще подвергается насмешкам, стыдом и позором...». У Штура были все возможности для того, чтобы неплохо узнать славянский мир: блестящая эрудиция, владение иностранными языками, большой интерес к предмету изучения и возможность много путешествовать.

ЛЮБОВЬ К ПУТЕШЕСТВИЯМ И НЕОБХОДИМОСТЬ

Л. Штур много и с удовольствием путешествовал. По родной Словакии, по Габсбургской монархии (Новоград, Прага, Градец Кралове, Пешт, Вена) и за границей (Германия, Хорватия). Первое путешествие Штура, о котором нам достоверно известно, состоялось в 1836 году. Это была поездка по Нит-

ранскому региону, целью которой было разыскать там представителей местной интеллигенции и убедить их влиться в национальное движение. Последнее в своей жизни путешествие Штур совершил в декабре 1854 года в Иванку-при-Дунае в гости к сербскому князю Михалу III Обреновичу (у того в Иван-

ке-при-Дунае были владения, и он дал Штуру денег на поддержку словацких добровольцев, участвовавших в вос-

стании 1848 года). К тому времени Штур уже находился под полицейским надзором в Модре.

ЛЮДОВИТ ШТУР И ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

Л. Штур владел многими иностранными языками, что открывало перед ним огромные возможности и для обучения, и для узнавания новых культур, поскольку на тот момент специальной литературы на словацком языке существовало еще крайне мало. С самого раннего возраста родители побуждали его к изучению языков. Когда Людовиту было 12 лет, его отец Самуэль Штур отправил его в начальную гимназию г. Раба, где тот совершенствовал свои познания в венгерском и немецком языках. В период с 1838 г. по 1840 г. Штур изучал философию и эстетику в Галле-Виттенбергском Университете (сегодня он носит имя Мартина Лютера). В университет он поступил в 1838 г. Интересно, почему он выбрал именно университет в Галле, хотя изначально собирался ехать учиться в Берлин? Как пишет Штур в сентябре 1838 года в письме своему родственнику из Скалице Болеславику Врховскому, главе адвокатского бюро в Пеште, обращаясь к нему за финансовой поддержкой: «...Я вынужден искать какое-то другое место. О Берлине мне и мечтать не приходится, учитывая тамошнюю дороговизну. Так что придется ехать в Галле». Там же Штур вспоминает о семейных делах в Тренчине: «Брат мой, я вовсе не о милостыне прошу и не о подарке, а прошу дать мне денег в долг, чтобы я мог отправить подписанные отцом

ипотечные бумаги на наши поля и дуга в Тренчине, которые сейчас мы сдаем в аренду»¹.

Помимо западных и классических языков, Людовит Штур прекрасно говорил на различных славянских языках. В 1836 г. на заседании «Чешско-славянского общества» в Братиславе он по-польски приветствовал гостя из Варшавы Александра В. Мацейовского. Известно, что Штур выражал свою солидарность с польским борцом за свободу. Он также говорил на сербском языке и состоял в личной переписке с уже упоминавшимся сербским князем Михалом III Обреновичем. В 1842 г. Штур поддержал сербских студентов в Братиславе, требовавших учреждения собственной кафедры в евангелическом лицее (письмо чешскому деятелю национального освобождения Йозефу Станеку от 15 января 1842). Несколько раз Штур встречался и состоял в длительной переписке с русским славистом Измаилом Ивановичем Срезневским. Наконец, он очень симпатизировал самому малочисленному славянскому народу — лужицким сербам, как называли себя потомки полабских славян. В течение многих лет он общался лично и переписывался со многими лужичанами, среди них доктор Бедрих Адольф Клиш, Ян Арношт Смолер, Хандрий Зейлер, Х. Лубьенский, Ян Лагода и другие.

¹ Письмо Л. Штура Болеславику Врховскому от 14.09.1838 г.

ЛЮДОВИТ ШТУР И ЛУЖИЦКИЕ СЕРБЫ: ГЛУБОКАЯ ВЗАИМНАЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ

Во времена Штура Лужица была (и остается сегодня) самым западным рубежом славянства. И именно у лужицких сербов Штур находит более всего сходства с собственным народом. Обе эти небольшие нации в течение многих столетий угнетались другими, превосходящими их по численности народами: лужичане — немцами, словаки — венграми. Штур имел возможность лично познакомиться с жизнью в лужицких землях и узнать о положении проживавших на них славян еще во время своего обучения в Галле. Весной 1839 года он совершил поездку в края, которые населяли и населяют до сих пор лужицкие сербы, и по следам этого путешествия в чешском журнале «Кветы» опубликовал свой путевой дневник под названием «Путешествие в Лужицу весной 1839 года».

Дольше всего Штур задержался в лужицком городе Будишине (нем. Bautzen, 24–27 апреля 1839 г.), затем посетил Сгро-релец (нем. Görlitz), Краловски Гай (нем. Königshain), Каменец (нем. Kamenz), Дрезден и Лейпциг. Во всех этих городах он встречался с лужицкими патриотами. Кажется, наибольшее впечатление на него произвели лужицкие студенты из гимназии в Будишине, которые организовали Сербское гимназическое общество и как раз в тот период, когда там побывал Штур, занимались возрождением национальных традиций своих предков. Штур приветствовал патристические настроения будишинских студентов и прочих лужичан и организовал для них сбор книг в Словакии и Чехии. Кроме того, он обратился с просьбой к известному чешскому издателю и кни-

готорговцу Ярославу Поспишилу, чтобы тот бесплатно высылал в Лужицу издаваемый в Праге журнал «Кветы». Штур убеждал многих своих лужицких знакомых, в том числе Яна Смолера, что им необходимо отказаться от своего онемеченного правописания и принять новую орфографию, похожую на чешскую, то есть славянскую.

Лужицкие сербы также высоко оценили вклад Людовита Штура в их национальное движение. В дневнике будишинского «Сербского гимназического общества» мы читаем: «Мы очень благодарны Штуру за то, что он проторил нам дорогу к другим славянам, что писал о нас в Прагу, Пешт и Братиславу. Если движение лужицких сербов вновь оживет, то это будет заслугой, прежде всего, Штура. Он наполнил наши сердца новым дыханием и приумножил в нас наши устремления».

Путевые заметки Штура вызвали бурную реакцию в славянском мире. Уже в 1840 г. они были переведены на сербскохорватский язык и изданы в «Летописи Матицы Сербской».

Со времени путешествия Людовита Штура к лужицким сербам прошло уже 176 лет. Изменилось ли что-нибудь в землях полабских славян? Как выглядит Лужица сегодня? В прошлом году мне довелось несколько раз посетить Верхнюю Лужицу. Далее я позволю себе провести сравнение между сегодняшней Верхней и Нижней Лужицей, жизнью людей, их населяющих, и той Лужицей, которая когда-то предстала глазам Штура.

Лужица — это регион, большая часть которого располагается в Герма-

нии, а меньшая — в Польше. Географической его границей на севере является река Спрева, а на юге — чешско-немецкая граница. Вся Лужица делится на Верхнюю и Нижнюю.

Во времена Штура Лужица принадлежала Королевству Саксонии и Пруссии. Сегодня территория Лужицы располагается в германских землях Саксонии и Бранденбурга. В своих путевых очерках «Путешествие в Лужицу» Штур указывает, что на данной территории в тот период, то есть в 40-е гг. XIX века, проживало около 80 тысяч лужицких сербов. С большим удовлетворением он цитирует будишинского бургомистра доктора Клина (в сущности, он являлся всего лишь исполняющим обязанности бургомистра, но по тем временам даже это было невероятным фактом для лужицкого серба), который сказал, что «лужицкие сербы — это самый сверкающий бриллиант в саксонской короне». С этим выражением будишинского бургомистра можно вполне согласиться. В самом деле, Лужица — это чарующий и очень привлекательный край среди обширных, но довольно однообразных по ландшафту земель Германии. Это специфический регион, и думаю, что так было всегда. Почему? Потому что в Лужице переплетаются две культуры, здесь встречаются два мира. Оба они достигли высокого уровня культурного развития, но сильно отличаются друг от друга. И как часто бывает, именно за этой разнородностью и пестротой скрывается соль жизни. В Лужице соединяются славянская свобода, традиции, красочность с немецкой дисциплиной и систематичностью.

Общаясь с жителями Лужицы, Штур, как чувствительный сейсмограф, уловил множество противоречий между

славянской и немецкой душой. Тогда он отмечал, что лужичане жаловались на то, что их насильно онемечивают. Сегодня же проблема состоит в другом. Обе этнические группы, проживающие в этой области, одинаково страдают от тяжелой экономической ситуации, которая для лужицких сербов осложняется еще и потерей национальной идентичности. Сегодня в Лужице уже не происходит прямого онемечивания, такого, какое было здесь в определенные периоды истории. Как раз наоборот: из государственного бюджета и бюджета отдельных федеративных земель выделяются значительные средства на развитие серболужицкого образования и культуры. Однако сегодня Лужица борется с экономической германизацией. Это особенно актуально в связи с тем, что в данном регионе находятся поверхностные месторождения бурого угля и каолина. Казалось бы, это важные природные ресурсы, добыча которых положительно влияет на экономику региона и повышает уровень жизни в Лужице. Но есть и другая сторона медали: увеличение добычи приводит к вымиранию деревень и полному исчезновению лужицких поселений. Ради экономического роста и обогащения отдельных слоев населения были поставлены под угрозу некоторые исторические места, например, древнейший паломнический центр в Германии г. Розенталь (*луж. Róžant*), рядом с которым располагается месторождение каолина. Таким образом, не по причине онемечивания, как это было в далеком прошлом и даже еще во времена нацистов, а из соображений экономической выгоды и трудоустройства многие лужичане сегодня покидают места своего традиционного проживания, ассимилируются с преобладающим

немецким населением, вследствие чего утрачивают свой язык и связь с лужицкой общиной. Следует добавить, что в интересах экономического развития добычу природных ресурсов на территории Лужицы поддерживает, в том числе, председатель правительства Саксонии Станислав Тиллих, сам являющийся по национальности лужицким сербом. В целом, все это сильно напоминает историю словацкого народа: когда-то и у нас было мощное давление мадьяризации, а в настоящий момент буквально на все, включая сознание и подсознание наших граждан, влияет всемогущая рука экономики.

Когда-то Штур очень привлек внешний вид лужичан, и он сравнивал их со словаками. «Мужчины, — писал он, — в большинстве своем высокого роста и могучего телосложения, женщины тоже имеют приличный рост, взгляд у них острый и пронизательный (как вообще у всех славян), щеки румяные, лицо округлой формы, кожа светлая. Национальный костюм же не слишком отличается от костюмов словачек».

Он также обращал внимание на бескорыстие и искренность лужицких сербов, приводя в пример случай, когда по пути в Каменец обратился к одному лужичанину, не мог бы он помочь ему поднести багаж, а тот не только помог, но и взял лишь часть денег, предлагавшихся ему Штуром в знак благодарности.

Путешествуя по Лужице, Штур повсеместно отмечал набожность лужичан. Если бы Штур посетил Лужицу сегодня, возможно, он бы удивился тому, насколько ярко лужицкие сербы до сих пор справляют церковные праздники и сколько различных обычаев у них с ними связано. Вероятно, самые

пышные празднества проходят здесь на Пасху, когда устраиваются знаменитые серболужицкие пасхальные кавалькады. Примерно с конца XV в. на Пасху мужчины, облаченные в черные костюмы, с цилиндрами на голове, отправляются верхом на лошадях в соседнюю деревню, возвещая о воскресении Христа. Такие кавалькады, к примеру, традиционно проходят между деревнями Ньебелчицы и Вотров. Пасхальные празднества ежегодно привлекают в Верхнюю Лужицу множество туристов. Популярны и процессии, которые совместно организуют партнерские серболужицкие деревни на Праздник Тела и Крови Христовых. В отличие от Словакии, в этих лужицких торжествах также принимают участие и девушки, одетые в национальные костюмы.

Штур отмечал, что серболужицкое население концентрируется, в первую очередь, в деревнях и именно там чаще всего можно услышать славянскую речь. Он объясняет это так: «Земли, на которых проживают славяне, более урожайные... Особую роль здесь играет природная <славянская> склонность и любовь к земледелию... Среди простого народа чаще можно услышать славянскую речь...» И в наши дни серболужицкое население в большей степени сосредоточено в деревнях, тогда как в городах преобладает население немецкое. Благодаря тому, что основная часть серболужичан проживала в окруженных горами деревнях, образуя довольно закрытые общества, им удалось лучше сохранить свои национальные традиции.

Будучи прагматиком, Штур видел тесную взаимосвязь между положением народа и экономической ситуацией в регионе, и потому призывал стре-

миться повышать уровень жизни населения, чтобы народ приобрел экономическую силу. И этот его призыв был обращен не только к серболужичанам. Очевидно, что он имел в виду и свой собственный народ. «Чтобы получить одно *<народное образование, культуру, органы управления>*, нужно также стремиться и к другому *<обогащению>*».

В то же время Штур отмечает стремление серболужицкой интеллигенции сохранить свой язык, письменность и национальные обычаи. В своих путевых записках он рассказывает про свое посещение гимназии в Будишине, где десять серболужичан под руководством Эрнеста Шмалера (Яна Арношта Смолера) основали сербское общество для изучения сербского языка. Со Шмалером Штур не утратит связей и в последующие годы. Лужичане вообще легко сходились с людьми, причина тому, возможно, их малочисленность и факт проживания в чужом окружении. Ведь и в Праге еще в 1846 г. была организована так называемая «Сербовка» — «Общество Сербов Сербского семинара», — которая явилась первым славянским обществом в Праге.

Большое впечатление на Штура произвело издание «Краткой грамматики будишинского диалекта сербского языка» Гандрия Зейлера. Эта книга вышла в Будишине в 1830 г. Помимо прочего, она включала в себя собранные лужичками сербами Шмалером и Маркусом лужицкие народные песни. В письме Яну Арношту Смолеру Штур приветс-

твовал идею издания сербского журнала. Также он переписывался с Г. Зейлером. Кажется, что все эти идеи очень привлекали Штура и послужили определенным импульсом для реализации его собственных задумок в Словакии. Так, он организовал в Словакии и Чехии сбор книг для лужицких сербов, о чем упоминалось в письме лужицкой молодежи, которое Штур отправил из Галле 23 марта 1840 г. В том же письме упоминалось о книжных дарах некоего Клосопольского¹, а также о том, что некий господин Лубьенски работает над составлением сербского словаря. Уже после своего отъезда из Германии Штур неустанно следит за событиями в Лужице. Например, в письме чешскому патриоту Йозефу Вацлаву Станько он упоминает, что получил несколько номеров лужицкого журнала «Ютничка»². Этот журнал выходил лишь в 1842 году, а затем ему на смену пришла верхне-лужицкая газета «Тыдзенска новина»³. Ее редактором сначала был Гандрий Зейлер, а позднее Ян Арношт Смолер. Штур высоко ценил тот факт, что, несмотря на малочисленность лужицких сербов по сравнению с другими славянскими народами, в некоторых инициативах они нередко опережали своих более многочисленных собратьев.

Безусловно, времена сильно изменились. Сегодня, спустя 176 лет с момента выхода штуровского «Путешествия в Лужицу», лужицких сербов не стало больше, а по некоторым подсчетам, их численность даже уменьшилась и составляет

¹ Карл Август Мозиг фон Оренфельд — юрист и крупный землевладелец, сторонник серболужицкого движения, принявший сербское имя Корл Август Мосак-Клосопольский.

² луж. Jutnička.

³ луж. Tydźenska nowina — Serbske powěšće za hornich Łužičanow, нем. Wöchentliche Nachrichten — Sorbische Nachrichten für die Obersorben.

немногим более 60 тысяч человек. Вместе с серболужицанами в Лужице проживает немецкое население. Лужичане же расселены следующим образом: около 20 тысяч проживает в Нижней Лужице и 45 тысяч — в Верхней. В Верхней Лужице, расположенной ближе к чешской границе, представительство лужицких сербов значительней благодаря тому, что после Реформации (XVI в.) население этих земель осталось верным католической церкви и продолжало вести богослужения на верхнелужицком диалекте. Тогда как сербы, проживавшие в Нижней Лужице, предпочли протестантскую веру, а поскольку Реформация пропагандировала богослужения на немецком языке, то вместе с переходом в новую веру они приняли немецкий язык и лишь спустя время все-таки ввели богослужения на нижнелужицком диалекте. На сегодняшний день в Верхней Лужице довольно много поселений, в которых преобладают серболужичане, оставшиеся верными католической церкви: Вотров, Бачонь, Ньебелчицы, Падлице, Ралбице-Рожант и другие. Центром Верхней Лужицы является город Будишин (Баутцен), центром Нижней Лужицы — Хотебуз (Коттбус).

В современной Германии лужицкие сербы официально признаны национальным меньшинством. Федеративное правительство в Берлине поддерживает деятельность серболужичан. В конституциях Саксонии и Бранденбурга, федеративных земель, в которых проживают серболужичане, прописано, что серболужицкий язык и культура находятся под защитой государства. Подобный пункт присутствует и в законе об образовании. На сегодняшний день большую угрозу представляют экономические обстоятельства, способствующие

опустению серболужицких поселений и исчезновению серболужицкого национального самосознания. Правительства федеративных земель Саксонии, к которой относится Верхняя Лужица, и Бранденбурга, в которую входит Нижняя Лужица, поддерживают серболужицкое образование и национальные общественные инициативы. Лишь в Нижней Лужице открыто 35 образовательных учреждений, в которых изучается серболужицкий язык. Это детские сады, двуязычные школы, серболужицкие школы, Нижнелужицкая гимназия в Хотебузе, Школа нижнелужицкого языка и культуры для взрослых.

В столице Верхней Лужицы городе Будишине по-прежнему существует та самая серболужицкая гимназия, которую когда-то посещал Штур. Во всей Верхней Лужице действует программа для дошкольных учреждений «Витай» (*Witaj*), предусматривающая изучение детьми серболужицкого языка в игровой форме. В Будишине также существует издательство «Домовина» (*Domowina*), основанное еще в 1912 г., которое при финансовой поддержке государства выпускает книги на серболужицком языке. В Лейпцигском университете, где в штуровские времена существовало сербское общество, сегодня открыт Центр сорабистики, занимающийся изучением языка и культуры лужицких сербов. Возглавляет его доктор Эдвард Ворнер.

Существует и еще одна интересная знаковая деталь, подтверждающая, что лужицкие сербы по-прежнему чувствуют свою принадлежность к славянам. Недалеко от лужицкого села Бачонь на одном из паломнических маршрутов возвышается красивейший памятник Святым Кириллу и Мефодию, постав-

ленный в 2000 г. местной католической церковью при поддержке жителей Лужицы в знак благодарности за принесенную в эти края солунскими братьями христианскую веру. Таким образом, лужичане подчеркнули свою принадлежность к общей великоморавской и, в целом, к славянской истории. Святые братья будто бы стоят на огромном алтарном камне, символизирующем Иисуса Христа как основу христианской веры. Пространство перед памятником усыпано камнями различного размера, из которых торчат кресты. Это единственный памятник Святым Кириллу и Мефодию на немецкой земле, и он возведен силами «Общества Святых Кирилла и Мефодия» в Будишине. Ав-

тором памятника является скульптор Доброслав Багинский из Люблина.

В заключение позволю себе процитировать слова Штура, в которых содержится призыв к лужичанам и ко всем нам:

«Лужицы! Я видел ваших жителей, видел святыне памятники ваши! Они разрушаются, их становится все меньше, с каждым днем они приближаются к своему концу! Так возьмите себя в руки! Учитесь на примере народов исчезнувших, ведь и вам будет уготована такая же судьба, если вы всей душою своей не встанете на защиту наследства, оставленного вам отцами и погибшими братьями вашими. Храните сокровища народные для лучшего будущего!» (*Людовит Штур «Путешествие в Лужицы весной 1839 года»*)

ЛИТЕРАТУРА

- **Nowotny Pawoł:** Lětopis Instituta za serbski ludospyt, rjad A, Rěčespyt a literatura, č. 4, Ludowe Nakładnistwo Domowina, Budyšin, 1956/57.
- **Štúr, Ľudovít:** Slovanstvo a svet budúcnosti (Das Slawentum und die Welt der Zukunft, vydané cca v 1852).
- **Štúr, Ľudovít:** Boleslavínovi Vrchovskému, list datovaný: V Bratislave, 1838 dňa 14. Septembra.
- **Štúr, Ľudovít:** Janovi Arnoštovi Smolerovi, list, v Halle 1840 dňa 5. januára.
- **Štúr, Ľudovít:** list lužicko-srbským vlastencom z Halle, 24.novembra 1839; z 23.3.1840.
- **Štúr, Ľudovít:** Cesta do Lužíc, cestopis, pôvodne uverejnený v Časopise českého múzea, IV. zväzok na rok 1839.

Перевод Анны Песковой

Яна Юдиныова, прозаик и переводчик специальной и художественной литературы. Со словацкого язык на английский перевела сборник Павола Добшинского из шестнадцати народных сказок *Pavol Dobšinský: Slovak Folktales*, который был издан в 2004 г. В 2006 году вышел ее перевод романа американско-словацкого автора Василя Штефана Кобаня «Мариенкины печали». В 2008 г. издала книгу мемуаров «Воспоминания госпожи Анички Хренковой», в 2013–«Наталя Ольденбургская: забытая жемчужина Нитранской земли». Книга повествует о жизни и творчестве проживавшей в Бродзянах герцогини Наталии Ольденбургской, племянницы великого русского поэта А.С. Пушкина (она была дочерью свояченицы Пушкина Александры Николаевны Гончаровой, в замужестве баронессы Фогель фон Фризенгоф, и барона Густава Фогеля фон Фризенгоф).

НАД МОРАВОЙ ДЕРЕВЯННЫЙ МОСТ

Людовит Штур шел из Микулаша, точнее — из Онрашовой, куда все завернули якобы только помыться, но он и назад шел весь взмыленный и мокрый от пота, потому что ему, именно ему устроили головомойку, хорошо еще не надели на его вымытую голову немецкий шлем, а сверху — шип или хотя бы пастушье перо, будто только он должен был испарывать остроконечной головой чужие, бедные, но главное — богатые и пресыщенные, ненасытные животы.

И этим-то людям тоже надо было разругать его газету: он-де недостаточно решительный, смелый и прямой, он-де хочет подольститься и не может порядочно ни критиковать, ни поносить, да к тому же не силен в правописании. Наверно, в нем хотели видеть только разбойника, главаря разбойников с широким ремнем в медных клепках, который редактирует газету с разбойничьими пистолетами и топориком в руках. А что это за редактирование, скажите на милость, — без денег, да еще и стреляют со всех сторон?! У меня же ни гроша за душой, в редакцию даже некогда зайти, сестра моя там плачет, а мне приходится вертеться! С каждым нужно договориться, с волками по-волчьи выть, с кротами землю рыть. А когда я кричал с трибуны венгерского сейма, я кричал за всех, потому что от главного стола, с ряда вельмож меня

поддерживал один архиепископ Гаулик, уроженец Трнавы, да еще зволенские горожане и профессор Мойзес из Загреба, а другие надо мной даже смеялись. Только Кошут не смеялся. Сначала он выступал против меня, но потом и ему пришлось со мной согласиться. А на саблю я и потому еще опирался, что не было рядом со мной Гурбана, который лучше всех знает, как взмокла у меня спина и как болит желудок.

Народ голодает, а вы думаете только о правописании. У нас еще нет ничего. Нет даже денег на газету, а вам уже Питё на скрипке наигрывает! Огого, парни, у Питё-то слух не в порядке! Хороший слух у Лихарда, Радлинского, Себерини, Йозеффи, Голлого и Цтибога Зоха, он ведь с Оравы. На свадьбе мы или на похоронах? У отца и у деда был хор. Пел там и Палацкий. Дайте золотой, в моем кармане пусто! Если газета испустит дух, я, наверно, даже домой не зайду, разве что в Туриец, на Ораву, а может, даже после смерти добреду до Терховой, на волчье кладбище, так волки умирают...

Но раньше, чем Питё доиграл свою мелодию, в Липтов прибыл королевский комиссар и приказал: — Немедленно арестовать все липтовское собрание и в первую очередь — особо опасное собрание в Микулаше, в Бобровце и в Ондрашовой, каждого участника посадить в тюрьму и допросить, а за-

тем ждать дальнейших распоряжений, поскольку его высочеству и, паче того, господину Кошуту «Требования словацкого народа», которые были опубликованы в штуровской газете и отправлены венгерским властям, совершенно не по душе.

И вот уже из Глобокого в Микулаш примчался посыльный, чтобы сообщить о захвате приходского дома Гурбана какой-то гвардией, якобы из Модры и Пезинка. Никого из приходского дома не выпускают. Ворвались они и в храм, раскидали все, что можно было раскидать. Даже лютеранскую ризу Гурбана разорвали в клочья и прикрепили лоскутки к себе на шляпы.

Правда, посыльному из Глобокого удалось добраться только до Поважской Быстрицы. А там его поймали расставленные повсюду шпики. И помоги ему, бедняге, бог, если у бога есть совесть!

Но тем временем все липтовское собрание разбежалось. Каждый побежал в свою сторону.

И Людовит увидел вдруг все совсем по-другому. Он понял, что рядом с ним — только настоящие друзья, хотя они с ним и спорили, и сам он кричал громче всех, может быть, даже и обидел их.

Он бежал с Юрко Годжей, а за ними следил, хотя они о том и не догадывались, некий Мориц Маршовский из Предмиера, который расставил вокруг Жилины своих людей. Вначале они хотели не то чтобы спрятаться, а лишь по дороге, по дороге к этой несчастной газете и ко всему прочему, что ждало их в неопределенном будущем, только у кого-нибудь переночевать. Но их тоже схватили на Будатинском мосту.

И Дюрко Годже пришлось долго уговаривать дозорных, среди которых оказался и один его знакомый.

— Господи, что же вы делаете, парни! Мы же все, да и вы тоже, из одного края. Что же вы нас, как собак-то! Не бойтесь, договоримся мы и с Кошутот. Меня можете прихлопнуть, но зачем вам еще и Годжу обижать? А если нас пристрелите, потом самим же стыдно будет.

— Ну ладно, бегите! Только не говорите никому, что нас видели.

— Не бойтесь, не скажем!

Потом они расстались. У каждого были свои обязанности. Встретиться договорились у брата Штура, Карола, и тогда, сделав уже свои дела, обсудить помимо других важных вещей и то, как быть дальше с газетой.

Штур ночевал в Велькой Дивине у Штефана Заводника. Точнее, даже не ночевал. Сначала они долго разговаривали, а потом страх не дал ему заснуть. Да и хозяину тоже.

Не прошло и часа после ухода Штура, как к Заводнику, служившему в ту пору мессу, явился комиссар:

— Кто был здесь ночью?

— Причетник с женой.

— А усов у этой жены не было?

Штефан Заводник только улыбнулся и покрутил головой.

— Пойдете с нами!

А Штур бежал дальше и стал просить потом перевозчика переправить его на пароме на другой берег Вага. Но тогда уж тот стал просить не требовать от него такой услуги, поскольку-де Ваг разлился, да к тому же на другом берегу еще больше дозорных стоит. Сам Маршовский ходит по трактирам да избам, хочет изловить Годжу, Гурбана

и Штура. Никак нельзя перебраться из Заричья до Грицова из-за непогоды, что волны на Ваге поднимает.

— Ты что же, негодный, думаешь — у липтовских паромщиков да перевозчиков хуже древесины, легче плоты и паромы? Вези сейчас же, и ни гроша за это не получишь, ни полушки тебе не дам.

— Ладно уж, перевезу тебя, парень, раз ты такой отчаянный.

Надругом берегу хотел он заплатить, но перевозчик отвернулся: — Плевать мне на деньги. Пан Штур, я ведь потому не хотел вас везти, что мне каждого порядочного человека жалко.

Снова сел Штур на коня и поспешил дальше. И не знал он, что Маршовский тоже уже не один раз перебирался через Ваг на этом же самом, да и на других паромах. Штур даже заметил на другом берегу всадника, подозрительного с виду, но подумал, что через Марчок, Заричье и Образову, хоть сто раз переправься через реку на пароме, будь он хоть злодей, хоть сам черт — все равно всадник этот может направляться только к Эугену Герометте в Битчу.

К Герометте он потому и не заехал. — Даже если бы за мной волки с собаками гнались, все равно я сегодня же в Тренчине должен быть! — Но приходилось ему то и дело в сторону сворачивать. Он чувствовал, слышал, как тяжело дышит взмыленный конь, как бьется под седлом его лошадиное сердце.

Он загнал коня, еще не доехав до Тренчина, и оказалась при нем одна только сабля. В городе полно было стражников. Он шагал по улице Тренчина, как обычный человек, у которого, правда, задница не только взмокла

от страха, но еще и до крови натерта седлом. Шел он не спеша, размеренно, словно простодушный бедный римлянин, который знает или хотя бы догадывается, как примерно должна выглядеть правда в незрелом, несовершенном, несправедливом человеческом и бесчеловечном сенате.

Стражники, конечно, за ним. Однако даже стражники не всегда хотят хватать каждого встречного.

После полуночи ехал он из Тренчина в экипаже. Возничий Махала узнал о нем заранее в Четвртке и сказал, что поедет хоть немедленно, ночью, через Галузницы и Бошац в Земианске Подградие к графу Густаву Остролюцкому.

Но и за этим уже следили. Вдоль берега Вага за Штуром спешил Дюрко Годжа. Он порой даже плакал с досады, видя, как Штур удаляется от него. Встретившись, они успели только перекинуться несколькими словами. Дюрко полетел дальше, а Людовит скрывался в церкви, на башне. Адела Остролюцкая два раза приносила ему еду. — Играй, Питё, играй, ругай меня, Пишта, далеко еще из Ондрашовой до Бобровца, далеко из Микулаша или из Штявницы, из Острой Луки до шахт, до земли.

*Когда шел я по деревне от кривой
избенки
обратился мой соколик в черна
вороненка,
месяц в небе улыбался и звезда светила
у меня же под ногами стежка лишь
пылила...*

Грязный и запыленный, прибежал он к брату Каролу в Модру. И переодеться-то было не во что. У Карола тоже не оказалось ничего прилично-

го, даже для родного брата. Спросил он тогда Дюрко Годжу: не побоялся бы тот, хоть и так уж утомился, съездить в Прешпорок, привезти ему какую-нибудь одежду и белье, а главное — денег на редакторскую работу. Но даже здесь, у брата, не удалось ему обогреться и высушить одежду, от пота мокрую.

Теперь уж какие-то модранские шпики донесли, что он там, у брата своего в приходском доме в Модре.

Злые, а может, просто рьяные, бравые гвардейцы, против которых работало время, уже приближались, правда, не со стороны нижних городских ворот, тогда было бы поздно, ведь нижние ворота совсем рядом с евангелическим

немецким и словацким храмами, но они уже приближались. Об этом предупредила его Эмреска.

Штур успел-таки улизнуть. Даже брат не знал — куда, хотя гвардейцы перевернули вверх дном весь приходской дом. Они искали Людовита и в храме, и в бочке из-под вина. Но всегда ли истина в вине?! Там не больше правды, чем в пушках Тюильри, чем в оборванцах, которые выкапывают из земли пушечные ядра и секут косами не только прогнившие дворянские гербы, но даже и колесо, по примеру которого они гнут перед господами спины и с тем же постоянством крутят колесо истории.

Перевод Людмилы Широковой

(Продолжение следует)

**Наброски неопубликованного романа, находящегося
в архивах жены В. Шидулы Анны Шидуловой**

ПРОРОК ШТУР И ЕГО ТЕНИ

или

ОТКРОВЕНИЕ, ПРИНЕСЕНИЕ ЖЕРТВЫ И ВОЗНЕСЕНИЕ НА НЕБЕСА

ПРОРОКА ЛЮДОВИТА ШТУРА И ЕГО УЧЕНИКОВ

СЦЕНЫ

- I. Пролог (1)
- II. Бал (1)
- III. Венгерский сейм в Прешпорке (Штур — Кошут 1)
- IV. Бал (2)
- V. Адела Остролюцкая
- VI. Корнелия Келленерова-Годжова
- VII. Адела
- VIII. Пролог (2)
- IX. Речи
- X. Топография боя — Первый поход. Мыява (Успех.)
- XI. Похороны
- XII. Сеница (Поражение.)
- XIII. Стара Тура (Успех)
- XIV. Разговоры о грабеже
- XV. Бегство с родины
- XVI. Пролог (3)
- XVII. Второй поход
- XVIII. Штур против Кошута (2)
- XIX. Пролог к третьему походу (4)
- XX. Третий поход и сложение оружия
- XXI. Бал (3.)
- XXII. Аничка Юрковичова (1)
- XXIII. Корнелия Келлнерова
- XXIV. Аничка Юрковичова (2)
- XXV. Штур против Кошута (3)
- XXVI. Отзвуки
- XXVII. Славянство и мир будущего

I. ПРОЛОГ (1)

(Железнодорожная станция в Праге. На перроне стоят трое с чемоданами, вещами. Они покидают город после окончания Славянского съезда и подавления Пражского восстания)

ИСКУСИТЕЛЬ: Славянский съезд в Праге, на котором представители славянских народов, проживающие в Австрийской империи хотели договориться об общей тактике осуществления федерализации, так называемом австрославизме, завершился раньше времени. Войска австрийского фельдмаршала Виндишгреца разогнали участников съезда — студентов и горожан, — сражающихся на баррикадах. Вы слышите грохот пушек?

ГОДЖА: Что будем делать?

ШТУР: Не знаю.

ГУРБАН: Мы не можем вернуться домой, в Словакию. Венгерское правительство Кошута обещало вознаграждение за наши головы.

ШТУР: Мы должны предпринять что-то радикальное...

ГУРБАН: Но что?

ШТУР: Что-то, что все поймут.

ГУРБАН: А что именно...?

ШТУР: Показать, что мы существуем.

ГУРБАН: Что мы существуем... Это и есть радикальное?

ГОДЖА: Мы кодифицировали словацкий язык. Мы написали книги «Наука словацкого языка» и «Словацкое наречие, или необходимость писать на этом наречии». Мы издавали «Словацкую национальную газету» с приложением «Орел татранский». Основали общество «Татрин». И что изменилось?

ГУРБАН: Мы сделали все, что могли. Петиции императору в Вену, аудиенции, письменные просьбы, а когда началась венгерская революция, мы обратились к венгерскому сейму в Пешт, к Кошуту, с «Требованиями словацкого народа»...

ГОДЖА: И ничего.

ШТУР: Мы должны начать борьбу.

ГУРБАН: Но каким образом?!

ГОДЖА: С оружием в руках?!

ШТУР: ВОССТАНИЕ!

ГУРБАН: Мы начинаем революцию?

ШТУР: Начинаем.

ИСКУСИТЕЛЬ: Итак, они отправляются в Вену. Вы слышите? Это гудок паровоза...

II. БАЛ (1)

МАРИЯ: *(декламирует)* Был ранний май, был час любви...глас горлицы к любви взывал...¹ *(Штур отрицательно качает головой)*

ИСКУСИТЕЛЬ: Готовы? Я открываю бал! Бал в честь масленицы! Великолепный бал! Замечательный!... *(Хлопает в ладоши. Вальс.)*

ШТУР: Позвольте?

(Все танцуют. К ним присоединяются Гурбан с Юрковичовой, Годжа с Келленровой. Искуситель выводит из темноты Аделу, та смотрит на танцующие пары.)

МАРИЯ: Ты танцуешь будто перышко, подхваченное легким ветерком.

ШТУР: А ты — как пух из одуванчика.

ИСКУСИТЕЛЬ: Обмен партнерами!

(Гурбан меняется со Штуром партнершами. Штур учит Юрковичову танцевать.)

ШТУР: Расслабься. Возьми меня за талию, а я положу свою левую руку на твою правую лопатку. И... раз — и... два — и... — раз — и... два. Ничего, что ты наступила мне на ногу, продолжаем.

¹ Строчки из поэмы «Май» (1836) чешского поэта-романтика Карела Гинека Махи (1800–1836).

ГУРБАН: *(Поспишиловой).* Вы — чудо, барышня Мария Поспишилова. Вы разбили Штуру сердце!

МАРИЯ: Я обожаю его! Я учу словацкий.

ГОДЖА: Корнелия, что случилось? Ведь ты же любишь вальс.

ГОДЖОВА: Да, люблю! Но где я видела даму Гурбана?

ГОДЖА: Она отличная актриса. Любительский театр.

ГОДЖОВА: Любительница всего? Комедиантка...

ИСКУСИТЕЛЬ: Обмен партнерами!

(Неожиданная смена партнеров. Гурбан танцует со Штуром.)

ГУРБАН: Мужчины выбирают?

ШТУР: Я не могу жениться на Поспишиловой. Мне что, тогда придется осесть в чешском Градце и наплевать на Словакию? Отдать предпочтение семье, пиву и уютной жизни обывателя...?

ГУРБАН: Удивительная девушка!

ШТУР: Ты сошел с ума? Нет! Не наступай мне на ноги! В чем мы поклялись на Девине? Никакой женитьбы! Все силы мы должны отдать народному делу!

ИСКУСИТЕЛЬ: Перемена!

(Штур опять танцует с Поспишиловой, Гурбан — с Годжовой, Годжа — с Анной Юрковичовой.)

ШТУР: Всем балам приходит конец. *(Тихонько запекает.)* Забудь, дорогая, о юноше...

МАРИЯ: Что ты сказал?

(Штур заканчивает танец с Марией и «отправляет» ее вглубь сцены. Адела из темноты декламирует несколько строк из «Прощания».)

АДЕЛА:

Забудь, дорогая, о юноше дальнем,
над кем грозовые тучи сгустились;
забудь, дорогая, о друге печальном,
что восточку шлет, с тем, чтобы мы простились;
о всех уладах он в мире забудет,
но верен родине вечно пребудет!¹

(Искуситель аплодирует, звучит динамичный венский галоп.)

ИСКУСИТЕЛЬ: Соло для влюбленных!

ШТУР: О, нет... *(Искуситель возвращает ему Аделу, затем звучит динамичный танец. После нескольких тактов Штур останавливает танцующую Аделу, кивком головы прекращает музыку, аплодирует, зовет свою воображаемую дружину).* Клянись здесь, на древнем Девине, что не женишься и что все свои силы отдадите на благо народа!

ГОЛОСА: Клянемся!

(Эхо хора голосов. Появляется Мария, Штур «отправляет» ее в темноту. Юрковичова трогательно декламирует ей вслед штуровское стихотворение «Прощание», которое до этого читала Адела.)

ЮРКОВИЧОВА:

Людовит Штур: «Прощание».

Забудь, дорогая, о юноше дальнем,
над кем грозовые тучи сгустились;
забудь, дорогая, о друге печальном,
что восточку шлет, с тем, чтобы мы простились...

ИСКУСИТЕЛЬ: Разве патриот не может быть женатым?

ШТУР: Женщина — проявление слабости характера мужчины... Она отвлекает мужчину от проблем национальной значимости, она — причина пассивности мужчин в словацком движении, женщина — препятствие на пути осуществления высоких устремлений мужчин.

ИСКУСИТЕЛЬ: А кто родит словацких мужчин? Так нас мадьяры скоро ассимилируют.

¹ Перевод стихотворения Л. Штура «Прощание» Н. Шведовой.

ШТУР: Но ведь есть же народ.

ИСКУСИТЕЛЬ: Может, нам следует кастрировать образованных мужчин?

ШТУР: Величие цели оправдывает средства.

ИСКУСИТЕЛЬ: Безбрачие? Педерастия? Импотенция? Бесплодность? Мир без женщин невозможен.

ШТУР: У нас библейское представление о женщинах: простая, добродушная, здоровый консерватизм, забота о семье для нее — это все.

ИСКУСИТЕЛЬ: Но есть же современные, прогрессивные женщины!

ШТУР: Этих следует исключить из нашей программы! Прогрессивная женщина подрывает нравственность, семью, она противоречит словацкому национальному духу! И природе!

МАРИЯ:

Был поздний вечер — ранний май
вечерний май — был час любви.
Глас горлицы к любви зывал,
Там, где шумел смолистый лес...¹

(Штур отрицательно качает головой.)

III. ВЕНГЕРСКИЙ СЕЙМ В ПРЕШПОРКЕ² (Штур — Кошут)

(Штур выступает в Венгерском сейме)

ИСКУСИТЕЛЬ: Ноябрь 1847 года. Прессбург. С речью в венгерском сейме от Зволена выступил депутат Людовит Штур.

КОШУТ: Ты хорошо сказал, Людовит. А твой венгерский, и в самом деле, блестящий!!

АДЕЛА: *(Входит Адела Остролицкая.)* Я слушала тебя, затаив дыхание, Людовит! Ты был великолепен!

¹ Строчки из поэмы «Май» чешского поэта-романтика Карела Гинекы Махи.

² Братислава (словацк. Bratislava), до 1919 года — Прешпорок или Прэшпорек (Prešporok, Prešporek), Прессбург (нем. Pressburg), Пóжонь (венг. Pozsony), в средние века Истрополис (лат. Posonium, лат. Istropolis) — город в Центральной Европе, столица Словакии, в период с 1541 по 1684 годы — столица Венгрии.

ШТУР: *(Представляет ее.)* Адела Остролицкая.

КОШУТ: Вы — дочь Микулаша Остролицкого? Председателя королевской судебной палаты? Правительственного комиссара от Зволена?

АДЕЛА: Да, господин.

ШТУР: Лайош Кошут, глава венгерской политики.

АДЕЛА: Я знаю.

КОШУТ: Это было всего лишь удивление по поводу красивой речи Штура, барышня, или и Вы тоже интересуетесь венгерской политикой?

АДЕЛА: Да, политика меня интересует. Во всяком случае, больше, чем вышивание семейных гербов на носовых платочках. *(Подает Штуру носовой платок, тот нюхает его.)*

КОШУТ: *(Смеется.)* Волшебный запах...

АДЕЛА: Из Франции.

КОШУТ: Однако у французов мы заимствовали и нечто более значимое, чем духи...

АДЕЛА: Liberté — Egalité — Fraternité. Свобода — Равенство — Братство. Идеи французской революции живы в Европе и пятьдесят лет спустя.

КОШУТ: Какова Ваша точка зрения по поводу отмены феодальных повинностей, барышня?

АДЕЛА: Хотя я и принадлежу к аристократическому роду, но жизнь нельзя остановить. Отмена феодальных повинностей освободит энергию, которая пока остается связанной в среднем классе и в народе. Безусловно, это способствовало бы развитию нашего венгерского общества. И не только экономики, но и общественной жизни. Буржуазия имеет право на равное положение в государстве, такое же, как и аристократия, а новые отношения создадут новые условия для развития образования. Ведь среди них немало талантов...

КОШУТ: Мне уже ясно, Людовит, что именно тебя так привлекло в барышне.

АДЕЛА: Я оставляю вас, господа. Приятно было познакомиться. *(Штуру.)* Я подожду тебя в салоне для дам. *(Адела уходит.)*

КОШУТ: (*Штуру.*) Хорошая партия. Порядочная семья. Женишься, и вместе мы займемся венгерской политикой.

ШТУР: Не преувеличивай! Это всего лишь приятное знакомство.

КОШУТ: Это будущий тесть помог тебе стать депутатом?

ШТУР: Наши взгляды схожи.

КОШУТ: Отличная речь!

ШТУР: Благодарю.

КОШУТ: Наша политика имеет много общего. Мы должны объединиться, сплотиться. Необходимо изменить мир. Революция. Ей задаст тон молодая интеллигенция. Мы. Мы это изменим!

ШТУР: Мы отменим феодальные повинности!

КОШУТ: Отменим!

ШТУР: Мы провозгласим свободу печати!

КОШУТ: Это основное условие функционирования свободного общества!

ШТУР: Равноправие народов!

КОШУТ: Независимая Венгрия! Довольно диктатуры Австрии!

ШТУР: Независимая Словакия!

КОШУТ: Венгрия — колония Австрии!

ШТУР: Равные права для всех народов! Право на использование родного языка в учреждениях, в школах, в костелах.

КОШУТ: Погоди! Венгрия разделяет малые народы — словаки, сербы, русины, румыны, хорваты...

ШТУР: Я думаю о словаках. Мы кодифицировали словацкий язык.

КОШУТ: Словацкий язык?! Забудь об этом! Какой еще словацкий язык? В каждой долине Верхней Венгрии говорят на разных диалектах. Какой еще единый словацкий язык?!

ШТУР: Его основой является среднесловацкий диалект.

КОШУТ: Еще недавно какой-то там Бернолак определил западно-словацкое наречие, Коллар стремится внедрить чешский язык, вас всего несколько образованных людей, а вы никак не можете договориться. Это не имеет смысла. Если нашему миру суждено коренным образом измениться, то раздробленная Венгрия должна объединиться, прежде всего, политически.

ШТУР: С помощью новых законов и свобод.

КОШУТ: Само собой, а также посредством единого языка — венгерского. При том, что в Венгрии живут разные народности. Вы, словаки, в этих ваших долинах, дома, на кухне, можете говорить на шарышском, загорацком, земплинском, липтовском наречиях. Но официальным языком в Венгрии должен быть венгерский!

ШТУР: Еще немецкий философ Гердер писал, что будущее Европы — в славянах. Наши песни, сказки, повести исполнены гуманизма, трагизма, а также радости жизни. Эта скрытая энергия способна оживить европейскую культуру, которая переполнена скептицизмом. У нас есть уже блестящие поэты, которые пишут по-словацки. Сладкович, Янко Краль, Ботто.

КОШУТ: Чего они стоят в сравнении с Петефи? Хотя и он по происхождению отчасти словак. И при этом гений венгерского языка.

ШТУР: Еще Гердер сказал, что венгры растворятся в море близлежащих этносов.

КОШУТ: Немецкая ошибка! Но это весьма мило — твои речи. И в самом деле мило... Сориентируйся! Встань на правильную сторону, иначе история тебя высмеет. Народ, у которого нет дворянства и городского населения — не может быть народом. Кто ты, собственно, Людовит? Демократ? Или панславист? Агент России? Хочешь отколоться? Хочешь объединиться с этими азиатами?

ШТУР: Нет, мы, словаки, являемся неотъемлемой частью западной культуры. Мы — европейцы. Но мы хотим таких же свобод и человеческих прав, как и государства западной Европы. Там народы, начиная с наполеоновских войн, получали все большую свободу. Жизнь по мере ликвидации различий между отдельными общественными группами становится лучше. Мы не хотим отделяться, мы хотим стать равноправными.

КОШУТ: Да, но для этого необходимо реформировать закостенелую Австрийскую монархию. Нам нужна новая конституция. В этом мы смогли бы понять друг друга.

ШТУР: В этом — да... (*Возвращается Адела.*)

АДЕЛА: Извините, господа, что я вас беспокою, но меня тревожит то, что вы сегодня сказали в сейме, господин Кошут. Я даже записала: «Феодалные повинности и работа — судьба простого люда». Это как-то не вяжется с вашими словами о необходимости ликвидировать феодалные повинности. Только Людовит, единственный из всех выступавших, не побоялся заступиться за народ. «Феодалные повинности и работа не являются судьбой простого люда, а лишь предназначением человека». Ну, так как, господин депутат?

КОШУТ: Дипломатия, барышня. Еще не пришло время. Мы еще не укрепили свою власть. Но это время приближается. А потом...

IV. БАЛ (2)

(*Анна Юрковичова читает отрывок из пьесы. Аплодисменты.*)

АННА: Вам понравился наш театр?

ГУРБАН: Вы — потрясающая!

АННА: Я боялась забыть текст! Ужасное ощущение! Хуже, чем в жизни... Там хотя бы можно что-то придумать. А тут на вас смотрят зрители, каждый из них вам знаком. А еще и члены семьи...

ГУРБАН: Вы могли бы стать настоящей актрисой.

АННА: Еще чего!

ГУРБАН: Их я видел в Вене, в Праге. Вы хотели бы выступать в профессиональном театре?

АННА: Нет, глупо думать, что когда-нибудь у нас будет словацкий профессиональный театр. Для кого бы он работал? В городах регулярно выступают немецкие и венгерские кочующие труппы, а мы рады, если зимой и в течение лета отрепетируем какую-нибудь хорошую пьесу, и если у нас состоится несколько представлений. Театр как увлечение — это еще куда ни шло. Но как средство существования? Нет. И еще я должна ухаживать за отцом.

ГУРБАН: Когда вы появились на сцене, как будто рассвело. Ваши глаза... душа...

АННА: Не знаю, странно... Вы изображаете другого человека, но чувства, страсти — ваши. Вы произносите заученные слова, но внезапно вы забываете, что они заученные, и верите, что они — ваши. Вы — это та, другая, которую вы играете... ваша голова кружится, вы кричите, плачете, смеетесь... сходите с ума. Но внезапно все кончается. Вам аплодируют. С минуту вы не знаете — почему. Потом вы понимаете, что это была всего лишь игра... Всего лишь игра, но у вас еще бегут мурашки по телу... В актерстве есть что-то двусмысленное... Вам не кажется?

ГУРБАН: То, о чем вы так искренне говорите, — это искусство, искусство творчества.

АННА: А это не грех? Переживать все с такой силой...?

ГУРБАН: Нет! Может, немножко... св. Августин писал, что то что в нас рождает страсть, — это плохо. Значит, и театр тоже плохо. Но я так не думаю. Искусство дает нам радость познания человека. Его внутреннего мира, его взлетов и падений... *(Нежно целует ее руку.)*

ИСКУСИТЕЛЬ: Спроси ее о Яне Францисци...

ГУРБАН: Оставь меня в покое!

ИСКУСИТЕЛЬ: Боишься правды, влюбленный? Спроси ее: Вы были знакомы с Яном Францисцы?

ГУРБАН: Вы были знакомы с Яном Францисци?

АННА: Благодарю Вас за компанию, господин Гурбан. *(Уходит.)*

ГУРБАН: Не уходите, пожалуйста. Я сказал что-то... неприятное?

АННА: Я полагаю, что вы отлично знаете, что вы сказали. Оставьте меня.

ИСКУСИТЕЛЬ: Убегает, видишь, у нее совесть нечиста.

ГУРБАН: Попробуйте быть со мной искренней. Я не хотел ставить вас в неловкое положение.

АННА: Вам это удалось. И вы тоже давали присягу на Девине Штуру, что никогда не женитесь?

ГУРБАН: Да.

АННА: Так почему же вы меня мучаете? Я думала, что... Что вы от меня хотите? Вы пытаетесь меня соблазнить или надсмеяться надо мной?

ГУРБАН: Я хотел бы знать, как все было с Францисци.

АННА: Зачем?

ГУРБАН: Я влюбился в Вас.

АННА: А когда Вы узнаете, как все было, что потом? Разлюбите? Я вам не верю.

ГУРБАН: Попробуйте, пожалуйста. Скажите.

АННА: Как хотите. В сущности, мне все равно. Мы развлекались. Мне было тогда шестнадцать... Нам было хорошо, весело... Он стал нас посещать. Я думала... отец думал, что у него серьезные намерения. И я так думала.

ИСКУСИТЕЛЬ: Спроси ее кое о чем! Она переспала с ним? Сколько раз? Где они это делали? Как он? А она? Ей понравилось?

ГУРБАН: Замолчи! Замолчи! Я не хочу этого знать.

ИСКУСИТЕЛЬ: Почему? Боишься, что она станет тебе противной? Все равно тебе захочется спросить ее об этом, если ты женишься на ней. Спроси лучше сейчас. Еще есть время. Знаешь, сколько невинных женщин бродит по свету? А ты хочешь эту?

ГУРБАН: А что было потом, Анна?

АННА: Он сказал, что дал клятву Штуру, что не может себя связывать, не может жениться. И ушел. Все это знают. Все. Почему вы хотели услышать это именно от меня? Для того, чтобы сказать мне то, что сказал Францисци? Что вы дали клятву Штуру... и что не можете жениться... Что вы хотите?

ГУРБАН: Я хотел бы просить Вашей руки, если позволите...

ИСКУСИТЕЛЬ: Меня действительно интересует, как часто она с ним этим занималась. И где? За занавесом, когда уходили зрители? Ведь она актриса...

ШТУР: Ты и в самом деле хочешь на ней жениться?

ГУРБАН: Да. Ты должен придти к нам на свадьбу.

ШТУР: Это будет не свадьба, а похороны! У тебя есть еще три дня до свадьбы. Подумай. К тому же у нее не самая лучшая репутация. Ты давал клятву нашей национальной программе. Что будет, если мы начнем борьбу? Мы переживаем переломный момент. В Париже началась революция, уже третья по счету, сначала 1789 год, затем –1830 и вот теперь, в феврале 1848 года, — новая. Зашевелились итальянцы, немцы, чехи и австрийцы. Магьяры! Если мы упустим этот случай, подобное уже никогда не повторится. Народы очнулись. Разбудим и наш народ!?

ГУРБАН: Я пойду с тобой. Словакия будет на карте Европы. Мы этого заслуживаем. Ты — первый. И я — с тобой.

ШТУР: Пойдем? Даже вопреки тому, что ты женишься?

ГУРБАН: Пойдем! Даже вопреки этому.

V. АДЕЛА ОСТРОЛУЦКАЯ

(Из группы танцующих после любительского спектакля отделяется Адела с веером в руках.)

ШТУР: Тебе понравился спектакль?

АДЕЛА: В Пеште и в Вене я видела представления получше. Но Анечка Юрковичова была убедительна. Я поверила ей.

ШТУР: Она — одна из лучших словацких актрис. До сих пор у нас играли только переодетые в женщин мужчины, как у Шекспира. Наши словацкие любители потрясающие, а сейчас во время каникул им помогают и студенты нашего Института в Прешпорке. Театр формирует языковую культуру, развивает память, приучает человека подчиняться коллективу.

ИСКУСИТЕЛЬ: Театр, театр, театр. Вы уже давно хотели ему что-то сказать...

АДЕЛА: Вскружил голову в чешском Градце Марии Поспишиловой, а потом наплевал на нее, на прощанье набросал ей стишок и думаешь, этого достаточно...

ИСКУСИТЕЛЬ: Она должна это услышать?

АДЕЛА: Само собой. Лицемер! Ты хотел предстать перед всеми как утонченный юноша, чтобы тобой восхищались. «Вот! Какой я патриот! Восхищайтесь мной! Я отрекся от любви прекрасной дамы из высшего общества, богатой, материально обеспеченной. И только ради служения родине. Я совершил героичес-

кий поступок самопожертвования!» — И чего ты все время выставляешь напоказ свою добродетель?

ШТУР: Ты хочешь меня обидеть, Адела?

АДЕЛА: Ты умеешь красиво говорить. Чего ты изображаешь? Какой молодой, неженатый мужчина станет беседовать с красивой, образованной, богатой двадцатилетней дамой бескорыстно?

ШТУР: Не бескорыстно!

АДЕЛА: С конкретным намерением увлечь, ошарашить, просить руки или наобещать, одурачить, короче говоря, — соблазнить, — а после — трын-трава!

ШТУР: Я пошел.

АДЕЛА: Но почему же? Испугался? Ты не создан для сопротивления женщины? Для ее упрямства?

ШТУР: У меня такое ощущение, что ты немного нарциссична.

АДЕЛА: Вы только посмотрите, знаток тончайших струн женской души. Ты притворяешься.

ШТУР: Зачем мне это делать?

АДЕЛА: Я тебя заинтересовала. Красивая, образованная, в библиотеке полно книг, о которых ты, возможно, только слышал...

ИСКУСИТЕЛЬ: Вы так только думаете или, в самом деле, говорите?

АДЕЛА: Выберите, искуситель. Он в отличие от вас это знает. (*Штуру.*) Я отомщу тебе! Ты отверг любовь благородной женщины. Сначала ты влюбился в Марию Поспишилову — сестру друга...

ШТУР: Было дело... Я остановился в Градце, когда ехал на учебу в Галле...

АДЕЛА: И там ты влюбился, да так, что перестал ориентироваться в пространстве, споткнулся и упал как колода. И сломал себе руку!

ШТУР: Крутая лестница...

АДЕЛА: Ай-ай, и этот человек намеревается путем революции изменить мир! И при этом ломается в мирном доме печатника в чешском Градце!

ШТУР: Несчастный случай.

АДЕЛА: Мария забирает пациента из больницы домой и две недели дуёт ему на рану. За две недели молодой мужчина может влюбиться в черноокую чешку. Вы согрешили?

ИСКУСИТЕЛЬ: Вы согрешили?

ШТУР: Прошу Вас?!

АДЕЛА: Пардон. Это же нонсонс! Решить, что конец любви и написать пару стишков, в которых излить сердце, будто воду из вазы с увядшими цветами.

ИСКУСИТЕЛЬ: Вы думаете, что теперь он пригласит вас на танец?

АДЕЛА: Но ведь он, наверное, даже не умеет танцевать. Выглядит как бревно... Позвольте?

ШТУР: Прошу. *(Танцуют).*

VI. КОРНЕЛИЯ КЕЛЛНЕРОВА — ГОДЖОВА

(На сцене — помолвка Годжи и Корнелии.)

ИСКУСИТЕЛЬ: Михал Милослав Годжа, ты готов взять в жены Корнелию Келлнерову?

ГОДЖА: Да.

ИСКУСИТЕЛЬ: Корнелия Келленерова, ты готова взять в мужа Михала Милослава Годжу?

КОРНЕЛИЯ: Да.

ИСКУСИТЕЛЬ: Что Господь однажды соединил, то пусть никто не разрушит!

ГУРБАН: Соло для молодоженов! *(Годжи танцуют. Затем Корнелию приглашает Гурбан.)*

ГУРБАН: Мы втроем — Михал Годжа, Людовит и я — давали клятву, что не будем жениться. Но двое из нас клятву не сдержали. Мы правильно поступили?

КОРНЕЛИЯ: Ja!

ГУРБАН: Мне следует говорить по-немецки?

КОРНЕЛИЯ: Нет. Я понимаю по-словацки. Только вот разговорная речь мне дается с трудом.

ГУРБАН: У Вас хорошее произношение! *(Штур и Годжа стоят в стороне.)*

ШТУР: Михал, ты сделал правильный выбор? Мы — славяне, а она — немка.

ГОДЖА: Из Микулаша. Империя многонациональна. И она ощущает в себе словацкие корни. Из нее получится словачка.

ШТУР: А из тебя немец? *(Годжа забирает супругу у Гурбана, отводит ее в сторону.)*

ГОДЖА: Ты моя золотая словацкая немка. Или немецкая словачка?

КОРНЕЛИЯ: Когда немка выходит замуж за словака, она до обеда — словачка, а после обеда — немка. А потом она воспринимает мир таким, каким его видит словак. «Австрия создала свою славу на тирании немцев, которые эксплуатируют и уничтожают чехов, поляков, словенцов!» — А мадьяры? «Мадьяры превратили в колонии сербов, хорват и румын». И вас, словаков. *(Танцуют. Адела приглашает Штура.)*

VII. АДЕЛА

АДЕЛА: Людовит?

ШТУР: Ты меня искала?

АДЕЛА: Я использовала целый арсенал любовных трюков. Приглашение на прогулки, пристальный взгляд в глаза, как бы нечаянное прикосновение рук, длительные разговоры, полные намеков. Мы, девушки, умеем очень хорошо скрывать свои истинные чувства и мысли.

ШТУР: Ты — удивительная девушка. Прекрасная. Образованная.

АДЕЛА: Я знаю семь языков: английский, французский, немецкий, латынь, греческий, венгерский, да и по-словацки меня не возьмешь за фунт изюма... А ты сколько?

ШТУР: Я тоже только семь. Еврейский и английский только еще учу.

АДЕЛА: Знаешь, какая у меня тактика? Хочу убедить тебя, что я в тебя влюблена, а когда и ты будешь по уши, и ты загорись, будто пучок соломы, — бац! Вылью на тебя ушат холодной воды! Высмею гер Штура. Это тебе небольшая месть за Марию Пишлову. Долой маску!

ШТУР: Какая маска? В твоей библиотеке есть «Фауст», «Страдания юного Вертера», Байрон, Санд?

АДЕЛА: Ты это читал?

ШТУР: Я преподаю литературу в лицее.

АДЕЛА: Я плакала от Вертера...

ШТУР: С моральной точки зрения я не согласен с идеей романа. Ради любви надо либо жить, либо отречься от нее, а не убивать себя ради нее. Только трусы посягают на жизнь.

АДЕЛА: А Фауст? Меня вдохновило его желание приоткрыть завесу тайн над жизнью, миром, понять вселенную! Удивительно! Для достижения этой цели человек готов продать свою душу дьяволу...

ШТУР: Фауст после неудачной попытки понять вселенную впадает в разврат и сладострастие. И это он считает смыслом жизни. Фауст — это отражение упадка западного искусства. Так же, как и Байрон.

АДЕЛА: И Байрон тебе не нравится? Судьба Чайльд-Гарольда очаровывает.

ШТУР: Поэзия отчаяния и бессилия. Да, это сильно, показывает темные стороны жизни, невероятный индивидуализм, это вдохновило Карела Гинека Маху и наших поэтов — Янко Краля и Ботто, но в их подаче байроновский мрак обрел характер катарсиса и человеческого сочувствия.

АДЕЛА: Признайся, тебя будоражит главным образом его жизнь.

ШТУР: У него был ребенок с его сводной сестрой, с женой он развелся...

АДЕЛА: И с сестрой любовницы Шелли у него был ребенок. Говорят, одно время они жили даже четвером.

ИСКУСИТЕЛЬ: Интересная тема.

ШТУР: Ты меня возбуждаешь?

АДЕЛА: Ты не любишь чувственную любовь в искусстве?

ШТУР: Оставим это.

АДЕЛА: А потом он умер молодым, когда отправился помогать грекам, вставшим против гнета турок. Эта тема, вероятно, тебе близка. Протест против угнетателей... Я могк прочитатъ тебе пару стихотворений Овидия или Софокла...?

ШТУР: В оригинале?

АДЕЛА: Само собой. Или лучше Пушкина? Ты ведь любишь славянских писателей. Однако даже Онегин был по-своему декадент, тебе не кажется? (*Читает письмо Татьяны к Онегину.*)

VIII. ПРОЛОГ (2)

(Зал гостиницы в Вене, трое с чемоданами готовятся к первому походу для участия в словацком восстании.)

ГОДЖА: Что мы делаем?

ШТУР: Мы двинулись...

ГОДЖА: Я не знаю.

ГУРБАН: Пошли!

ГОДЖА: Но куда?

ШТУР: Туда, сейчас это всем понятно.

ГОДЖА: А это что...?

ШТУР: Что мы есть.

ГУРБАН: И даже если нас будут душить — мы существуем. И будем существовать.

ГОДЖА: Ценой крови?

ГУРБАН: Даже такой ценой.

ГОДЖА: Давайте лучше еще раз попробуем договориться с Пештом и с Веной.

ГУРБАН: Бессмысленно! В Европе вспыхнула революция. Мы не можем оставаться в стороне. История не простит нам этого.

ГОДЖА: Что такое история?

ГУРБАН: История народов — это история войн. Кто не завоеует свободу с оружием в руках, у того ее не будет.

ГОДЖА: Ну что ж, хорошо... Начнем?

ИСКУСИТЕЛЬ: Зал гостиницы в Вене.

ШТУР: Мы создаем временный Словацкий национальный совет! В его состав входят: Йозеф Милослав Гурбан, Михал Милослав Годжа, Людовит Штур, секретари Богуслав Носак и Ярослав Борик, будущий командующий добровольческим словацким отрядом Бедржих Блоудек, его заместитель Франтишек Зах и Бернард Янечек. Вас, присутствующих словаков, я прошу его признать и принять присягу верности и подчинения этому наивысшему органу. Признаете ли вы Словацкий национальный совет как единственный субъект, который представляет волю словацкого народа?

ГОЛОСА: Признаем!

ШТУР: Вы даете клятву верности и подчинения?

ГОЛОСА: Клянемся!

ГУРБАН: Хотя людей интересуют больше практические вопросы — возвратят ли им поля и горы, но для нас главное — национально значимая проблема. Иначе говоря, чтобы у нас в Австрии были такие же права, как и у любого другого народа!

ГОЛОСА: Да!! Такие же права!!

(Недоверие.)

ИСКУСИТЕЛЬ: А сейчас я сыграю в солдата Штефановича. Гоподин Штур, сербский князь Обренович, говорят, пожертвовал словацкому восстанию 60 0000 золотых. Кто распоряжается этими средствами?

ГУРБАН: Национальный совет, а у господина Штура они находятся на хранении, ведь именно он их раздобыл.

ИСКУСИТЕЛЬ: А не должен ли он публично отчитаться о финансовых делах? Ведь деньги не только его.

ШТУР: Мы теряем время. Через минуту мы отправляемся в Словакию. Я в любое время готов документально подтвердить финансовые расходы на наш поход.

ИСКУСИТЕЛЬ: А почему добровольцы оснащены такими плохими ружьями? Треть из них — охотничьи...

ГУРБАН: Дополнительно вооружим нашу армию на Мораве.

ИСКУСИТЕЛЬ: А вообще, хватит ли у нас оружия?

ГУРБАН: Прекрати!

ИСКУСИТЕЛЬ: Нет! Три недели мы ожидали здесь, в Вене, господина Штура, чтобы он пришел и выплатил по обязательствам за 500 качественных ружей. Однако вопреки обещаниям он не явился. Ружья купили венгерские повстанцы, против которых мы идем воевать!!! А нам остался лишь кукиш...

ГОДЖА: А сейчас мы займемся важными делами. Давайте будем едины! Будем доверять друг другу!

ШТУР: Здесь, в Вене, мы сагитировали 500 добровольцев. Сербы и хорваты финансами поддержали оснащение нашей армии. И это все.

ИСКУСИТЕЛЬ: Людовит, так, между нами девочками... Где ты пропадал три недели? И с кем? С молодым Обреновичем в Рогиче? *(Штур не реагирует.)*

ШТУР: Ночью, тайно, отправимся поездом на Мораву, а оттуда — в Словакию и начнем нашу борьбу за независимость словацкого народа. *(Вооружаются.)*

Пограничный шлагбаум.

ГОДЖА: Что теперь?

ШТУР: Что делают, когда стоят на границе государства, которое хотят создать?

ГУРБАН: Зарядить ружья!

ГОДЖА: Поцеловать родную землю!

ГУРБАН: Сомкнуть штык!

ШТУР: Занять пограничный столб.

ГОДЖА: Я волнуюсь...

ГУРБАН: И я. От восторга.

ГОДЖА: От страха...

ШТУР: Да здравствует свобода!

IX. РЕЧИ

ШТУР: Солдаты! Сейчас, в сентябре 1848 года, мы осуществляем наш первый вооруженный поход. Впервые, через девятьсот лет словаки выстроились в боевые колонны, чтобы пойти биться с недругами нашего народа, нашей жизни. Мы будем вечно вспоминать эти дни.

ГУРБАН: Солдаты! Когда-то между Словакией и Моравией не было никаких границ, обе территории были общей родиной славянских народов. Давняя слава славян должна возродиться! Граница, разделяющая братьев, должна быть разрушена! (*Шепотом.*) В моем краю.

ШТУР: Солдаты! За этими холмами — наша родина, бедный, забытый народ, Словакия. Народ, тысячелетие угнетаемый, лишенный независимости. Сейчас, когда в ходе революции многовековые угнетатели словаков, венгры, обрели силу и власть, они снова будут господствовать над ними. С помощью оружия мы должны решить, будут ли они и в будущем властвовать над нами! Солдаты, у нас благородная, высокая цель: вывести народ из нужды, прозябания и привести его к свободе и славе. Поклянитесь, что когда мы пересечем границу, вы будете мужественно сражаться за эти идеи, и, если будет нужно, пожертвуете за них своей жизнью!

ГОЛОСА: Клянемся!

ШТУР: Вы обещаете, что не опустите наши знамена даже в жестоком, опасном для жизни бою?

ГОЛОСА: Обещаем!

ШТУР: Вы клянетесь в верности императору Фердинанду в Вене?

ГОЛОСА: Обещаем!

ШТУР: Вы обещаете исполнять приказы Словацкого национального совета?

ГОЛОСА: Обещаем!

ШТУР: Итак, слава нашему начинанию!

ГОЛОСА: Слава! Ура!

ГОДЖА: *(Восторженно.)* Из близлежащих деревень в наши ряды хлынули добровольцы.

ГУРБАН: Перекуйте заступы, мотыги на копья и сабли. Возьмите косы и вилы для защиты народа, свободы и нашей славы.

ГОДЖА: Свобода, равенство, братство...

ГУРБАН: Мы, сегодняшние революционеры, не считаем венгерскую революцию прогрессивной! Мы отказываемся подчиняться венгерскому министерству и учреждениям! Вы понимаете нас, люди?

ШТУР: *(Восторженно.)* Нас приветствуют праздничные костры по дороге. Трехцветные словацкие флаги. Разверните и австрийский черно-белый флаг. Мы не боремся против императора. Он борется против венгерской революции.

ИСКУСИТЕЛЬ: Моравско-словацкая граница. И заняли там пограничный столб...

Х. ТОПОГРАФИЯ БОЯ — ПЕРВЫЙ ПОХОД (МЫЯВА, БРЕЗОВА, успех)

БЛОУДЕК: Неподалеку расположены мадьярские гвардии. И императорское войско.

ГОДЖА: Сражения с императорским войском мы должны избежать.

ШТУР: Ведь нам в Вене обещали поддержку (словацкому восстанию). *(Обращается к Гурбану.)* Обещали...?

ГУРБАН: Мы должны полагаться только на себя. Вперед!

ЗАХ: Переговоры...

ГУРБАН: С ними мы не ведем переговоры.

ГОДЖА: Я готов начать переговоры.

ЯНЕЧЕК: И я.

БЛОУДЕК: Нет, я пойду. *(Предстает перед врагами, представляется Писаному.)* Капитан Блоудек, командир. А это мой штаб. *(Жестом указывает на своих. Годжа с жаром начинает объяснять).*

БЛОУДЕК: Как командир императорской армии с согласия правительства я помогаю словацкому походу. На Мыяву мы пришли сведома Вены.

ГОДЖА: Здесь наши прокламации *(Дает ему листовки.)*

БЛОУДЕК: Для того чтобы избежать конфронтации мы можем отодвинуть наши телеги с порохом во двор ваших итальянских императорских солдат. Чекопъери¹... Мы понимаем друг друга?

ГОЛОС: Понимаем. До тех пор, пока не получим распоряжения из министерства.

БЛОУДЕК: Из какого? *(Длительная пауза.)*

ГОЛОС: Мы в Венгрии. Значит из пештского. Поставьте телеги в лагерь мадьярской гвардии. *(Звук.)*

ГОДЖА: Мы на стороне императора...

ЯНЕЧЕК: Идиоты! Мы подарили им свое главное оружие! Порох... Мы не можем этого допустить! *(Штуру.)* Вы ведите переговоры, а мы пока... Штефанович со своей ротой — за мной!

ГУРБАН: Итальянское войско на стороне императора не может, однако, защищать интересы мадьяр. Присоединяйтесь к ним.

¹ 10 октября 1848 года Л. Кошут на сессии венгерского парламента сделал следующее заявление по поводу 480 итальянских арестантов, находящихся в Сигетской крепости за различные преступления: «...Венгрия не Новая Зеландия, куда депортируют заключенных со всего света.

Такое бесчестье Венгрии признавать не согласен, чтобы из других стран всякий (ex Iütipit (человеческий сброд, отребье) сюда бы ссылали. Не усматриваю, для чего занимать сегодскую крепость означенными арестантами, а наших солдатиков, которым есть иное предназначение, употреблять на их охранение.

Посему комиссия защиты отечества постановила привезть оных итальянских арестантов сюда (то есть в Пешт), и завтра им должно прибыть. Надобно, стало быть, распоряжение иметь, что с ними делать.

Только на то испрашиваю у Парламента решения, чтобы оных арестантов отпустить на волю, сопроводив их до границы, либо дать им оружие с предложением полку Чекопъери, что квартирует в Пожони, дабы взял оных на свое попечение».

ШТУР: Деша Штуру и Гурбану: Я призываю так называемый Словацкий национальный совет — сейчас же покиньте Мьяву. Кошут. **ЯНЕЧЕК:** Ружья нацелены на бочки с порохом. Сдавайтесь! Вы, итальянцы и мадьяры. В противном случае мы будем стрелять, и все взлетит в воздух! Вы арестованы, господин поручик!

БЛОУДЕК: Если вы поклянетесь своей офицерской честью, что не будете сражаться против нас, мы пропустим вас. Пропустите его с отрядом.

ЯНЕЧЕК: Бессмыслица! Глупость! Давайте задержим их.

БЛОУДЕК: Кто здесь командир?! — Иначе говоря: за мужественный поступок брата Штефановича присваиваю звание капитана и командира сотни. Довольны? *(Звук горна.)*

БРЕЗОВА

ИСКУСИТЕЛЬ: Битва при Брезовой.

ЗАХ: Сколько мужчин в составе нашего войска?

БЛОУДЕК: Восемь тысяч.

ГУРБАН: Из них вооружены стрелковым оружием?

ЗАХ: Тысяча.

БЛОУДЕК: А остальные?

ШТУР: Цепами, косами, топорами, вилами.

ГОДЖА: Пятница, 22 сентября 1848.

ШТУР: Начало осени. Скорее летний, чем осенний день.

ГУРБАН: Да будет свята всем словакам память о нем.

ИСКУСИТЕЛЬ: Будет кровь?

ГОДЖА: Будет кровь?

БЛОУДЕК: Война есть война.

ШТУР: Прольется кровь — героическая ...

ГУРБАН: Борьба!

БЛОУДЕК: Наступление на наши части в Брезовой ведется с трех сторон. С юго-запада идут венгерская гвардия сеницкая, шаштинская и согнанный из окрестностей люд. С юга наступают 400 вальмодемовских¹ кирасиров во главе с майором Войничем. С запада подтягивается 11-я сотня Чекопьеры и еще 1 000 венгерских гардистов, их прикрывают два эскадрона драгунов в Врбовом.

ГОДЖА: Командиру Войничу мы во вчерашнем письме объяснили причины нашего наступления.

ГУРБАН: Вооруженное восстание против министерства Кошута.

ШТУР: И распоряжение Словацкого национального совета не выступать против императорского войска.

ЗАХ: План наших боевых действий! Пожалуйста, выскажитесь.

ГУРБАН: Я знаю местность, неподалеку оттуда я служу евангелическим фараром. Я предлагаю обосноваться на холме, над долиной, по которой будут передвигаться кирасиры, и приветствовать неприятеля быстрой стрельбой.

БЛОУДЕК: Принимаем. *(Внезапно разгорается бой)*

ИСКУСИТЕЛЬ: Пли!

ГОДЖА: Ради Бога! Погибло несколько кирасиров! Выбили коня под всадником!

ШТУР: Враг остановился, Войнич отдал приказ отступить. Преследовать их?

ГУРБАН: Не надо. Сейчас надо сосредоточиться на юго-западе. *(Стреляют.)*

ЯНЕЧЕК: Сеницкая гвардия вместе с Чекопьеры наступает на нашу слабо вооруженную часть. Они открыли стрельбу! Вперед!

КРЕСТЬЯНИН: *(С косою.)* Урожай большой! *(Машет перед собой косою, вражеские солдаты с саблями и штыками падают.)* А господские поля станут нашими?

¹ Граф Людвиг Георг фон Вальмоден-Гимборн (нем. Ludwig von Wallmoden-Gimborn; 6 февраля 1779, Вена — 22 марта 1862, там же) — австрийский и русский генерал, участник Революционных и Наполеоновских войн. Сын английского посланника в Вене.

ГОДЖА: Пало пять человек! Из Брезовой! Их настигла пуля! У них косы, а у неприятеля — ружья!

ШТУР: Но следующая победа будет за нами! Мы взяли в плен десять гвардейцев, задержали четыре воза с оружием и харчами.

ГУРБАН: Где же она, самоуверенная венгерская гвардия? Бегут врассыпную по холмам. Бродят по горам, в панике сбегают! *(Колокола тревоги.)*

ШТУР: Солдаты! Сегодня наше войско добилось двух побед! Это придает нам веры в собственные силы, веры в самих себя. Мы не можем потерпеть поражение от тех, кто несправедлив перед Господом!

ГУРБАН: Нам предстоит следующая битва, решающая. За шеренгами наших врагов стоят руководители венгерской революции в этом крае, которые из вас — мужики, крестьяне, батраки, работники! — уже десятилетия пьют кровь!

Эти надменные местные кайзеры ни на минуту не сомневаются в успехе сеницких гвардий, в победе вальмоденовских кирасиров, чекопьеров! Но мы уничижили их!

БЛОУДЕК: Расставим части. Завлечем врага в узкий овраг и сверху, из леса, с холмов, спереди, с боков и сзади одновременно будет на них наступать!

ЗАХ: Вперед! *(Бой.)*

БЛОУДЕК: Сложите оружие! *(Крик командования, славящий победу.)*

— По-бе-да! Да здравствует революция! *(Шампанское. Короткий брифинг командования, комментарии по поводу боя.)*

БЛОУДЕК: Один бой не означает победу в войне. Сегодняшнюю победу не стоит переоценивать.

ЗАХ: Если бы было время потренировать добровольцев в тактике...

ГУРБАН: Мы знаем, за что сражаемся. Это наша тактика. Нас недооценили.

ЯНЕЧЕК: По ним ударил и взбунтовавшийся люд из окрестных деревень, который спонтанно подключился к восстанию.

БЛОУДЕК: Это был лишь местный бой.

ГУРБАН: Нашу революцию мы должны распространить по всей территории Словакии.

ХІ. ПОХОРОНЫ

ШТУР: Словаки! Мы добились великой победы. Но сейчас мы стоим над мертвыми телами героических защитников наших законных прав и свободной жизни. Мы стоим здесь не для того, чтобы в бессилии оплакивать мертвых воинов, а для того чтобы мы осознали, что и смерть может быть прекрасной и что умереть за свой народ — это самое благородное дело, которое только может совершить человек.

ГУРБАН: Мы все ощущаем необходимость жертв! Мы предоставлены сами себе, существует много препятствий, которые мы должны преодолеть. У нас нет никакой поддержки. За исключением той, единственной, которую оказывает нам кровь и душа угнетенного народа. *(Бросает горсть земли, после чего Гурбан падает. Искуситель приносит кровать.)*

ИСКУСИТЕЛЬ: Цена за голову Гурбана повышается. Четверть года назад она составляла 50 злотых, а сейчас мадьяры дают за нее три тысячи. Он не умер. Все из-за большего напряжения.

ГОДЖА: *(С раздражением читает листовку.)* «Некоторые ничтожества, именующиеся Штуром, Гурбаном, Годжей, тайно привели на венгерскую землю вооруженных иностранцев. Мы призываем граждан к тому, чтобы дерзкое поведение бунтарей внимательно отслеживалось, по возможности их отлавливали и выдавали для осуществления справедливого суда и наказания!» *(Зажигает бумагу и исчезает.)*

ГУРБАН: Ведь я говорил. *(Снова падает.)*

ХІІ. СЕНИЦА (Поражение)

ГУРБАН: Мы должны направиться в Сеницу — там снова собрались мадьяроны¹, которые готовятся нанести нам удар. Мы должны напасть первыми!

БЛОУДЕК: Согласен. Через три дня после победы при Брезовой будем наступать.

ЗАХ: Я бы подождал, основательно подготовился к наступлению. Наше войско неопытное, стихийное. В течение нескольких дней нам следовало бы провести учения, а уже только потом наступать.

БЛОУДЕК: Я больше верю в возможность сразить врага в местности, которая нам знакома. Возьмем Сеницу, освободим себе дорогу на Врбову и оттуда двинемся в направлении Нового Места и Тренчина, на Поважье!

¹ Мадьяроны — так в Словакии называли людей немадьярского происхождения, которые отказались от своей принадлежности словацкой нации и предали ее интересы.

ЯНЕЧЕК: А готовность войска для боя за Сеницу?

ИСКУСИТЕЛЬ: Две тысячи воинов.

ЗАХ: В Брезовой в качестве заложников во главе с Янечеком останутся пять-сот добровольцев, Штур и Годжа, плюс больной Гурбан. *(Бой. Стреляют.)*

ИСКУСИТЕЛЬ: И для чего только я на это поставил? Что я с моей цепью? Домой... *(Убегает.)*

ЗАХ: Неподалеку от Сеницы, приблизительно в трехстах метрах показался враг. Раздались два выстрела с обеих сторон. Наш командир отдал приказ: «В атаку!» Гремят выстрелы, падают первые мертвые, кричат раненые. Командир, вопреки этому, хочет продолжать наступление, а наши, плохо вооруженные фланги, преимущественно состоящие из крестьян, в панике пускаются наутек. И центр пугается, отступает. Но прежде чем отступить, они стреляют и попадают в своих! Семь убитых! А после — уже только отчаянное бегство.

ИСКУСИТЕЛЬ: Михал Милослав Годжа ушел. Он оставил записку: «Я не могу смотреть на эту жестокость! Пойду просить помощь у Вены!»

ШТУР: Но это же предательство! Дезертирство! Ловите его! Я буду судить его военным судом! Пуля или веревка!

ЯНЕЧЕК: Сколько осталось боеспособных?

ЗАХ: Треть? Половина?

ШТУР: Это называется поражение...

БЛОУДЕК: *(Приходит)* Хватит! Одно проигранное сражение не решает войну, понятно? Это грозит деморализацией и окружением. Против нас наступают гвардии мадьяр, а еще — императорские части.

БЛОУДЕК: Один вариант — нанести удар по Старой Туре и избежать опасности окружения. После короткой передышки — в бой!

ХІІІ. СТАРАЯ ТУРА (Успех)

БЛОУДЕК: Начнем наступление на Старую Туру

ГУРБАН: *(Короткая речь.)* Солдаты! Исконно словацкий город Старая Тура присягнула на верность флагу Кошута. Наша борьба за независимость Словакии

от Пешта отвергается. Мы знаем, что это не его мнение, а убеждения венгерских чиновников и нескольких ренегатов! Мы должны очистить этот город, даже если нам придется сражаться против наших — против словаков! Поэтому приложим все усилия и доведем борьбу на нашей земле до победного конца! Мы победим! *(Барабаны, выстрелы.)*

ГУРБАН: Мадьярские гвардии строят в городе баррикады. Уличная борьба за каждый дом!

ЯНЕЧЕК: Сжигают подвалы.

ШТУР: Это наши воины поджигают! Грабят!

ГУРБАН: Дух отмщения! Город предал народ, предал императора. Поэтому и превратился в пепел...

ШТУР: Это конец...

ЯНЕЧЕК: Победа! Враг не устоял против нашего натиска. Убегая, он поджег город.

ЗАХ: Ура! Наша победа!

ШТУР: Это обычный грабеж! Почему грабите?

ГУРБАН: Оставь солдат в покое, пусть берут, что им принадлежит.

ШТУР: Что не уничтожило пламя, разграбили наши солдаты.

ГУРБАН: И это тоже принадлежит победе...

XIV. РАЗГОВОРЫ О ГРАБЕЖЕ

ШТУР: Эта болезненная победа. Усталый и обессиленный я сижу на краю поля над Старой Турой, она пылает, подожженная со всех сторон. Между домами бегают словацкие добровольцы, ничего и в помине не осталось от их формы, сейчас это крестьяне с хуторов, мясники и кожевники из Брезовой и с Мыявы, словацкий люд. Хозяева из Туры верещат — добровольцы, сейчас этот озверевший сброд — тащат из домов шкафы и сундуки, полотно, шматы сала, колбасы, из хлевов выгоняют свиней, из коровников — коров, женщины гоняются за перинами, дети плачут, колокола звонят. Многие крестьяне уже унесли награбленное домой и никогда не вернутся. Это удар, от которого я никогда не оправлюсь...

ГУРБАН: Я не воспринимаю все это так трагически. Все закончилось. Выходки добровольцев, которые позабыли о дисциплине, скоро закончатся. Но этого хватило, чтобы отомстить. Это война...

БЛОУДЕК: Город сожжен. Остался лишь пепел. Куда теперь?

ЗАХ: Будем действовать в соответствии с изначальным планом: в Нове Место и в Тренчин.

БЛОУДЕК: Укрепимся в Старой Туре.

ЯНЕЧЕК: Займем некоторые крепости на Поважьи и там и задержимся.

ГУРБАН: Будет лучше всего, если мы сойдемся на мыявских выселках. Жители города — на стороне Кошута, а хуторяне — императора. В Порадье. Выселки.

БЛОУДЕК: А солдаты?

ЗАХ: Их осталось всего лишь пять сотен.

БЛОУДЕК: Нужно подумать и о запасном варианте.

ЗАХ: Бегство.

ИСКУСИТЕЛЬ: Ночь. Дождь. Отступление в болоте, непроходимые дороги. Горные поселки. Хутора.

ХV. БЕГСТВО С РОДИНЫ

ШТУР: Это не последний день нашего восстания?

БЛОУДЕК: Занять позиции на пригорках в направлении от Порадия к Мыяве.

ГУРБАН: Мы должны задерживать неприятеля до тех пор, пока в соседних деревнях не соберем подмогу.

ЯНЕЧЕК: Идут.

ШТУР: Враг наступает на Врбово. Впереди — пушки. За ними — пехота. И огромное количество гвардейцев... (*Шепчет Гурбану.*) Огромная сила неприятеля и... Не последний ли это день нашей борьбы? (*Взрывы.*) Их в десять раз больше, чем нас!

ГУРБАН: Стреляй!

ШТУР: Прибывает подкрепление. Сто новых добровольцев.

БЛОУДЕК: Мало. Приготовиться к наступлению.

ШТУР: Обратно?

БЛОУДЕК: Морава.

ЯНЕЧЕК: Отступление должен кто-то прикрывать!

БЛОУДЕК: Сотня Штефановича.

ЗАХ: Созывайте последнее совещание.

ГУРБАН: Словацкий национальный совет официально распускает военный поход.

БЛОУДЕК: Я получил сообщение из Вены. Императорский манифест гласит: «Я издал приказ о том, чтобы в Верхней Венгрии был восстановлен законный порядок в прежнем виде».

ЯНЕЧЕК: Вена нас предала. Сговорилась с мадьярами.

ЗАХ: Заплатите последнее жалование. И разойдемся.

XVI. ПРОЛОГ (3)

(Разграничительная рампа авансцены. Впереди — Штур с Гурбаном и Искусителем, сзади — Годжа.)

ГУРБАН: Что будем делать?

ШТУР: Что делают, когда война проиграна?

ИСКУСИТЕЛЬ: Убегают...

ШТУР: *(Годже.)* Позорно предал!

(Искуситель выводит вперед Годжу.)

ИСКУСИТЕЛЬ: Почему позорно? Не захотел, ушел с поля боя.

ШТУР: Дезертировал! За это — пуля!

ГОДЖА: Ты мог бы меня убить?

ГУРБАН: Оставь его. Все кончено. Жизнь продолжается. А мир — это подходящее время для подготовки новой войны.

ШТУР: Мы снова возьмем в руки оружие!

ГУРБАН: НОВОЕ ВОССТАНИЕ!

ГОДЖА: Я не верю, что нам это удастся.

ШТУР: После первого — второе. С императорской поддержкой!

Перевод Аллы Машковой

(Окончание следует)

Карол Горак (рожд. 1943) — известный прозаик, драматург, режиссер, автор романа «Сахар» (1977) и многочисленных пьес. В 1960-е годы основал Студенческий драматический театр при университете П.Й. Шафарика в Кошицах. В 1970-е годы начал активно сотрудничать с профессиональным Театром Й. Заборского в Прешове. Написанные им пьесы опубликованы в трех книгах: «Пять пьес или Герой по имени пьеса» (1990), «Шесть пьес» (1996) и «Камерные пьесы» (2004). Пьеса «Пророк Штур и его тени...» была поставлена на сцене Национального театра в Братиславе. Ее премьера состоялась 8 июня 2015 года. Режиссер спектакля — Роман Полак. Главные роли исполняли: Любош Костелны, Томаш Машталир, Ян Коленик, Роберт Рот, Любомир Паулович и др.

СЛОВАЦКО-РУССКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

Тамара Янецова

ЯН ШТЕВЧЕК И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ян Штевчек в своих литературоведческих трудах опирался в первую очередь на национальные традиции, вместе с тем он использовал и достижения литературы мировой, вдохновлялся творчеством чешских, французских, немецких, английских и русских писателей. Нельзя сказать, что русская литература была самым ярким источником познаний и вдохновений для научной деятельности Штевчека, однако было бы несправедливо утверждать, что ее роль в его научных изысканиях была несущественной.

Андрей Червенак в статье об отношении Штевчека к русской литературоведческой науке пишет: «Из зарубежных источников чешские были ему самыми близкими (Ф.Кс. Шальда, Э. Уркс, Б. Вацлавек и др.), французские служили для него источником вдохновения, а русские, как мне представляется, носили глубокий характер»¹.

Классики русской литературы и их произведения, в которых Штевчек прекрасно ориентировался и которые являются составной частью наследия мировой литературы, способствовали тому, что исследования творчества словацких писателей самого Штевчека обретали более глубокий характер, отражали широту его взглядов. Источником вдохновения для Штевчека служило как само творчество русских писателей, так и произведения русских ученых-литературоведов.

Наша статья состоит из двух частей: в первой мы рассмотрим отношение Яна Штевчека к русской литературе, во второй попытаемся показать, как в своих работах он опирался на русскую литературоведческую науку.

Связи между русской и словацкой литературами Ян Штевчек анализировал в статьях о Кукучине и Льве Ни-

¹ Červenák Andrej: Ján Števček a ruská literárna veda. In: Červenák Andrej: Život a dielo Jána Števčeka. Nitra. Národné literárne centrum, 1996, S. 57–67.

колаевиче Толстом, опубликованных в сборнике «Отзвуки Л.Н. Толстого в Словакии» (1960). Мартин Кукучин в восьмидесятые годы XIX века учился в Праге, где в Обществе словацких студентов «Детван» русская литература и, прежде всего, книги Толстого, часто были предметами дискуссий. Штевчек обращает внимание на интерес Кукучина к творчеству Толстого, точно так же, как до него это делали Буйнак и Ирасек, с которыми он, однако, полемизирует, потому что, с его точки зрения, они ограничились лишь констатацией фактора влияния. Штевчек же исследовал воздействие философии Толстого на творчество Кукучина, на его идеологию и христианскую этику. В статье «Антиэстетика» (книга «Эстетика и литература», 1977) он проанализировал взгляды Толстого на искусство¹.

Творчество и сама личность Федора Михайловича Достоевского были для Яна Штевчека инспирирующим фактором, который побуждал его к размышлениям о словацкой литературе. В своей статье под названием «Достоевский за пределами наших интересов?», опубликованной в журнале «Словенске погляды» (1971), он говорит об отсутствии внимания к Достоевскому в Словакии и вместе с тем о том, что его творчество не осталось вне поля зрения словацких писателей.

Влияние Достоевского в рациональном, интеллектуальном плане на словацких писателей подтверждают их письменные высказывания, а также результаты анализа произведений. Ва-

янский, Кукучин, Тимрава, Тайовский, Гронский, Хробак, Червень, Швантнер, Урбан, Барч-Иван, Йоганидес, Ярош, Слобода — таков неполный перечень литераторов, в прозе которых можно обнаружить как внешние, так и внутренние связи с Достоевским¹. На эти связи Ян Штевчек обращает внимание при интерпретации произведений словацких авторов, хотя его задачей и не является поиск в них отголосков русской литературы. Он комментирует их близость творчеству русских писателей лишь между прочим, «как бы мимоходом», однако эти его наблюдения выглядят очень точно и убедительно.

К примеру, при исследовании романа Гронского «Писарь Грач» он пишет, что «герой обретает демонические черты, благодаря которым напоминает ему некоторых героев романов Достоевского. В частности, угодливого и наглого дьявола, который искушает Ивана Карамазова. Совесть можно приглушить, но она возвращается снова подобно “тени” жизни. Писарь Грач является метафорой этого понимания». (...) ²

Воздействие глубинного психологизма Достоевского Ян Штевчек обнаруживает и в творчестве Мило Урбана. Схожесть Урбана с Достоевским он видит в глубине проникновения в человеческую психику. В новелле «За верхней мельницей» Ондрей Зимонь совершает убийство, руководствуясь сильным чувством, которое лишает его разум способности контролировать свои поступки. «(...) Великое искусство Урбана как последователя Достоев-

¹ Škotka Marian: Ján Števček a ruská literatúra. In: Život a dielo Jána Števčeka. Nitra: Národné literárne centrum. 1996. S. 51–56.

² Červenák Andrej: Človek v literatúre. Bratislava. 1986. S. 123–124.

³ Števček Ján: Lyrizovaná proza. Bratislava. 1973. S. 124.

ского, — отмечает Штевчек, — заключается в том, что он раскрывает двойственность, противоречивость и вместе с тем единство чувств Зимоны: он любит свою Катарину, которую добился большой ценой, и он ненавидит ее; он радуется ребенку, но, мучаясь, он безосновательно находит в нем схожесть со своей жертвой; он подавлен и болезненно весел»¹.

Одним из основных объектов исследований Яна Штевчека было творчество Франтишека Швантнера. Анализируя и интерпретируя его произведения, он обнаруживает воздействие Достоевского на Швантнера. Наличие этого воздействия подтверждает и сам Швантнер, который в своей «Автобиографии» писал, что еще в двенадцатилетнем возрасте читал Достоевского, который является его любимым писателем»².

Ян Штевчек находит связь между Достоевским, Гамсуном и Швантнером, часто говорит о глубине и силе русской литературы, которая, по его мнению, «не воспринималась как нечто, что должно оказывать влияние в литературном плане: это было скорее внутреннее освобождение, человеческий пример. Возможно, именно такое ее восприятие и оказалось очень действенным в плане литературном. Кнут Гамсун в романе “Мистерии”, несомненно, опирался на “Преступление и наказание”, более того, можно даже сказать, что “Мистерии” являются северным вариантом гениального произведения русского прозаика»³. Как бы

продолжая, Штевчек пишет: «Огромная чувственность образов Достоевского и их метафизическая жадность, аналог телесной чувственности»⁴ — таковы глубинные моменты человеческой психики, моменты, в которых и заключено сходство между творчеством Швантнера и творчеством Достоевского.

Ян Штевчек был ученым-литературоведом, который, анализируя текст, всегда с большим вниманием относился к детали, очень тонко и внимательно подходил к прочтению произведений. Вместе с тем в своих рассуждениях о литературе он привлекал широкий литературный контекст, взаимные связи, при этом точно умел подметить, где именно эти межлитературные соприкосновения существуют. Влияние русской литературы на лиризованную прозу он характеризовал следующим образом: «оно логически должно было последовать после одного из всплесков лирической волны, после которой отчетливее ощущалось стремление к обновлению, к переменам, почерпнутым из глубин человеческой натуры. Естественный человек, способный стать “бесом” и одновременно олицетворять собой нравственность — это цель того пути, на который вступила словацкая лиризованная проза в период после Второй мировой войны и с которого она не сошла и по сей день»⁵.

Русская литература была близка Яну Штевчеку не только тогда, когда он занимался научной работой, но и в обычной жизни, например, в своих

¹ Števček Ján: *Lyrizovaná proza*. Bratislava. 1973. S. 65.

² Červenák Andrej: *Človek v literatúre*. Bratislava. 1986. S. 163.

³ Števček Ján: *Lyrizovaná proza*. Bratislava. 1973. S. 278.

⁴ Števček Ján: *Literárnohistorické etudy*. Bratislava. Národné literárne centrum. 1996. S. 64.

⁵ Števček Ján: *Lyrizovaná proza*. Bratislava. 1973. S. 279.

воспоминаниях о лечении на Слияче он писал: «В детстве я страстно мечтал верить. Мне тогда казалось странным, что вера не следует за моей волей. Когда же в гимназии мне в руки попала книга М.Ю. Лермонтова в прекрасном переводе Зоры Есенской, я сразу же нашел в ней стихотворение, которое, вероятно, меня тоже искало: «Я верю, обещаю верить, / Хоть сам того не испытал...»¹ (стихотворение М.Ю. Лермонтова «Исповедь», прим. переводчика).

Что касается произведений русской литературоведческой науки, то Ян Штевчек вдохновлялся творчеством русских ученых, прежде всего — XX века, воспринимал импульсы, исходящие от русской формальной школы (Томашевский, Шкловский), русской культурно-исторической школы (Лихачев), но в первую очередь — русской философской эстетики (Бахтин)².

Свои знания трудов русской формальной школы Штевчек использовал при анализе творчества Швантнера в книге «Балладная проза Франтишка Швантнера» (1962), где он ссылается на трактовку формалистами художественного текста. Он пишет: «Способ, который в своих последних работах использовал известный советский литературовед В. Шкловский, кажется нам подходящим для анализа творчества Швантнера. Литературоведческий метод Шкловского мы могли бы коротко охарактеризовать следующим образом: исследование отношения литературно-

го произведения к действительности способом, которым оно эту действительность отражает. Детальный анализ художественного текста с этой точки зрения является логичным»³.

Ян Штевчек работал с понятиями формальной школы. В сборнике рассказов «Малка» он обнаруживает два типа новелл: новеллы с таинственным содержанием и новеллы с тайной как способом организации сюжета⁴. Между тем, как пишет Швантнер и знаниями, которые дают нам формалисты, Штевчек находит взаимосвязь, при этом он подчеркивает, что Швантнер основательно изучил книгу Шкловского «Теория прозы», где разница между новеллой и романом детально разъяснена⁵. Сравнивая особенности творческой манеры Швантнера и Рамю, Штевчек опирается на работы русских формалистов. Он утверждает, что словацкий писатель «знал, что тайну в литературе можно воссоздать только при помощи сильного напряжения между реальным и таинственным уровнями рассказывания, при этом план таинственный должен преобладать»⁶.

Михаил Бахтин вдохновлял Яна Штевчека более других ученых, с ним он практически всегда соглашался. Штевчек часто использовал терминологию Бахтина, в частности, такие понятия как: полифоничный роман, карнавальность, время и пространство, хронотоп, двойничество, маска, смех и т. п. С этими понятиями он работал

¹ Števček Ján: Sliacské meditácie. Bratislava. 1994.

² Červenák Andrej: Ján Števček a ruská literárna veda. In: Červenák Andrej: Život a dielo Jána Števčeka. Nitra. Národné literárne centrum, 1996.

³ Števček Ján: Baladická tvorba Františka Švantnera. Bratislava. 1962. S. 9–10.

⁴ Ibid. S. 54.

⁵ Ibid. S. 172.

⁶ Števček Ján: Lyrická tvár slovenskej prozy. Bratislava. 1969. S. 148.

так же, как и с вдохновляющими его произведениями русской литературы — креативно и ассоциативно.

При анализе внутренней мотивации романа Гронского «Писарь Грач» Штевчек пишет: «Еще до Бахтина, использовавшего понятие монологизированный диалог, словацкий прозаик угадал, что человеческому нутру присуще многоголосие, при котором отдельные пассажи чередуются и дисгармонично дополняют друг друга. Именно так у Гронского обозначен путь к искуплению и перерождению. Этой особенностью своей философской и художественной концепции Гронский напоминает скорее Достоевского, чем Кафку, ибо это исключительно славянское решение проблем страха и разочарования»¹. Бахтина и Достоевского упоминает

Штевчек и при анализе романа Гронского «Йозеф Мак», когда он пишет, что это роман — трагический, потому что в нем отсутствует смерть героя².

Мы можем констатировать, что литературоведческое мышление Бахтина и Штевчека связывают глубокие этические и эстетические моменты. Ян Штевчек использовал импульсы русской литературы и литературоведческой науки, возможно, более спорадично, чем импульсы других литератур, однако он делал это творчески, он умел находить связи в деталях и в широких философских концепциях. При сравнении русской и словацкой литератур Яну Штевчеку — возможно это покажется немного парадоксальным — удалось сосредоточить внимание на качестве и глубине произведений словацкой литературы.

ЛИТЕРАТУРА

- **Škotka Marian:** Ján Števček a ruská literatúra. In: Červenák Andrej: Život a dielo Jána Števčeka. Nitra. Národné literárne centrum, 1996.
- **Števček Ján:** Baladická tvorba Františka Švantnera. Bratislava. 1962.
- **Števček Ján:** Literárnohistorické etudy. Bratislava. Národné literárne centrum. 1996.
- **Števček Ján:** Lyrická tvár slovenskej prozy. Bratislava. 1969.

Перевод Аллы Машиковой

Из книги: K dielu Jána Števčeka. Pri príležitosti nedožitého 85. výročia narodenia. Bratislava. 2015

¹ Števček Ján: Literárnohistorické etudy. Bratislava. Národné literárne centrum. 1996. S. 49.

² В этой связи Ян Штевчек пишет: «Трагическое, как это показал в анализе творчества Достоевского Бахтин, требует завершенности, реальную физическую или моральную смерть героя. Таково трагическое у Шекспира или Софокла. Роман «Йозеф Мак» в этом смысле «не закончен», что означает не трагичен». Števček Ján: Lyrická tvár slovenskej prozy. Bratislava. 1969. S. 92.

СЛОВАЦКО-РУССКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 170-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ И 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ СВЕТОЗАРА ГУРБАНА-ВАЯНСКОГО

Л. Широкова

Институт славяноведения РАН

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ СВЕТОЗАРА ГУРБАНА-ВАЯНСКОГО

Ваянский родился в семье выдающегося деятеля словацкого национального возрождения, политика и литератора Йозефа Милослава Гурбана; был старшим из 9 детей. Его мать — Анна Юрковичова, дочь словацкого патриота, учителя и нотариуса Самуэля Юрковича («дедушка» в письмах Ваянского). Рождение первенца совпало с кануном революционных событий 1848–49 гг., что отражено и в переписке его отца. Из письма Й.М. Гурбана брату: «Мой дорогой брат! У меня сын, Светозар Милослав. Могу признаться, что ни один год не начинался для меня так счастливо, как этот».

У семьи родителей была своя примечательная предыстория, связанная со свадьбой Й. Гурбана, на которую с неохотой приехал Л. Штур, воспринявший ее как своего рода похороны изменившего народному делу товари-

ща. Гурбан вспоминал: «Приехав за три дня до свадьбы, он старался еще отговорить меня от намерения завести семью в столь роковое для народа нашего время».

Светозар Милослав Гурбан-Ваянский
(16 января 1847, Глобе —
17 августа 1916, Мартин).

Светозар Гурбан с родителями, сестрами и братом (стоит второй справа)

Светозар Гурбан — студент

Во время революции 1848–49 гг. Й. Гурбан, активный участник словацкого национального движения, писал жене, делаясь своими впечатлениями об исторических событиях и одновременно заботясь о маленьком сыне: «Вчера после своей речи и ответственных криков в мой адрес прилетел я на скакуне к пани Коленичке, у которой теперь стою. Сюда же вслед за мной прибыло множество народу, желая меня видеть... Светозара за меня поцелуй, побереги и оставайся в доброй надежде». Венгерские власти выдали ордер на арест Гурбана. В доме провели обыск, допрашивали его беременную жену, поставили для устрашения во дворе виселицу. Анне

удалось укрыться с маленьким сыном Светозаром у сестры в Моравии, а затем у своего отца.

Первоначальное домашнее образование Светозар получил в доме отца, который начал заниматься с ним с пяти лет, вместе с другими старшими детьми, погодками Боженной и Владимиром. Вместе они издавали рукописный журнал «Зернышки», куда будущий писатель помещал свои первые литературные опыты.

В 1858 г., когда Светозару исполнилось одиннадцать лет, он поступил в гимназию города Модра. Затем его переводят в гимназию Тешина, директором которой был друг Й. Гурбана, известный словацкий писатель Ян

Калинчак, на поддержку которого тот надеялся. Учеба давалась Светозару нелегко, особенно математика, латынь и немецкий, зато именно в Тешине в 1860 г. он начал осознавать себя как писатель и завел тетрадь — рукописный сборник «Работы Светозара Милослава Гурбана. Словацко-чешские. Баллады, стихотворные повести и т. д.». В 1863 г. его перевели в гимназию в Штендале, пригороде Берлина. Путешествие туда вместе с отцом он описал и в «Дневнике», и в письмах, следуя стилю романтиков: «Корабль плыл через прекрасные долины Саксонской Швейцарии, названной так за ее романтические красоты. Высокие утесы все будто изрыты трещинами, за них цепляются кусты и деревья, чуть ниже виднеются маленькие хижины или высится величественная крепость...»

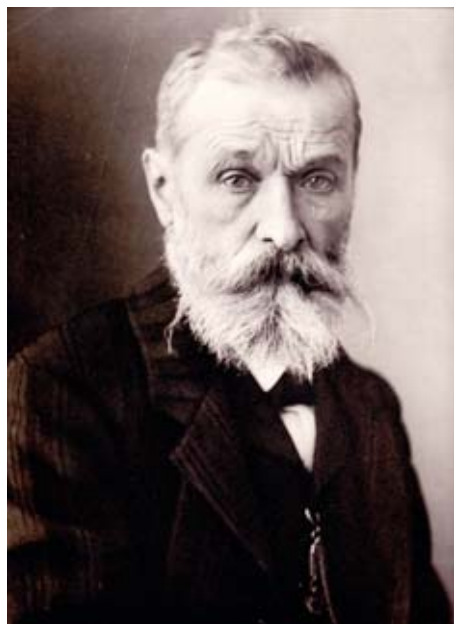
В 1866–67 гг. Светозар снова переходит в другое учебное заведение, в гимназию города Банска-Быстрица, главным образом — из-за нежелания получать теологическое образование. Это вызвало неодобрение со стороны родителей, поскольку нарушало семейные традиции Гурбанов, где старший сын обычно становился священником. Юноша пишет отцу о тяготах студенческой жизни — как материальных, связанных с недостатком средств, так и о политических, о притеснениях словацкой молодежи: «С самого начала и по сию пору не было слышно здесь песни славянской! И так захотелось некоторым сердцам прервать эту унылую прозу, что вышли мы на просторы полей и спели пару народных песен наших (...). И что тут началось: “демонстрации”, “бунт”, “панславизм” и т. д.»

*Свадебная фотография С. Гурбана
и Иды Добровичовой*

В 1868 г. Светозар поступил в Юридическую академию Братиславы (тогдашнего Прессбурга), где изучал право. Юноша активно включился в студенческую жизнь, стал председателем словацко-сербского общества «Напрей». В эти годы он пишет стихи, часть которых вошла затем в его первый поэтический сборник «Татры и море».

В 1869 г. Светозар Гурбан познакомился с сестрой студента-одноклассника Венделина Добровича Идой, и с 1870 г. начинается их бурная переписка, поначалу на немецком языке, которая перешла затем в романтические отношения. Молодой человек стремился приблизить любимую к славянской идее

Ваянский в последние годы жизни

и к культуре словаков, для чего пригласил ее погостить в доме своих родителей. Отец, Й. Гурбан, отвечал ему в письме: «Дом их мадьяронско-немецкий, а наш дом — ты сам знаешь, какой. Но не волнуйся, Идушку мы сбережем. Ты же своими делами занимайся».

Накануне ее приезда Светозар дает Иде напутствие: «Принимай поучения с охотой, доверяй тем, кто хочет Тебя научить. У нас в доме Ты увидишь многое, что может потом быть Тебе весьма полезно и чему в городе нельзя научиться! Хорошо, если бы Ты, например, заглянула на кухню...»

Светозар продолжает писать и публиковать стихи, статьи, делает переводы литературных произведений с немецкого языка. С 1 июля 1873 г. его постоянным псевдонимом, а позднее — и привычной фамилией становится

литературное имя Ваянский — такую подпись под его статьей в «Народных новинах» поставил редактор Вильям Паулини-Тот.

Свадьба Светозара и Иды состоялась в мае 1875 г. Некоторое время Ваянский безуспешно пытался заниматься адвокатской практикой в Трнаве, Будапеште, Братиславе и Вене, затем открыл собственную юридическую контору в Скалице, которая также не приносила доходов.

И, наконец, с 1878 г., по приглашению Я. Францисци, он начал работать в качестве редактора газеты «Народные новины», издававшейся в Мартине. Этому изданию Ваянский отдал много лет и творческих сил; позже, в 1906 г. стал главным редактором этой газеты. Литературно-издательская работа и атмосфера Мартина пришлась ему по душе; он писал жене: «Теперь я работаю в редакции (...) Больше всего мне хотелось бы остаться здесь, мне нравится здешняя жизнь, и для Тебя тут было бы хорошо, пусть бы и остались мы бедными».

В 1878 г. Ваянский был мобилизован и отправлен на Балканы, на войну с турками. Впечатления от долгого пути по суше и по морю, встречи с местными жителями и свои военные впечатления он отразил потом в стихах сборника «Татры и море», вышедшего в свет 1879 г.

С начала 1880-х годов Ваянский выступал как талантливый поэт, прозаик, журналист, борец за права и культуру словацкого народа. На протяжении всей своей жизни он оставался незаурядным, активным критиком, постоянно следил за новыми явлениями в словацкой литературе, писал многочисленные рецензии и литературные

обзоры, вел полемику с чужеродными, по его представлению, тенденциями в культуре того времени (в частности, с «гласизмом»). В 1881 г. Ваянский возобновил издание журнала «Словенске погляды», основанного его отцом, Й. Гурбаном, в 1846 г., был главным редактором издания «Народне новины».

Велико и значительно литературное наследие Ваянского. Его перу принадлежит ряд романов: «Летающие тени» (1883), «Сухая ветвь» (1884), «Корень и побеги» (1896), «Котлин» (1901), повести, рассказы, стихотворные произведения «Татры и море» (1879), «Из-под ярма» (1887), «Вилин» (1886) и др.

Ваянский неоднократно совершал поездки в Россию, тесно сотрудничал с русскими славистами, учеными и писателями.

Из статьи Яна Грушовского «Батька с русской бородой»: «Бесспорно, Ваянский был сильной, магнетической личностью. В этом и противники его, и поклонники были едины. Когда он шел по улице в широкополой шляпе, увенчивающей его красивую голову истинного бойца, каждый отвешивал ему глубокий поклон...»

Умер Ваянский 17 августа 1916 г. и был с почестями похоронен на Национальном кладбище в Мартине.

СВЕТОЗАР ГУРБАН-ВАЯНСКИЙ КАК АВТОР «БЕСЕДНИЦ» И ФЕЛЬЕТОНОВ

Хотя фельетон был известен в словацкой журналистике уже с конца XVIII века, как самостоятельная газетная рубрика он появился в словацкой печати только в 60-е годы XIX в. Под французским названием «*feuilleton*» с 1 января 1862 г. его включила в свою структуру словацкая политическая газета «Пештьбуди́нске ведомости». С 1 апреля 1862 г. редакция использовала словацкое название газетного раздела под рубрикой «беседница». Эту практику позже переняли и «Народне новини». Для обоих периодических изданий «беседницы» писал и Светозар Гурбан-Ваянский (1847–1916), одна из ключевых фигур национальной элиты, оказавшая принципиальное формообразующее влияние на развитие идеологии и культуры того времени.

Первой публикацией Ваянского в рубрике «беседница» была рецензия на сборник стихов Яна Цапка-Зниевского, вышедшая в газете «Пештьбуди́нске ведомости» в июле 1868 г. Текст, подписанный псевдонимом «Милослав», Гурбан воспринимал как обращение к словацкой молодежи, чтобы побудить ее к литературной активности и большему вниманию к созданию национальной литературы. Подобный призывный характер в его статьях часто проявлялся и позднее, уже на страницах вновь образованных «Народних новин». Псевдоним «Ваянский» впервые появился как раз в них 1 июля

1873 г. под вводной статьей «Школа и жизнь», причем этим именем автора ее подписал их тогдашний главный редактор Вилиам Паулини-Тот. Молодой корреспондент принял псевдоним мифологического характера, в основе которого была фигура праславянского бога Ваяна и связанный с ним праздник летнего солнцестояния Ваяно с традицией ваянских костров; с течением времени он использовал его как свое единственное литературное имя.

Первые «беседницы» С. Г. Ваянского в «Народних новинах» относятся к 1873 г. и в небольшом количестве присутствуют и в последующих номерах. Их появление участилось в основном после его вхождения в редколлегия 15 ноября 1878 г. С жанровой точки зрения это были разнородные тексты, что не только соответствовало широкому пониманию содержательной структуры рубрики, но указывало также на жанровую гибкость самого автора. В жанре «беседниц» Ваянский публиковал очерки и рассказы, краткие прозаические произведения о сельской местности, картинки-настроения и зарисовки, литературные портреты, медальоны авторов, литературно-критические статьи, рецензии, некрологи, размышления на актуальные темы, агитационные статьи, драматические сюжеты (прежде всего, так называемые полуночные сцены, представляемые в рамках новогод-

них вечеров) и стихи. Самостоятельную часть среди его «беседниц» представляли собой путевые заметки о Словакии и из-за границы. Ваянский писал также фельетоны в более узком смысле, которые тематизировали сам жанр и рубрику (фельетон, «беседница»), как и сам процесс написания статьи-фельетона. Из этого перечня ясно, что, по крайней мере, с середины семидесятых годов XIX в. он как автор ориентировался на краткие прозаические жанры, беллетристические и публицистические, причем в широком спектре, как бы испытывая границы и возможности малых форм и своего собственного стиля.

Сосредоточенность на кратких прозаических жанрах, однако, длилась недолго; по словам историка литературы Ивана Кусы, Ваянский завершил «публикацию художественной (фиктивной) прозы» в «Народних новинах» в конце 1880 г., что символически обозначил новогодним фельетоном под названием «До свидания!»¹ Спорадически он хотя и публиковал краткие прозаические формы и позднее (например, аллегория «Рождество в лесу», с жанровым подзаголовком «фантазия», 1881, или юмористический очерк «Месть из повести», 1882), центр тяжести его писательской активности в «Народних новинах», однако, все-таки сместился к публицистике, прежде всего — к политической (переводные статьи, комментарии актуальных политических событий) и культурно-политической (программные статьи и материалы). Поскольку он одновременно издавал как поэтические, так и прозаические книги («Татры и море», 1880; «Беседы и думы» в двух частях — 1883, 1884, «Из-под ярма», 1884), можно пред-

положить, что для реализации своих литературных интересов и амбиций он намеренно оставил газетное пространство (из-за временной ограниченности его воздействия), чтобы выразить их с помощью более долгосрочной книжной среды как автономного коммуникационного пространства литературы. Журналистской эфемерности он предпочел книжные издания (с частично приемлемой альтернативой публикации на страницах специализированных литературных журналов и альманахов, таких как «Орол», «Словенске погляды», «Живена»). Другим объяснением разделения повседневной журналистики и высокого искусства может быть применение гегелевской гипотезы, на которую указала М. Микулова, в рамках которой у Ваянского «публицистика как бы представляла “низшую”, а художественное творчество “высшую” стадию духовного самосознания (нации)». Обе части творчества — публицистика и художественная литература — имели одни и те же цели, но использовали различные средства.

«Беседница» «До свидания!» (1880) не была действительным отказом от газетной беллетристики, как и не подвергала сомнению ее качеств. Хотя круг читателей «беседницы» Ваянский в ней определил как «читающие дамы», он в то же время призывал к расширению авторского кругозора и тематического регистра рубрики: он требовал «различных голосов» и «различия, пестроту стилей». В другой «беседнице», также задуманной как призыв к молодым корреспондентам, Ваянский подчеркивал беллетристическое значение газетной рубрики как подходящего пространства для начинающих писателей. Затем

¹ Название написано по-русски. — Прим. переводчика.

он перечислил типы произведений, которые могли бы быть опубликованы в этой части газеты: путевые очерки, реалистические описания, «легко написанные научные статьи», критика, из литературы — краткие прозаические формы, культурные обозрения, языковые размышления, популярные статьи из области права, медицины, естественных наук. Основным и многократно повторенным требованием был облегченный и притягательный для читателя стиль. В заключение Ваянский высказался против недооценки рубрики заметок как неполноценного раздела газеты, поскольку менее важная, на первый взгляд, рубрика имеет свое значение для культивирования словацких читателей.

Ваянский как автор «беседниц» показан уже в рамках семидесятых и восьмидесятых годов XIX в. заметное развитие. Если мы остановимся только на фельетонных текстах, можно видеть, что уже с самого начала он и в них старался сформулировать национальную позицию и активизирующее послание, чтобы посредством этого жанра также формировать идейный и культурный профиль словацкой общественности. В семидесятые годы он делал это в значительной мере схематично и тенденциозно. Например, «беседница» раннего периода «Вечерние картины» (1873) заключена в рамки субъективно прочувствованного, опосредованного настроением описания летнего вечера, однако собственное ядро повествования создает фантазийное воссоздание картин из далекого прошлого славянства. Моралью является пожелание скорого исполнения чаяний «славянского народа». Вечерние впечатления — лишь декорации, они акцентируют лишь субъект высказывания, который становится медиумом исторического завета, и этим исчерпывает-

ся вся их функция. Существенен идеологический момент, идея великого единого славянского народа.

В конце семидесятых и в начале восьмидесятых годов XIX в. Ваянский воспринимает импрессию уже как содержательную составляющую текста. Функциональный сдвиг ощутим, например, в двух текстах «беседниц», написанных по случаю проведения ежегодных мартинских августовских торжеств, которые национальная общественность обозначала и воспринимала как так называемые национальные торжества, поскольку после закрытия Матицы Словацкой они развивали созданную ею традицию. Под знаменем общего собрания общества словацких женщин «Живена» и при участии Словацкого хорового общества в определенный летний период они оживляли идею национальной солидарности и атмосферу воодушевления словацкой жизни.

Эти конкретно приуроченные тексты — «Липы» (1879) и «Шумите, липы!» (1880) — имеют похожие названия, но их характер различен. Ваянский в обоих развивает природный мотив липы как славянского символа (а одновременно и конкретный топоним липовой аллеи в Мартине), во втором также и метафору «корня и побегов» и нового животворного сока «национального» дерева, к которой в рамках своего творчества позже неоднократно возвращался.

«Беседница» «Липы» построена статически, причем исходно использует такую же композиционную схему, что и более ранняя проза «Вечерние картины». И здесь импульсом для раздумий является вечернее настроение, персонализированные липы открывают в сознании авторского субъекта фантазийное представление, на этот раз нацеленное

перспективно в будущее. Текст развивает мысль уже не о великом славянском народе, но о словацком народе, который понимается как «последняя сирота славянства». Утопическое видение связывается с национальными торжествами в Мартине когда-либо в будущем и проникнуто оптимизмом и позитивными ценностями. Ваянский в нем показал величие и рост в различных значениях: величественная архитектура — городские дома, церковь, словацкая гимназия, в сравнении с нынешними маленькими и даже изуродованными, растущая образованность, благосостояние, богатство во всех общественных слоях, «Народные новости» как «великая газета», формат которой «страшно велик для такого малого народа» (в действительности «Народные новости» в то время выходили лишь три раза в неделю, во вторник, четверг и субботу). Видение, воспринятое со стороны субъекта как «прекрасный сон», исчезает, и возвращается повседневная реальность. Его целью, однако, было показать «будущую действительность», как нечто, что придает смысл актуальным усилиям.

Годом позже в «беседнице» «Шумите, липы!» Ваянский придал своему высказыванию выражено динамичный характер. Он не только усилил пафос всей представленной ситуации, но

главным образом рефреном «Шумите, липы!» подчеркнул волю к действию и активизирующий жест. Текст построен как выражение почтения к умершим основателям и ведущим представителям Матицы Словацкой и вместе с тем как пожелание силы и славы «верным живым». В значительной мере он использует ветхозаветную библейскую и проповедническую риторику.

Другой тип представляют фельетоны «На пороге весны» (1880) и «Летний фельетон» (1881), в которых тематизируется процесс писательства как такового и, так сказать, легким пером выражена реакция на недостаток авторской изобретательности (размышление о погоде) или газетный летний «огуречный сезон» (реклама словацких курортов).

Анализ «беседниц» Ваянского из «Народных новостей» семидесятых — начала восьмидесятых годов XIX в. ясно показывает, как Ваянский с течением времени расширял регистр своих тем и как рос его авторский суверенитет. Характерными чертами этого развития являются индивидуализация изложения, акцент на авторском субъекте, автостилизация. Его тексты обладали сложившимся характером и своими стилистическими качествами намного превышали уровень других произведений этого жанра.

ЛИТЕРАТУРА

- **Kodajová, Daniela:** Augustové slávnosti — programová demonštrácia slovenskosti, životaschopnosti národa a forma politického protestu. In: Kušnieráková, Ingrid (ed.): «Vyjdeme v noci vo fakovom sprievode a rozsvietime svet». *Integračný a mobilizačný význam slávností v živote spoločnosti*. Bratislava: Historický ústav SAV, 2012, s. 92–108.
- **Kusý, Ivan:** *Mladý Vajanský (1847–1883)*. Bratislava: Tatran, 1987.
- **Mikulová, Marcela:** Povinnosť k ideálu alebo romantizmus v slovenskom realizme. In: Taranenková, Ivana — Mikulová, Marcela (ed.): *Reálna podoba realizmu*. Bratislava: Ústav slovenskej literatúry SAV, 2011, s. 105–113.
- **Taranenková, Ivana:** *Fenómén Vajanský. Medzi ideálom umenia a ideou národa*. Bratislava: Ars Poetica, 2010.

Перевод Наталии Шведовой

СВЕТОЗАР ГУРБАН-ВАЯНСКИЙ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

На рубеже XIX–XX вв. культурные и литературные связи между Словакией и Россией были весьма активны и многообразны. Этот факт представляется тем более примечательным, что условия для взаимных контактов после образования Австро-Венгрии (1867), были крайне неблагоприятными. Тем не менее, имевший место в это время процесс мадьяризации словацкого населения стимулировал словацкую культурную общественность к принятию мер для сохранения национальной идентичности. В реализации этой задачи значительную опору она видела в России, в обращении к русской литературе. И хотя венгерские власти всячески препятствовали поддержанию личных контактов между словацкой и русской интеллигенцией, русская литература не только пользовалась в Словакии большой популярностью, но и оказывала воздействие на творчество многих писателей.

В это время в Словакии переводятся произведения Лермонтова, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова, Г. Успенского, Мамина-Сибиряка, Григоровича, Лескова, Короленко и др. Одновременно словацкие писатели, критики, такие как Светозар

Гурбан-Ваянский, Йозеф Шкультеты, Павол Орсак-Гвездослав, Ярослав Влчек и др., в своих рецензиях пытаются дать оценку их творчества, показать их восприятие в Европе и значение для развития словацкой литературы.

Внимательно следил за тем, что происходит в России, за ее культурной и политической жизнью основоположник словацкого реализма, талантливый поэт, прозаик, публицист, литературный критик Светозар Гурбан-Ваянский (1847–1916). Начиная с 1880 года, он опубликовал десятки статей о русских писателях — Карамзине, Грибоедове, Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Гончарове, Толстом, Тургеневе, Достоевском, Чехове и др. В этих статьях содержится обстоятельная характеристика творчества, анализ конкретных произведений. Однако практически всегда, рассуждая о русской литературе, Ваянский смотрел на нее сквозь призму проблем словацкой литературы, ее судьбы, задач, которые стояли перед ней. Привлекая русскую литературу, он искал в ней поддержку своим русофильским взглядам, пытался ответить на вопрос о значимости традиций и негативных последствиях псевдоноваторства, осветить проблемы правды и красоты,

задач литературной критики, противостояния «западников» и славянофилов, состояния и перспектив развития общества. Как отмечает словацкий критик А. Мраз, сквозь призму восприятия творчества русских писателей «выкристаллизовывались его (Ваянского — А.М.) взгляды на русскую литературу и славянство, международную политику, и сквозь эту призму взирав он на проблемы собственного народа»¹.

Одним из самых популярных в 1880-ые гг. в Словакии русских писателей был Н.В. Гоголь, о чем свидетельствуют многочисленные публикации его произведений, а также появление статей, рецензий, заметок, посвященных его творчеству. Активно знакомила с творчеством Гоголя газета «Народне новины», которая напечатала повесть «Ночь перед Рождеством» (1889), «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1890) — в переводах М. Кукучина, «Коляска» (1888), «Нос» (1889) — в переводах некоего Ц.Д.; там была даже напечатана рецензия на первую постановку «Ревизора» в России (1883). Многие критики писали о том, что произведения русского писателя отвечали задачам, стоящим перед словацкой реалистической прозой. В частности, Само Бодицкий, опубликовавший в журнале «Словенске погляды» (1880–1881) статью, писал о том, что «как и в русской литературе, на смену умершим писателям приходят новые, и у нас — даст бог — появится свой Гоголь, который тонким хлыс-

том будет стегать безобразия наши. Или же наш климат привел к такому окостенению кожи и спины, что бич сатиры не способен оставить у нас и следа?»². В том же номере журнала Ваянский, который посвятил Гоголю несколько статей («Николай Васильевич Гоголь», «Н.В. Гоголь. “Тарас Бульба”», «Гоголь и западные фарисеи»), публикует подборку из «Избранных мест из переписки с друзьями». Встав на защиту Гоголя и полемизируя с Белинским и русскими критиками, которые поддерживали его оценку второй части «Мертвых душ», Ваянский в статье, посвященной 100-летию со дня рождения Гоголя, подчеркивает, что целью русского писателя в «Избранных местах...» было «показать позитивные типы, притягательную сторону России»³. Он пишет: «С именем Гоголя связано понятие реализма в литературе, и он (Гоголь — А.М.), как мастер реалистического словесного творчества, считается родоначальником творчества русских писателей, благодаря которым в конце XIX столетия прославилась русская литература в Европе... Гоголь — писатель, болеющий за свой народ, великий Русский, великий патриот... создавший грандиозную картину России»⁴. Таким образом, разойдясь с русской критикой в оценке «Избранных мест...», Ваянский продемонстрировал самостоятельность, независимость своих суждений и взглядов.

В статье «Литература в Словакии. Ее возникновение, развитие, задачи

¹ Mráz A. Vajanského rusofilstvo // Zo slovenskej minulosti. Bratislava. 1953. S. 291.

² Bodický S. Nikolaj Vasiljevič Gogoľ. // Slovenská literárna kritika. II. Zv. Bratislava. 1979. S. 36.

³ Vajanský Sv.H. Nikolaj Vasiljevič Gogoľ // zlatyfond.sme.sk/dielo/1630/Vajansky_State-o-svetovej-literature-2/12#ixzz44AxsyaSf

⁴ Ibidem.

и успехи» (1881), посвященной книге Я. Влчека, Ваянский сетует на провинциальный характер чешской и словацкой литературы, где нет ничего похожего на Пушкина, Мицкевича, Гоголя и Гончарова, на то, что эти литературы «остались незамеченными в мире»¹. При этом в отставании словацкой литературы от мирового литературного процесса он во многом винит литературную критику. До тех пор, пока не будет в Словакии развитой литературной критики, подчеркивал он, не будет и зрелой литературы, «не следует ожидать прогресса в развитии национального самосознания и духовной жизни». Говоря об этом, Ваянский вновь обращается к русской литературе, где существует, с его точки зрения «благожелательная, вдумчивая, аналитическая, толковая критика». «В русском обществе, — отмечает он в статье «Критика», — основанном на гораздо более развитых, свободных принципах, нежели любое западное общество, живут персонажи из произведений Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Гончарова. Только скажите о ком-то: “это Обломов”, и всем станет ясно, что это означает, скажите: “это Базаров”, и сразу же вы тем самым обозначите определенный типаж, скажите: “Ноздрев”, и каждый уже представляет себе, какого человека вы имеете в виду! Однако это заслуга не их создателей, это — заслуга критики, которая объяснила, обобщила и оценила творчество писателей»².

В своей статье «Литература и жизнь» Ваянский в числе персонажей, хорошо известных русскому читателю, называет Чичикова³. Более того, в 1910 г., вдохновившись «Мертвыми душами», он пишет новеллу «Близнецы», которая тогда же была опубликована в США под названием «Даниэль Хлебик», и лишь в 1913 г. вышла в свет под названием «Близнецы». По словам самого Ваянского, главный герой произведения — Даниэль Хлебик был задуман им как словацкий Чичиков.

Об отношении Ваянского к Гоголю и его оценке значения творчества русского писателя для словацкой литературы писал в своих статьях Й. Шкультеты. В частности, в статье, посвященной роману Ваянского «Сухая ветвь» (1884), критик обратил внимание на необходимость создания в Словакии литературы, которая была бы наделена воспитательными функциями, связана с действительностью. Чрезвычайно высоко оценивая роль Гоголя в создании литературы подобного рода в России, Шкультеты считал, что и для литературы Словакии его творчество имеет большое значение. Он подчеркивал, что Ваянский, обладавший огромным талантом и «горящим в груди огнем за дело словацкое», даже если бы и не был знаком с творчеством Тургенева, Достоевского, Толстого, Гончарова и др., все равно был бы способен «распознать и освоить подобное направление (реалистическое — А.М.) в литературе»⁴.

¹ Vlček J. Literatura na Slovensku. Její vznik, rozvoj, význam a úspěchy. Příspěvek k dějinám písemnictví Československého // zlatyfond.sme.sk/dielo/1622/Vajansky_Z – dejin -literatury-1/2

² Vajanský Sv.H. Kritika // zlatyfond.sme.sk/dielo/1622/Vajansky_Otazky - literatury/12

³ Vajanský Sv.H. Literatúra a život. // Slovenská literárna kritika. II. zväzok. Bratislava. 1979. S. 200.

⁴ Škultety J. Vajanského Suchá ratoľ // Slovenská literárna kritika. II. zväzok. Bratislava. 1979. S. 126.

Высоко оценивая мастерство Гоголя и значение его творчества не только для русской, но и мировой литературы, Ваянский резко негативно относился к его оценкам на Западе. В статье «Гоголь и западные фарисеи» он выражает свое несогласие с мнением некоторых западных критиков о том, что будто сатира Гоголя «подрывает» русскую державу и ее военную силу, уничтожает авторитет России. Он пишет: «...они радуются тому, что он (Гоголь — А.М.) представил истинную картину не только русской, но и славянской жизни, гнилой в самой ее основе, отвратительной в моральном плане, несимпатичной и пригодной единственно для того, чтобы быть высмеянной всем миром, а затем и презираемой. “Какой ужас!” — говорят господа западные мудрецы. “Ни одного честного человека!”» Подобная острая критика, по его мнению, — отличительное свойство русской литературы. Ибо ничего подобного на Западе существовать не может. Появление сатирика, который бы «поставил к позорному столбу» европейскую действительность вызвало бы негодование критиков, более того, «ему заткнули бы рот и умертвили». Поэтому, с его точки зрения, «нечему радоваться недругам русского народа: Гоголь не клеветал на свой народ, не обидел глубокие национальные чувства; он по своему возвысил и прославил Россию, русских людей и русскую литературу»¹.

Однако Ваянский, будучи страстным русофилом, искренне и глубоко симпатизируя России, не всегда при-

нимал критику российской действительности, содержащуюся в произведениях русских писателей. В этом проявилась непоследовательность его взглядов. В целом положительно оценивая их творчество, он именовал некоторых из них «так называемыми обличителями» и предостерегал перед негативными последствиями для России критики, содержащейся в их произведениях. К примеру, в статье «Иван Сергеевич Тургенев умер» он сожалел, что тот «так и не созрел до истинно славянских убеждений» и что Тургенев был «больше художником, чем патриотом». Назвав Толстого «королем художественного реализма», Ваянский вместе с тем негативно относился к его философским взглядам, его критике общественной жизни России. От романа «Преступление и наказание» Достоевского, о котором словацкая критика умалчивала вплоть до конца XIX в., он буквально пришел в ужас от вскрытых в нем «с обстоятельностью анатома болезненных, отвратительных язв человеческого сердца и человеческого общества»². Подобная свобода, с его точки зрения, является «немилосердной, жуткой» (статья «Лев Толстой и Иван Тургенев»). Однако при этом он оговаривался, раскрывая целый ряд преимуществ, которые, с его точки зрения, обусловлены «свободой русской литературы» в сравнении с западными литературами. Ссылаясь на огромную популярность Достоевского в Европе он писал, что тот, «имея перед собой серьезную задачу, не гнушается показать

¹ Vajanský Sv. H. Gogol' a západní farizeji // zlatyfond.sme.sk/dielo/1630/Vajansky_State-o-svetovej-literature-2/14#ixzz44AzrUwHn

² Vajanský Sv.H. Lev Tolstoj a Ivan Turgenev // zlatyfond.sme.sk/dielo/1630/Vajansky_State-o-svetovej-literature-2/25#ixzz44B6QaZl4

своему народу даже самые неприглядные вещи, конечно, руководствуясь при этом бесконечно высокими, безукоризненно нравственными и очищающими душу целями. Мороз бежит по телу, когда читаешь “Преступление и наказание” Достоевского, в котором с анатомическими подробностями вскрыты болезненные отвратительные язвы человеческого сердца и человеческого общества. Этот ужас мы испытываем до конца романа!... Ах, как безжалостна эта свобода, ужасная и страшно величественная!»¹

Творчеству Тургенева Ваянский посвятил около десятка статей. Он ценил его, прежде всего, как мастера пейзажа, утверждая, что тот был художником «с головы до пяток»². Ваянский считал, что в этом плане Тургеневу нет равных в современной литературе. «Его пейзажные зарисовки, — подчеркивал он в статье «Тургенев и пейзаж» (1887), — исполнены жизни, правды, в них чувствуешь и видишь воздух, настроение погоды и ее перемены... Всего несколько строк, несколько слов — и вы понимаете, что без природного фона образы героев выглядели бы безжизненными... все эти описания... правдивы, списаны с природы, увидены, прочувствованы, и тем не менее идеализированы и пронизаны поэзией — особой, своеобразной. Мы обращаем внимание на эту блестящую сторону тургеневских произведений; своими чудесными

описаниями природы он принадлежит к лучшим писателям славянским»³.

Вместе с тем в своем отношении к Тургеневу Ваянский был во многом непоследовательным и противоречивым. Он упрекал русского писателя в «долгом и бессмысленном» пребывании на чужбине. Это, по его мнению, привело к тому, что, «став гостем в России», тот плохо понимал свой народ, происходящие на родине события, что родина «стала для него лишь предметом художественного отражения, в то время как отношение сердца к ней было противоречивым» (статья «Иван Сергеевич Тургенев умер»). Ваянский утверждал, что именно поэтому Тургенева «нельзя поставить в один ряд с Гоголем, Гончаровым, Достоевским»⁴. Однако, как бы противореча самому себе, в статье «Тургенев и пейзаж» он пишет о том, что писатель «возмущался» порядками, царящими в России, что в его произведениях содержатся «отчаянные ноты, звучащие по поводу великой державы», что в них присутствуют «нездоровые типы» и т. п. Всего этого на Западе не увидели, сожалеет словацкий критик, все это «не возмущало самодовольную гордость сытых европейцев. Смотрите. Думали они, ваш собственный гений проклинает вас». И далее, продолжая противоречить ранее высказанным суждениям, он встает на защиту Тургенева, призывает «заглянуть на дно чистой души

¹ Ibidem.

² Vajanský Sv.H. I.S.Turgenev: «V predvečer“ // :// zlatyfond.sme.sk/dielo/1630/Vajansky_State-o-svetovej-literature-2/22#ixzz44B29Ryd6

³ Vajanský Sv.H. Turgenev a krajina // zlatyfond.sme.sk/dielo/1630/Vajansky_State-o-svetovej-literature-2/24#ixzz44B5oK4aR

⁴ Vajanský Sv.H. Ivan Sergejevič Turgenev zomrel // http://zlatyfond.sme.sk/dielo/1630/Vajansky_State-o-svetovej-literature-2/20#ixzz44B0p8tcn

писателя», где хранится «жемчужина любви к России, хотя и сокрытая под мрачным аскетизмом болезненной меланхолии... рука великого анатома дрожала от боли, когда он вскрывал и исследовал болезненные явления русской действительности»¹.

В статьях о Тургеневе Ваянский очень тонко и прозорливо показал всю сложность, противоречивость взглядов русского писателя, в частности, его отношения к идеям славянофильства. В частности в статье «И.С. Тургенев: “Накануне”» мы читаем: *«Тургенев избегал проблем славянства, ибо он относился к разряду русских мыслителей, которые не хотели видеть того, что русские писатели, при наличии своих сложных проблем заботятся о нерусских славянах... Он часто выступал против так называемых славянофилов. Но он был русским. А там, где его русская натура проявлялась со всей силой и безоговорочностью, он сразу становился славянином de facto»*².

Довольно часто Ваянский оценивал творчество Тургенева с точки зрения его значения для словацкой литературы. Так, в связи с романом «Накануне», который он считал «самым совершенным произведением Тургенева» он пишет о его большой воспитательной функции, влиянии на словацкого читателя — прежде всего на молодежь. *«Это единственное произведение Тургенева, касающееся проблем национального возрождения, которое словно было написано для нас и о нас...»*, — под-

черкивал он в статье «И.С. Тургенев: “Накануне”»³. В связи с этим он радуется хорошему переводу на словацкий язык не только романа «Накануне», но и «Отцы и дети». Вместе с тем Ваянский сетует на то, что слишком мало словаков знает русский язык и русскую литературу, что переводы тургеневских произведений на словацкий язык, за небольшим исключением, слабые, а посему они нередко отталкивают читателей.

Будучи одним из создателей программы реализма в словацкой литературе, Ваянский всегда считал понятия правды и красоты основополагающими для художественного творчества, ибо только они способны сделать писателя великим, а литературу — действенной. В частности, он писал об этом, анализируя «гениальный», с его точки зрения, роман Тургенева «Отцы и дети»: *«художественная правда, — подчеркивал он, — выше всех правд — философских, политических и риторических. Все политические теории и философемы бледнеют и ничего не стоят перед правдой художника, ибо это есть правда жизни, правда реального существования... Правда художественная, правда поэтическая у Тургенева, благодаря его таланту, одерживает победу над всеми вымученными и заимствованными теориями, западными вымыслами и фразами, ибо она сближает его с народом и с Пушкиным, а также со славянофилами, которых он через всю, большей частью на чужбине проведенную*

¹ Vajanský Sv.H. Turgenev a krajina // http://zlatyfond.sme.sk/dielo/1630/Vajansky_State-o-svetovej-literature-2/24#ixzz44B5oK4aR

² Vajanský Sv.H. I.S.Turgenev: V predvečer // zlatyfond.sme.sk/dielo/1630/Vajansky_State-o-svetovej-literature-2/22#ixzz44B29Ryd6

³ Ibidem.

жизнь, отталкивал от себя, изображая фигуру «европейского западника». Пусть он, — завершает свою мысль Ваянский, — прикидывался как хотел, но его душа была родственной Хомякову, Аксакову, Достоевскому и совсем не с родни пустым проповедникам западничества...»¹

Известно, что, представляя начальный этап развития реализма, Ваянский не принимал новаторских тенденций в словацкой литературе рубежа веков, активно полемизировал с представителями молодого поколения литераторов, с гласистами, с декадентским искусством. И вновь, в этом споре он искал опору в русской литературе. Он пишет о том, что в этом плане роман «Отцы и дети» может научить гораздо больше, чем все теории и направления. Он не принимал литературу, «которая отошла (конечно же только на время) от идеала красоты и ищет отдушины в изощренных сексуальных отношениях, заимствованных у французов и немцев...» Ваянский подчеркивает, что словакам «при теперешнем политическом и общественном униженном положении не нужна беллетристика ...Наше (словацкое — А.М.) искусство должно служить народу, однако оно может служить лишь при условии, что это искусство будет действительно искусством». Именно такое искусство, с его точки зрения, поможет словакам «пережить ужасный мрак сегодняшних отношений, безмолвие и непотребность бытия»².

Опирался Ваянский на творчество русских писателей и в своих размышлениях о понятии народности литературы, которое он считал «славянским изобретением». Так, в статье «О народе для народа» (1896) он писал: «В романе Толстого “Война и мир” народ выступает в качестве главного героя. Гоголь обнажил душу народа. Достоевский в “Записках из мертвого дома” обнаружил эту душу даже в преступниках, Островский привел народ на сцену, Хомяков определил место народа в философии, Ламанский просветил его, Данилевский показал ему его место в истории и культуре»³. Подтверждением народного характера произведений, по Ваянскому, является не только изображение народа, но и знание народом литературных произведений. В качестве примера он приводит тот факт, что, находясь в России, он был свидетелем того, насколько хорошо даже самые простые люди знают русскую литературу. Представители интеллигенции, вспоминает он, могут на память читать отрывки из поэм Лермонтова, Пушкина, Некрасова, простой кондуктор декламировать стихи Хомякова, а крылатые фразы из басен Крылова органично вошли в повседневную речь большинства людей. В связи с этим Ваянский выражает свое сожаление по поводу того, что в Словакии дело обстоит совершенно иначе. В статье «Литература и жизнь» он пишет о том, чтобы «проникнутая духом народным литература больше вторгалась в жизнь, оставляла в ней больший

¹ Vajanský Sv.H. «Otcovia a deti» a beletria // http://zlatyfond.sme.sk/dielo/1630/Vajansky_State-o-svetovej-literature-2/23#ixzz44B5A2Bjf

² Vajanský Sv.H. «Otcovia a deti» a beletria // http://zlatyfond.sme.sk/dielo/1630/Vajansky_State-o-svetovej-literature-2/23#ixzz44B5A2Bjf

³ Vajanský Sv.H. O ľudu a pre ľud // http://zlatyfond.sme.sk/dielo/1621/Vajansky_Otazky-literatury/6

след. Поэма Сладковича «Детван», например, — отмечает он, — заслуживает большей популярности и органичного вхождения в словацкую кровь... А что сказать о знаменитых повестях Каллинчака, в которых присутствуют почти гоголевские типы?..» При этом он подчеркивает, что «в этом, конечно, большая часть вины не столько поэта, сколько населения. Многие знаменитые жизнеспособные произведения известны только литераторам, и то не многим... Да, здесь мы видим обоюдный грех: со стороны населения и со стороны тех, кто призван популяризировать плоды словацкой литературы»¹.

Свои раздумья о близости писателей к народу Ваянский обосновывает и в статье «Граф Л. Н. Толстой как художник и мудрец». Эта близость, с его точки зрения, делает их творчество национальным, что отнюдь не противоречит реализму. Подтверждение этому Ваянский находит также в русской литературе, которая, по его словам, в художественном отношении «настолько совершенна», что «западные народы идут учиться сегодня у Достоевского и Толстого, ибо они не разработали теорию реализма, хотя и увязли в нем практически обеими ногами». Однако, говоря о необходимости учиться у русской литературы, Ваянский подчеркивал необходимость уметь учиться. Учиться — это не значит подражать, подчеркивал он. В статье «Лев Толстой

и Иван Тургенев» он писал: «Они — оригинальные своеобразные души, создавшие нечто новое — таким нельзя подражать, ибо можно подражать лишь тому, что не делает Толстого Толстым, а Тургенева — Тургеневым... Каждый Русский, каждый Славянин может гордиться этими произведениями славянского духа...»² Именно благодаря влиянию русской литературы, «золотому созвездию славянского реализма»³ — Гоголю, Тургеневу и Толстому, — а также «словацкому здравомыслию», по мнению Ваянского, словацким писателям удалось освободиться от «нездорового» влияния венгерской литературы. Именно русский реализм, представленный Грибоедовым, Пушкиным, Гоголем, Тургеневым, Толстым, Ваянский брал на вооружение в противостоянии молодому поколению литераторов, вступившему в литературу в начале XX века, с которым связана история обновления реализма, а также зарождение модернистской модели художественного творчества — течения Словацкой Модерны.

Сложным, противоречивым было отношение Ваянского к Толстому и Чехову. Не принимая философские взгляды Толстого, он определял его вклад в русскую литературу как «гомеровский»⁴. Чехова критиковал за изображение негативных сторон русской действительности, которое он считал «очернительством» великой де-

¹ Vajanský Sv.H. Literatúra a život http://zlatyfond.sme.sk/dielo/1621/Vajansky_Otazky-literatury/4#ixzz47Jjv8sgL

² Vajanský Sv.H. Lev Tolstoj a Ivan Turgenev http://zlatyfond.sme.sk/dielo/1630/Vajansky_State-o-svetovej-literature-2/25#ixzz44B6QaZl4

³ Цит. по: Chmel R. Dejiny slovenskej literárnej kritiky. Bratislava. 1991. S. 114.

⁴ Vajanský Sv.H. Lev Nikolajevič Tolstoj II. http://zlatyfond.sme.sk/dielo/1630/Vajansky_State-o-svetovej-literature-2/36#ixzz44B8L11hT

ржавы. В своих статьях Ваянский сравнивал Чехова с Гоголем, Тургеневым, Толстым. И эти сравнения оказывались не в пользу Чехова. К примеру, сопоставляя представления о России Гоголя и Чехова, он оценивал чеховский рассказ «Степь» следующим образом: «... описание степи... напоминает собой взятую из естествознания, хорошо изученную картину природы, степью и не пахнет в “Степи”. Где та, гоголевская, степь? Она словно бы на другой планете. А Тургенев! О, эти старики, старики! Чехов выглядит на их фоне как ремесленник, большой, всезнающий, но не как поэт!»¹

Остро полемизировал Ваянский и с чеховским изображением мещанства, не принимал критику его пустой, праздной и бездуховной жизни. В частности, это прозвучало в его суждениях о рассказе «Ионыч». Весьма резко отзывался он и о рассказах «Человек в футляре», «Дама с собачкой», «Анна на шее». О первом — за упрощенность конфликта, о двух других — за их «аморальный характер». Чужды были ему и чеховские поиски ответов на проблемы человеческого бытия, раздумья о смысле жизни, человеческом счастье, свободе личности. Критиковал Ваянский Чехова и в плане эстетическом: ему претил стиль его произведений — «все получается сухо, тупо и холодно», — писал он. «Каждый его небольшой отрывок можно было бы разбавить тарелкой супа, которая бы еще пахла мясом. Не знаю, являются ли искусством экстракты... старый Толстой это знает, знает и Тургенев... Вот они — это доб-

рое старое вино, а он — лишь новизной пахнущий коньяк»².

Тем не менее, нельзя отказать Ваянскому в интересе, который он проявлял к Чехову. Об этом свидетельствуют не только его статьи, но и тот факт, что, находясь за свою антивенгерскую деятельность в заключении в местечке Вацово (1903–1904), он много читает Чехова, стремясь глубже вникнуть в смысл его произведений, как бы подытожить свои впечатления о нем. Ваянский даже задумывает написать большое исследование, посвященное творчеству русского писателя. Это подтверждают записи в его «Вацовском Дневнике», датируемые февралем 1902 г. В частности, он пишет: «Сейчас мне следовало бы написать труд о положительных сторонах чеховской музыки... Материала у меня для этого предостаточно»³. Тем самым Ваянский как бы хотел реабилитировать себя в глазах литературной общественности за свои прежние резкие суждения о Чехове, за полемику с русским писателем и одновременно с молодым поколением словацких литераторов, чьи творческие поиски противоречили его взглядам.

Однако большой труд о Чехове Ваянский так и не написал. Вместо него появился обстоятельный некролог под названием «Антон Павлович Чехов», опубликованный в газете «Народные новости» (1904). Кстати, в отличие от нее другие издания, такие, например, как «Денница», «Словенские новости», «Словенский журнал» и проч., ограничились лишь краткой информацией

¹ Цит. по: Petrus P. Vajanský a Čechov // Slovenská literatúra. Roč. IX. 1962. Č. 3. S. 293.

² Ibid. S. 294–295.

³ Ibid. S. 291.

о кончине русского писателя. Журнал «Словенске погляды» вообще не откликнулся на это событие.

Пытаясь объективно оценить чеховское творчество, Ваянский писал в некрологе: «с наибольшей силой его дарование проявилось в небольших произведениях, где он продемонстрировал могучий талант, неисчерпаемую фантазию, способность к точным характеристикам и изобретательность. Каждое его произведение отлично проработано, играет искусной чеканкой, отполировано, словно драгоценный камень. Он принадлежит к числу писателей — “обличителей”, взявших на мушку всевозможные беды и недостатки жизни, и только в новелле “Мужики” Чехов, пожалуй, соблазнился декадентством, опустившись до клеветы своего народа. В других произведениях, — продолжал Ваянский, — хотя он с помощью юмора и сатиры и обличает всяческие нескладности жизни, все же очевидна добрая душа и благородное сердце автора, который ищет и находит в созданных им характерах человеческую душу, опечаленную и затуманенную мраком человеческого греха!». И далее: «Очень часто Чехов рисует больные стороны человеческой жизни, поступки и нравственные отклонения людей, оставаясь при этом всегда художником, знающим меру. При описании грешной любви, супружеской неверности его перо остается целомудренным, он никогда не опускается до порнографии, как это делают декаденты. Изображая русских “неудачников”, он всегда прибегает к светлой концовке. Интересна в этом

плане новелла “Дуэль”, одна из наиболее глубоких, в которой изображен образ нынешнего “неудачника” — Ивана Андреевича Лаевского. Это своего рода новоиспеченный Базаров. А само произведение — ярко и увлекательно. Оно еще не переведено на словацкий язык... Его юмор сердечен, незлобив, он невольно притягивает к себе, при этом не вызывая негодования»¹.

Таким образом, в некрологе Ваянского уже намечались определенные изменения в оценках творчества русского писателя, связанные с популярностью Чехова у словацкого читателя, а также с его восприятием русской критикой.

Однако полностью отказаться от своих прежних взглядов относительно творчества Чехова Ваянский не смог. Отсюда — непоследовательность, противоречивость его оценок и суждений. Так, комментируя новеллу «Мужики», он негодовал: «Это просто чистая клевета, самооплевывание, тенденциозное декадентство... то, что описывает Чехов с помощью слабого, ничего не выражающего действия и поверхностно изображаемых фигур, — это ад, хуже, чем ад. Это клевета на русскую деревню, а поскольку Русь состоит главным образом из множества деревень, стало быть, это клевета на Русь!.. Его произведение выглядит деревянным, бездушным, а ведь такой талант!»²

Во время своего пребывания в Вацове, перечитывая Чехова, размышляя над его творчеством, Ваянский одновременно работает над новеллой «Близнецы». В «Дневнике» он пишет, что его произведение не имеет ничего

¹ V. Anton Pavlovič Čechov // Národne noviny. 1904. Č. 87.

² Цит. по : Petrus P. Vacovský denník Sv. H. Vajanského // Slovenská literatúra. Roč.IX. 1962. Č. 3. S. 298.

общего с Чеховым и что один из его героев напоминает гоголевского Чичикова. Однако чеховское воздействие здесь весьма ощутимо — как в атмосфере произведения, его концепции, так и в плане эстетическом.

В свое время позиция Ваянского в отношении Чехова резко критиковалась представителями нового поколения литераторов, вошедшими в словацкую литературу в начале XX столетия. Так, М. Годжа в статье «Унижаем?» (журнал «Глас», 1904), полемизируя с Ваянским, с его представлениями о том, как надо изображать народ, призывал учиться этому у русских реалистов, в том числе у Чехова и Горького¹. О влиянии чеховского творчества на словацкую литературу упоминал и тогдашний критик Ф. Вотруба в статье «Из новейшей литературы» («Сборник произведений молодых писателей», 1909). В частности, анализируя раннюю поэзию известного словацкого поэта, прозаика, переводчика Я. Есенского, Вотруба обращал внимание на такую особенность его произведений как грустный настрой, выражение тайных страстей и желаний. Истоки этих настроений Вотруба видел во влиянии на Есенского русской литературы, с которой тот познакомился еще в детстве и интерес к которой усилился во время его пребывания в России в качестве военнопленного в период Первой мировой войны. При этом из русской литературы Есенский всегда отдавал предпочтение Гоголю и Чехову.

Таким образом, будучи русофилом, блестящим знатоком русской литературы, ее страстным поклонником и популяризатором Ваянский в меру своих сил и возможностей стремился объективно оценить ее достижения. Заботясь об авторитете России, в своих суждениях и оценках он нередко руководствовался тем, как будет воспринято творчество русских писателей на Западе, как будет выглядеть то или иное произведение в глазах зарубежных читателей. Отсюда — некоторые негативные суждения и оценки. Однако это нисколько не умаляет значимости его трудов, прозорливости его суждений.

В заключении следует отметить, что творчество Ваянского пользовалось в России большой популярностью. В общей сложности количество его произведений — поэтических, прозаических, литературно-критических — превышает 70. Из них более двух третей приходится на XIX век. Среди них — повесть «Летающие тени», которая переводилась трижды: в 1887 г. под названием «Летающие тени», в 1891 г. — ее перевод назывался «Мимолетные тени» и в 1953 г. — «Летающие тени». Поэма «Ирод» выходила четыре раза: дважды в 1892 г., в 1909 г. и в 1915 г. В 1988 г. в сборнике «Словацкая новелла XIX — начала XX века» был опубликован рассказ «Станные люди». Переводчиками произведений Ваянского на русский язык были известные поэты и переводчики: Ф.Ф. Тютчев, Н. Нович, Н. Аксаков, Н. Стефанович, А. Сиротинин и др.

¹ См. Pašteka J. Slovenská dramatika v epoche realizmu. Bratislava. 1990.

К. В. Лифанов

МГУ им. М.В. Ломоносова

СЛОВАЦКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

Период конца XIX — начала XX вв. является одним из наиболее значимых и одновременно драматических в истории словацкого литературного языка. Хорошо известно, что со второй половины XIX в. мадьяризация приобрела особенно агрессивный характер. Вследствие этого «резко возросло число жителей, которые указали своим родным языком венгерский: с неполных 27% до 49% городского населения (1880–1910 гг.). Численность словаков в городах хотя и возросла, но их доля в общей численности городского населения упала с 42% до 31%. ... Вследствие мадьяризации школьного образования и сферы управления общественная жизнь в большинстве городов приобрела венгерский характер» (История Словакии 2003). Существенно снизилось и количество людей, владевших словацким литературным языком. Как пишет Л. Дюрович, «мадьяризация имела очевидные успехи, словацкая интеллигенция уже насчитывала лишь сотни, если не десятки семей, а словацкий язык в Венгрии постепенно становился всего лишь этнографическим фактом» (Durovič 2007, 352).

Словацкий литературный язык, однако, оказался в сложнейшем положении не только вследствие мадьяризации. Он испытывал двойное давление: внешнее — со стороны венгерского языка и внутреннее — со стороны чешского. При этом внутреннее давление было не менее

опасным, поскольку оно затрагивало языковую структуру, приводя к ее изменению и даже началу разрушения. Этому способствовало также внутреннее развитие словацкого литературного языка. Как известно, как католики, так и евангелики в полной мере не были удовлетворены кодификацией Л. Штура, поэтому М. Гатталой был выработан компромиссный вариант, который устроил всех (за исключением старшего поколения евангеликов). Заслугой М. Гатталы явилось то, что его версия словацкого литературного языка смогла в языковом отношении объединить католиков и евангеликов и таким образом преодолеть языковое разделение словаков. Вместе с тем, вводя целый ряд форм, он сблизил словацкий литературный язык с бернолаковщиной и чешским литературным языком (см. Лифанов 2015, 341–343).

Изменения, внесенные М. Гатталой, имели для словацкого литературного языка серьезные последствия, поскольку это была не просто одномоментная ревизия кодификации. Они как бы задали «обратное» (регрессивное) направление развитию нового литературного языка, приобретшее характер тенденции, так как утрата им среднесловацких элементов продолжалась и в последующие десятилетия. В этом мы можем убедиться, сопоставив кодификацию М. Гатталы с вышедшими в 60-е годы XIX в. грамматиками Й. Викторина (Viktorin 1860)

и Ф. Мраза (Mráz 1864), которые широко использовались в редакторской и корректорской практике и таким образом оказывали существенное влияние на реальное функционирование словацкого литературного языка.

Так, Й. Викторин

- устраняет дублетность форм им. и вин. падежей ед. числа существительных среднего рода, представленную как в кодификации Л. Штура, так и М. Гатталы, сохраняя форму *umenie* и устраняя типичную среднесловацкую форму *umenia*;
- вводит дублетную форму им. и вин. падежей мн. числа существительных среднего рода с основой на функционально мягкий согласный с флексией *-o* (*srdco, vajco, ohništo*), ранее представленную лишь в кодификации А. Бернолака;
- допускает употребление форм 1 лица ед. числа сослагательного наклонения с формой *bych* (*viezol bych / viezol by som*).

Указанные нововведения, за исключением последнего, подтверждает и Ф. Мраз, который также включает в свою грамматику:

- деепричастия прошедшего времени (*súdiv, súdivši, súdivše*), ранее представленные лишь в кодификации А. Бернолака;
- формы род. падежа мн. числа существительных женского рода со вставным гласным *-e-* в позиции после функционально мягкого согласного (*vážek, spojek*; у Л. Штура, М. Гатталы и в грамматике Й. Викторина *vážok, spojok*);
- формы дат. и предл. падежей существительных женского и среднего рода с функционально мягким

согласным в конце основы соответственно с флексиями *-ám, -ách* (*ulicám, ulicách*), заменяя ими типичные среднесловацкие формы с дифтонгом (*uliciam, uliciach*) и т. д.

Тексты того времени демонстрируют еще большую близость к предшествовавшей письменной традиции ввиду того, что в них был представлен целый ряд некодифицированных форм или уже выведенных из кодификации современного словацкого литературного языка, сближавших его с литературным языком, кодифицированным А. Бернолаком и / или чешским литературным языком. К такого типа формам относятся:

- краткие страдательные причастия прежде всего среднего рода: *Keď po niekoľko rokoch jeho telo vykopano bolo, nachodeno bolo v neporušiteľnosti a preneseno do hroble kláštora Saarského, ktorého zakladateľom bol* (Sasinek 1869, 34);
- формы род. и дат. падежей ед. числа притяжательных прилагательных, образованные, как и в литературном языке, кодифицированном А. Бернолаком, по образцу иных прилагательных: *Boleslav ustanovil nad Slovenskom nazpak získaným Prokuja, nekďajšieho sedmohradského vojvodu, strýka a soka Štefanového* (у Л. Штура и в последующих кодификации и грамматиках *Štefanovho*)... (Sasinek 1869, 11);
- неопределенные местоимения с префиксоидом *nie-* / *ne-*, преимущественно употреблявшиеся в текстах третьей трети XIX в., хотя Л. Штур отдавал предпочтение неопределенным местоимениям с префиксоидом *da-*, и последующие грамматики кодифицировали оба варианта;
- формы им. и вин. падежей мн. числа существительных среднего рода

с кратким гласным во флексии и формы род. падежа мн. числа этих же существительных, а также существительных женского рода с нулевой флексией без продления корневого гласного: *Následkom toho Konrad zprevodil ho do Poľska, ktoré však podelil na tri kniežatstva* (кодиф. *kniežatstvá*), *učiniač Mečislava hlavním kniežatom* (Sasinek 1869, 15); *Tento ale odpovedal, že nepríme nepriateľa z rúk* (кодиф. *rúk*) *nepriateľa* (Sasinek 1869, 15) и др.

Таким образом, словацкий литературный язык к концу XIX в. отличался крайне неустойчивыми нормами и тенденцией «обратного» развития. Для изменения существующего положения необходима была его новая кодификация, которая и была осуществлена С. Цамбелом.

Изменения, внесенные С. Цамбелом в кодификацию литературного языка, были разного характера. Во-первых, он не кодифицирует ряд форм, включенных в грамматики Й. Викторина и Ф. Мраза: им. и вин. падежей среднего рода с флексией *-o* (*srdco*), 1 лица ед. числа сослагательного наклонения *bych*. При этом, однако, он оставляет в литературном языке только представленные в названных грамматиках формы существительных среднего рода им. и вин. падежей ед. числа типа *imenie* и мн. числа типа *polia*, которые в грамматиках Л. Штура и М. Гатталы имели дублиеты. В ряде случаев он возвращает в кодификацию штуровские формы, однако далеко не во всем следует за Л. Штуром. Так, например, вновь литературными становятся формы род. падежа мн. числа существительных женского и среднего рода со вставным гласным *-á-* (*perla* — *perál*, *jedlo* — *jedál*) или причастий на *-l* женского и среднего рода, а также мн. числа с долгим

гласным в основе типа *niesla*, *nieslo*, *niesli*, *niesly*. Однако он не возвращает формы с дифтонгами в парадигмы склонения прилагательных, сохраняя таким образом различия между твердой и мягкой разновидностями склонения. Цамбел не стремится отдалить словацкий литературный язык от чешского, о чем свидетельствует, например, сохранение им в кодификации деепричастий прошедшего времени, форм твор. падежа мн. числа существительных мужского и среднего рода с флексией *-y / -i* или род. падежа мн. числа типа *biskupství*, однако, как показывает дальнейшее развитие словацкого литературного языка, после кодификации С. Цамбела изменились тенденции его развития, и на системном уровне оно стало характеризоваться ярко выраженной дивергенцией по отношению к чешскому литературному языку. Так, в XX в. в грамматике словацкого литературного языка происходят следующие процессы, отделившие его от чешского литературного языка:

- утратились краткие страдательные причастия;
- утратились деепричастия прошедшего времени;
- была выведена из литературного языка флексия твор. падежа мн. числа существительных мужского и среднего рода *-y / -i*;
- формы род. падежа мн. числа существительных среднего рода типа *biskupství* были заменены формами типа *biskupstiev*;
- все прилагательные с основой на *n* перешли в твердую разновидность склонения (*počnǐ, počǐnia, počǐnie > počný, počná, počné*);
- закрепились в литературном языке неопределенные местоимения с префиксидами *da-* и *voľa-*;

- поэтапно вытесняются деминутивы на -ček деминутивами на -čík;
- существенно сузился объем словообразовательной модели отглагольных прилагательных на -lý, поскольку значительная часть этих прилагательных стала образовываться иначе (*pristáhovalý* > *pristáhovanyý*, *ospalý* > *ospanlivý*);
- происходил процесс вытеснения наречий с суффиксом -e наречиями с суффиксом -o (*rychle* > *rýchlo*);
- *nomina loci* с суффиксом -ište вытеснялись наименованиями с суффиксом -isko (*bojište* > *bojisko*) и др.

Безусловно, между чешским и словацким языками имели место и процессы конвергентного характера, как, например, сокращение количества форм род. падежа мн. числа существительных женского и среднего рода, образуемых при помощи вставного гласного -á-, однако удельный вес этих процессов несравнимо ниже, чем дивергентных.

В последующем процессе дивергенции оказались задействованы также

синтаксический и особенно лексический уровни словацкого литературного языка. Это было связано с тем, что С. Цамбел впервые в истории нового словацкого литературного языка поднимает вопрос о его лексическом составе, который ранее оставался практически вне поля зрения кодификаторов, и выдвинул задачи, которые следует решать словацким лингвистам, а именно: необходимо осуществить дебогемизацию словарного состава словацкого литературного языка, которая заключалась бы в замене всех слов и выражений, которые можно заменить. Те же слова, которые заменить невозможно, например абстрактные понятия церковного языка, должны обрести словацкую оболочку и остаться его достоянием.

Последующее развитие лексического состава словацкого литературного языка происходило именно таким образом, в результате чего множество общих с чешским языком лексем основного словарного состава оказалось за его пределами (см. Лифанов 2005).

ЛИТЕРАТУРА

- История Словакии. М., 2003. http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/1036238/Istoriya_Slovakii.html, доступ 29.05.2016
- Лифанов К. В. Вытеснение богемизмов из лексического состава словацкого литературного языка с конца XIX в. // *Die Welt der Slaven, Jahrgang L*, 1. S. 71–82.
- Лифанов К. В. Кодификация С. Цамбела как рубеж в развитии словацкого литературного языка // *Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности*. Книга II. М., 2015. С. 338–353.
- Rukoväť spisovnej reči slovenskej. Turčiansky sv. Martin, 1902.
- Ďurovič L. Dvojáka projekcia diela Sama Czambela // *Slovenská reč* 72, 2007, č. 6. S. 344–354.
- Mráz F. Slovenská mluvnica pre gymnasia, reálky, praeparandie, vyššie oddelenia hlavných škôl. Vo Viedni, 1864.
- Sasínek F. V. Dejiny kralovstva Uhorského. Diel 1. Banská Bystrica, 1869.
- Viktorin J. K. Grammatik der slovakischen Sprache. Pest, 1860.

Э. Бртанева

*Институт словацкой литературы
САН (Братислава)*

СВЕТОЗАР ГУРБАН-ВАЯНСКИЙ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

К размышлениям о историко-литературном наследии Светозара Гурбана-Ваянского меня побудило то, что в словацком литературоведении уже длительное время отсутствует стремление написать «Большую историю» словацкой литературы. Я имею в виду синтезирующий историко-литературный труд, в котором были бы широко представлены результаты новейших исследований в сочетании с глубоким погружением в проблематику, сопоставимым с тем, что представлен в так называемой академической пятитомной «Истории словацкой литературы» (1958–1984). Последняя из опубликованных работ такого рода, двухтомная «История словацкой литературы I, II» (2009, руководитель авторского коллектива — Имрих Седлак), созданная при сотрудничестве «Литературно-информационного центра» в Братиславе с Матицей Словацкой в г. Мартин, такими качествами отнюдь не отличается. В кулуарных беседах в ее адрес звучали многочисленные критические замечания, однако опубликованы были лишь те из них, что касались отражения литературы XX в. за исключением периода реализма (Д. Гучкова). Принципиальные возражения против концепции проекта в целом высказал Владимир Барборик. Он указал, прежде

всего, на жанровую и функциональную диспропорцию в «Истории» Седлака, которая стала результатом сочетания кратких «процессуальных» статей по отдельным этапам данного периода с галереей «медальонов» конкретных писателей: эти портреты относятся не только к рассматриваемому периоду, что представляется проблематичным. Дискуссия по проекту подтвердила тот факт, что успех коллективной «Истории» обусловлен единством методологии, согласованностью понятийного аппарата и авторских стилей. Создание «большой Истории» все еще остается задачей, которая стоит перед словацкими литературоведами.

Хотя Ваянский не принимал участия в труде такого рода и затрагивал данную проблематику в своих рецензиях и заметках лишь как публицист, его оценки заслуживают внимания, поскольку они находились в русле важного этапа в развитии словацкой литературной историографии, представленного синтезирующими историко-литературными трудами Ярослава Влчека. В своем кратком обзоре историко-литературных работ Ваянского я основываюсь на текстах, которые он публиковал в периодических изданиях «Народне новины» и «Словенске погляды». В 1950-е годы Андрей Мраз

собрал их и включил в антологию «Статьи о словацкой литературе» (1956). Во вводной статье к книге Мраз с уважением говорит об основательности литературоведческих суждений Ваянского и утверждает: «Нет, работы Ваянского, посвященные литературе, вовсе не “сухая ветвь” на древе сегодняшней нашей словацкой культуры».

В своей публицистике Ваянский напрямую связывает литературу с народом, считая ее проявлением жизнеспособности нации: «Без литературы любой народ мертв и духовно слеп». Национальную литературу он трактует не как простую совокупность литературных текстов, а как «сумму идей и форм», рождаемых народом и воспринимаемых национальным сообществом: «История литературы — это не перечень книг и имен, не статистика изданных работ, это сумма идей и форм, самостоятельно из народа возросших, народом принятых и одобренных. Произведение, лишенное этих атрибутов, подобно мертворожденному ребенку». Именно национальное самосознание является тем элементом, который дает толчок и опору для развития литературы: «Развитию культуры и литературы препятствует отсутствие национального сознания».

Успешное развитие словацкой литературы с точки зрения ее художественного, эстетического качества Ваянский связывает с наличием «действенной и сильной» критики: «Если литература не располагает критикой, на высоком уровне пребывающей, можно с уверенностью утверждать, что даже лучшие ее произведения являются посредственными». В качестве примера облагораживающего влияния критики на

творчество писателей Ваянский приводит высказывания Белинского о произведениях Пушкина и Гоголя. Однако схожих образцов конструктивной критики в Словакии он не находит: «У нас до сих пор господствует какое-то предубеждение относительно критических занятий. Скорее можно получить стишок или, что еще чаще, пьесу от молодого поколения нашего, но критики никто из них не напишет».

Публицистика Ваянского, касающаяся вопросов литературы, была нацелена на оба ее аспекта — литературную критику и историю литературы. Как я уже отметила, мое внимание будет сосредоточено только на рассуждениях Ваянского относительно истории литературы. Поэтому более подробно я останавлиюсь на его рецензиях историко-литературных работ Ярослава Влчека.

Между Влчеком и Ваянским со временем возникли крепкие дружеские отношения, о чем свидетельствует их переписка. Однако дружба укреплялась и тесным сотрудничеством. Когда Ваянский вместе с Йозефом Шкультеты взялся за редактирование «Словенских поглядов», он обратился за помощью к Влчеку, веря в его способности: «Мы просим Вас о сотрудничестве. Было бы жаль остаться без Вашего талантливой пера». Влчек потом регулярно посылал в журнал свои работы. Со своей стороны, Ваянский помог ему в поиске источников — фактического материала и исследований — к его «Истории литературы словацкой» (1890). Кроме того, он оказал ему моральную поддержку, когда после критических высказываний в его адрес филолога Само Цамбела и поэта Тихомира Милкина он хотел было отказаться от дальнейшей рабо-

ты над этим трудом. Суть претензий Цамбела заключалась в том, что оценка Влчком добернолаковского периода была, по его мнению, неполной (не учитывались некоторые источники), поверхностной и комплиментарной. Схожие критические замечания высказывал и Тихомир Милкин в своих статьях, одна из которых вышла под псевдонимом Ян Дятель («Католицке новины», 1890, № 16, 20 и 21). Ваянский встал на сторону Влчека и убеждал его проявить хладнокровие и продолжить работу над «Историией»: «Единственный способ защиты для Тебя — триумфально завершить свой труд и все, что было недоработано, добавить в конце». Однако Влчек не мог недооценивать мнения католических интеллектуалов, группировавшихся вокруг журнала «Казательня» и его литературного приложения «Литерарне листы», в чем также проявлялась его основательность и честность, поскольку он считал их отражением объективных взглядов: «Ты мне друг, приятель, да и другие, кто схоже обо мне судит, — тоже мне друзья. Мнение ваше не может быть объективно хотя бы потому, что вы питаете ко мне личную симпатию. Важно то, что скажут дальние, а они говорят ясно». О близких отношениях с Ваянским свидетельствует и напоминание Влчека о том, чтобы тот при своей напряженной работе находил время и для отдыха: «Теперь же оставь на время все дела, не переусердствуй в работе, ты ведь не богатырь!»

Когда Влчек издал свой первый синтезирующий труд «Литература в Словакии. Возникновение, развитие, значение и достижения. К истории письменности чехословацкой» (1881), Ваянский

откликнулся на него довольно подробной рецензией. В ней он характеризует эту работу как значительное событие в словацкой культуре, как первый «систематический труд о словацкой литературной деятельности» и «первую самостоятельную и выдающуюся картину словацкой письменности» с конца XVIII в. («с поры Антона Бернолака»). Научный систематизм работ Влчека до сих пор признается образцовым во всех обзорах, посвященных трудам по истории словацкой литературы.

К числу сильных сторон труда Ваянский относит критический подход Влчека к материалу, выразившийся в применении эстетического критерия при выборе и оценке художественных произведений: «Он первый бросает критический взгляд на словацкую литературу, используя и более раннюю критику в отношении отдельных ее образцов. В целом его критические оценки отличаются строгостью и крайней нелицеприятностью. Он подходит к словацкой литературе преимущественно с меркой художественного идеала». В то же время Ваянский задается вопросом: можно ли при рассмотрении произведений словацкой литературы руководствоваться столь «высокими, эксклюзивными критериями», ведь многие произведения возникали в связи с национальными потребностями, а не были плодами чисто творческого акта.

Несмотря на общую положительную оценку книги, Ваянский высказывает и ряд замечаний, в частности, по поводу уже упоминавшегося критицизма в отношении художественного уровня некоторых произведений, библиографических недочетов и разного

рода биографических неточностей. Возражения вызвало у него и название книги — «Литература в Словакии», которое он счел ненаучным и не отвечающим самому содержанию работы («не соответствует научности и даже содержанию книги»), поскольку автор не ставит целью представить всю совокупность произведений, которые возникли и были изданы на территории Словакии. Он ставит Влчеку в упрек и то, что письменность раннего периода он не рассматривает, считая ее не вполне словацкой. Иными словами, в своей периодизации словацкой художественной литературы Влчек не учитывал ранние произведения, написанные на латыни, немецком и венгерском языках, а в качестве первого этапа ее развития обозначил отрезок с 1783 по 1844 гг. Это стало следствием реализованных Влчком языковых и эстетических критериев отбора, в результате чего вне его рассмотрения остались написанные по-чешски произведения К. Кузмани, К. Штура, С. Годры, С. Халупки, М.М. Годжи, С.Б. Гробоня и Й.М. Гурбана.

Написание историко-литературных работ о словацкой литературе Ваянский напрямую связывает с изучением истории словацкой нации: «Историю словацкой литературы прежних лет невозможно писать без учета одновременно имевшей место истории словацкого страдания. (...) Суждения о словацкой литературе с чисто художественной точки зрения могут быть и справедливы, однако далеки от правды». Исторический контекст, по его мнению, является необходимым для объективного толкования произведений с учетом специфики словацких

реалий. Отражение этой специфики Ваянский видит и в том, что даже в период расцвета словацкой литературы не было не только профессиональных писателей, но и зрелой читательской среды, традиционной, например, для западноевропейских стран.

Ваянский указывает еще на одну специфическую черту словацкой литературы — идеализм, у которого были не только немецкие образцы, но и более глубокие корни: «Словацкий идеализм коренится в более глубокой почве, чем только в науке, перенятой в немецких университетах, напротив, он возник совершенно оправданно». Ваянский видит эти корни в христианстве, влияние которого для славянства имеет животворящую силу. Присутствием христианского идеализма в словацких литературных произведениях он объясняет и особенности их поэтики, включающей интимные любовные сцены и описание нагого женского тела, столь обыденные в западной европейской литературе: «Томное возлежание на мягких подушках, наслаждение видом обнаженного женского тела, столь горячо внушаемые и воспеваемые поэтами, достигшими “заоблачных высот”, не освободили еще ни один народ из-под ярма, не вдохновили ни одного юнака к труду и сражениям».

В контексте европейского литературного развития он воспринимает словацкую, как и чешскую литературу как литературу второстепенного («провинциального») значения, не оказавшую существенного влияния на развитие мировой литературы, в отличие от крупных славянских литератур — русской и польской: «Ни у чехов, ни у словаков нет своего Пушки-

на, Мицкевича, Гоголя, Гончарова. Их литературы имеют совершенно узкое провинциальное значение и до сего дня остаются незаметными для остального мира, и в этом судьбы их пока схожи». По мнению Ваянского, заслуга Влчека состояла не только в его попытке создания синтезирующего труда, но и в том, что с него началась дискуссия по вопросам истории словацкой литературы. Когда восемь лет спустя вышла в свет вторая историко-литературная работа Влчека, «История литературы словацкой» (1889), Ваянский откликнулся и на нее. Исторический охват этой книги был уже намного шире, и благодаря ней «словацкий язык окончательно утвердился в качестве языка словацкой науки о литературе».

По поводу «Истории» Ваянский, который имел возможность ознакомиться с ее рукописью еще в типографии г. Мартина, в первый раз высказался в краткой заметке, опубликованной в «Народних новинах» (1889), высоко оценив ее научную актуальность и читательскую привлекательность: «Помимо того, что в научном плане данный труд соответствует уровню современной науки и может смело встать в один ряд с историко-литературными работами любого французского или немецкого автора, он еще и легко читается, пробуждает и подогревает к себе интерес, избегает излишних сложностей и неясностей, нередко присущих ученым книгам».

После выхода в свет «Истории» Влчека Ваянский опубликовал в «Народних новинах» рецензию на этот труд, в начале которой отметил, что написание историко-литературного исследования по словацкой литературе — дело

намного более трудное по сравнению с аналогичными работами по другим европейским литературам. По его словам, словацкий историк литературы должен решать целый ряд задач, начиная с языка, диалекта и правописания и до вопросов эвристических, литературно-критических и теоретических, поскольку они не были рассмотрены прежде в форме критического анализа или исследования, к тому же он не располагает даже хорошо укомплектованной библиотекой и иным вспомогательным аппаратом: «Для того, чтобы историк мог сосредоточиться на систематизации больших и малых литературных фактов, ему необходимо понять и объяснить значение литературных направлений и школ. Историк словацкой литературы нужно помимо этого вдохнуть жизнь в омертвевшую массу, бороться с проблемами языка, диалектов, правописания, форм, он должен непосредственно сам открывать писателей и их произведения, поскольку до него не было критики, исследований, которые помогали бы ему. Словацкий историк должен сам вырабатывать план, сам строить и вымерять, сам себе кирпичи подавать. Ему не падают в руки полные фундаментальные библиотеки, пособия и советы других».

Ваянский высоко оценивает более правильное, по сравнению с предыдущим трудом Влчека, понимание предмета словацкой литературы, поскольку в свою «Историю» ученый постарался включить все литературные тексты, созданные на территории Словакии и даже за ее границами, которые касаются Словакии и словаков: «Одним словом, он встал на позицию чисто словацкого литератора, историка, по-

казывающего верную и полную картину духовной, литературной жизни рода и нации словацкой. Без этого общего понимания его «История» была бы неполной и ущербной, а сейчас она представляет собой единое целое, труд, который, как мы полагаем, окажет большое влияние на наш духовный мир».

В своей рецензии Ваянский подчеркивает высокую культуру языка историко-литературного труда Влчека, о которой он писал первоначально уже в заметке в «Народних новинах». С точки зрения жанра он оценивает книгу не только как научный труд, но и как результат художественного творчества, поскольку в лице историка литературы, по его убеждению, ученый должен соединяться с художником. Поэтому «История» должна не просто представить фактографический материал и критическую оценку отдельных произведений, а также значение творческих личностей, но сделать это надо в привлекательной для читателей форме: «История литературы имеет много общего с историей искусства. Она не должна быть пустым отголоском и зеркалом фактов или только критическим вердиктом относительно ценности отдельных произведений и значения отдельных творческих индивидуальностей, напротив, она должна быть до известной меры продуктом творчества, сама по себе должна быть художественным произведением, чтобы красиво и правдиво представить свой предмет, наглядно показать его читателям».

Затрагивая вопрос периодизации, Ваянский согласился с подходом Влчека, который не стал углубляться в дохристианский период, а потому «не придумывал и не фантазировал». Однако

он не одобрил того, что Влчек уделил мало внимания периоду господства в литературе латыни и высказал мнение, что произведения, написанные на латыни, относятся к словацкой литературе в большей мере, чем неудачные сочинения на родном языке: «к литературе относится все достойное, что дух народный вынес на свет из недр народа и закрепил словами, и точно так же — многое не может быть частью литературы, хоть было написано и напечатано на языке национальном».

В целом же он одобрил принципы периодизации Влчека. И прежде всего то, что автор не расчленил историю литературы на «так называемые эпохи» и не применил в отношении нее традиционное членение истории на большие хронологические отрезки, такие, как средневековье и новое время, которое представляется Ваянскому устаревшим, и то, что он не делил главы по жанрам, а уделял основное внимание поступательному развитию словацкой литературы: «Что касается построения, мы рады, что автор не втискивал явления литературы в рамки так называемых эпох. Крупнейшие историки вообще уже отошли от подобного устаревшего членения истории. Известны доводы Данилевского, говорившего, что даже мировую историю невозможно однозначно разделить, например, на эпоху средневековья и нового времени. Это признает сегодня каждый интеллигентный современный писатель. Сошлюсь на Ранке... Правильно и то, что он не стал делить главы на литературные жанры — эпiku, лирику и т. д. Показывая целостную, богатую картину постепенного развития словацкой литературы, он соответствует совре-

менным требованиям историографа литературы».

В качестве иллюстрации приведу периодизацию словацкой литературы раннего периода, которой Влчек посвятил первые три главы из семи. Деление их на подпериоды позволяет проследить изменение акцентов на тот или иной аспект — литературный жанр, язык, конфессия, авторский субъект, конкретное столетие выступают уже только как связующее звено, а не определяющий фактор:

Глава первая. Конец времен язычества и господство латыни

- Напевы и обрядовые песни. Местное краевое установление. Латынь.
- Первая колонизация гуситская в пятнадцатом веке

Глава вторая. Гуситство и протестантизм

- Чешский язык в Словакии. Школы шестнадцатого века. Ян Силван
- Век семнадцатый: Лани, Бенедикти из Недожиер, Трановский, Пиларик, Горчичка, Беницкий
- Восемнадцатый век: Крман, Бел, Грушкович, Якобеи, Долежал

Глава третья. Начало самостоятельной литературы словацкой

- Католическая литература трнавская. Гавлович. Бернолак и его школа
- Йозефинская литература евангелическая. Евангелики. Таблиц и Палкович
- Коллар и Шафарик
- Голлы
- Ян Халупка. Кузмани. С. Годра

К вопросу периодизации в «Истории» Влчека Ваянский обращается

вновь в «Народних новинах» (1890), где более подробно пишет о «прагматическо-генетическом подходе» автора к проблематике и указывает на требования, предъявляемые к профессиональной подготовке исследователя при выборе этого прогрессивного для того времени научного метода: «Научные знания, цитаты, изучение фактов, старательность, тщательность при отборе и обработке материала — все это остается за кулисами, на листках, в выписках, в штудировании фолиантов, пролистываемых порой ради одной маленькой искорки, которая помогает озарить целое, и это разумно: мы ведь хотим видеть не хлам и оборотную сторону кулис, а готовую картину, готовую перспективу. Нам нужна история идей, а не номенклатура, духовное содержание, а не масса букв».

При разработке концепции «Истории» Влчек ориентировался на зарубежные историко-литературные труды. Имена своих «недостижимых образцов» он раскрывает в письме Ваянскому, в котором благодарил его за высокую оценку своей книги. Ваянский в упомянутой выше рецензии указывал только на Томаса Бабингтона Маколея, но не отгадал имен Германа Теодора Геттнера и Ипполита Тэна: «Далеко, далеко книжке моей до образцов, которыми восхищался я долгие годы! (Маколея ты угадал, но вместо Ранке это был немец Геттнер и француз Тэн). Дотянуться до них — тяжелая задача, для этого и таланта недостаточно, и материал, видимо, не очень подходящий. Боюсь, что слишком благосклонная оценка моего труда вызовет большие ожидания — и последует разочарование!»

Свои рассуждения о методе историко-литературного исследования в труде Влчека Ваянский завершает словами о том, что Влчек первым представил «целостную и притом верную» картину словацкой литературы «в эстетической форме, написанную стилем прекрасным и понятным».

Спустя более чем двадцать лет после выхода «Истории», в статье 1912 г. «Созвездие трех (Заборский, Халупка, Лихард)» Ваянский высказывает похвалу глубокой работе Ярослава Влчека о недостаточно оцененном Йонаше Заборском и вспоминает об «Истории» с ностальгией, как о «почти заглохшем роднике»: «Классическую литерату-

ру Влчека уже не достать, и нигде нет и намека на намерение создать новое историко-литературное исследование. Для этого были бы нужны новые молодые силы, ум ясный, незамутненный ветреными предрассудками и сухим доктринерством, судящим *a posteriori*!» Разумеется, тем самым он не высказывал сомнения в достоинствах труда Влчека, а напоминал молодому поколению о том, что пора написать новую историю литературы.

Видение Ваянским истории словацкой литературы актуально и сегодня; оно даже может служить основой для ее новых, обновленных или хотя бы традиционных концепций.

Перевод Людмилы Широковой

М. Браксаторис и М. Ондрейчик
МГУ им. М.В. Ломоносова
РУДН

ВАЛАШСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОМ ВРЕМЕНИ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СЛОВАЦКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Слово «валах» (влах, волох) — германского происхождения; его первичное значение было галл, а позже — романизированный кельт, римлянин, иностранец. Сербь первоначально называли влахами не только румынских пастухов, но и романских горожан, итальянцев; в польском языке слово «Włochy» имеет значение «Италия», а для обозначения северной Италии выражение «Влахи» зафиксировано и в «Житии Мефодия». Однако это слово постепенно приобрело значение этнонима, распространяющегося на романское население Балканского полуострова, которого оно затем лишилось в последующих периодах, связанных с миграцией, прежде всего, в славянскую этническую среду. Так как валахам был свойственен определенный образ жизни и обеспечения средств к существованию, их обозначение постепенно приобрело и другие смыслы. Валахи вели полукочевую жизнь, основанную на трансгуманции (отгонное животноводство; регулярный перегон стад между низменными и горными областями), во время их миграции к ним присоединялись и другие этнические группы, включая русинов, украинцев, поляков и словаков).

Термин «валашское право» (см. ниже) не имеет этнического значе-

ния, а обозначает признанные права и привилегии, связанные с пастушеством, скотоводством и охраной дорог и границ. Однако в верхне-венгерских областях (в Словакии) каждый валах (первоначально румын) был пастухом, исповедовал православную веру, и на него распространялось действие валашского права; вследствие этого наименование «валах» стало названием как для пастуха, так и для члена валашской общины и православного христианина; речь при этом могла идти о лицах словацкой, русинской, а также польской, чешской, немецкой, цыганской и другой этнической принадлежности. Миграция валахов на север от Балканского полуострова сопровождалась постепенной потерей ими собственной этничности, формированием различных смешанных языковых и этнических идентичностей и их позднейшей ассимиляцией. Валахи перенимали язык и этническую идентичность народов, с которыми они смешивались, при этом оставляя в языках и культурах этих народов явные следы. Чем западнее и севернее продвигалась колонизация, тем больше она утрачивала романский характер, и в ней начинало преобладать присутствие славянских народов. Венгерские документы того

времени говорят о валахах-русинах, позже только о русинах, поэтому можно говорить о русино-валашской колонизации. Термин «Ruthenus» в Венгрии часто взаимно заменяется термином «Valachus» как синонимом, хотя в это время на основании валашского права венгерские территории заселялись прежде всего смешанным русино-румынским населением. Валашское право при этом было доступно практически каждому, кто хотел ему подчиниться и чьим потребностям оно соответствовало, независимо от того, был ли это румын, русин или колонист другой национальности; сами колонисты стремились подчиниться этому праву ради преимуществ, которые оно предоставляло в сравнении с положением обычных крестьян. В современном словацком языке слово «valach» имеет значение «пастух овец» или «помощник главного пастуха», вне зависимости от этнической принадлежности. Следовательно, наименование «валах» не является в Карпатах подтверждением румынской национальности, как и на Балканах, где этим словом обозначали не только разные национальности (сербы так называли румын, хорваты так называли сербов), но слово «валах» приобретало значения, связанные со способом добывания средств к существованию и положением, независимым от национальной принадлежности. Так как этнические валахи исконно занимались почти исключительно ското-

водством, сербы начали этим словом называть пастухов; далее значение слова расширилось на земледельцев, а позже включило селян в противопоставлении к горожанам. Валашская идентичность была в Венгрии и на Балканах связана с христианством и православием; балканские католики словом «валах» называли православных сербов, а в северной Венгрии (в Словакии) так называли православных русинов. При этом валашская колонизация дала новый импульс для православия в Венгрии и для обновления значительно ослабленной и маргинализированной кирилло-мефодиевской традиции, существовавшей в то время уже лишь в некоем подобии религии бедных, без поддержки в правящих слоях.

Если валахи, мигрирующие на север и на запад (на Украину, в Польшу, в Словакию и в Моравию), постепенно теряли свою лингвоэтническую идентичность, балканские валахи в значительной мере сохраняют наречия восточно-романского характера. В юго-восточной Европе с валашскими предками соотносит себя дакороманская идентичность (23 664 640 человек в Румынии, Молдавии, Украине, Сербии, Венгрии и Болгарии), арумынская или цинцарская (500 000 человек в Греции, Албании, Румынии, Македонии, Болгарии и Сербии), мегленорумынская (5 000 человек в Греции и Македонии) и истрорумынская (1 200 человек на полуострове Истрия в современной Хорватии).

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВАЛАХОВ

Происхождение валахов связано с этногенезом румын. В этом вопросе существенна гипотетическая линия

Иречека, согласно которой Балканы распадаются на северную часть с доминирующим латинским влиянием и на

южную часть с доминирующим греческим влиянием. Таким образом, валахи, происходящие с территории на север от линии Иречека, считаются румынами, а валахи, происхождение которых локализуется к югу от линии, — арумынами; т. е. валахи находились как к северу,

так и к югу от линии. В вопросе этногенеза румын существуют две главные теории. Первая из них называется теорией континуитета дако-римлян, а вторая — миграционной теорией. Кроме этих теорий существуют и другие объяснения происхождения валахов.

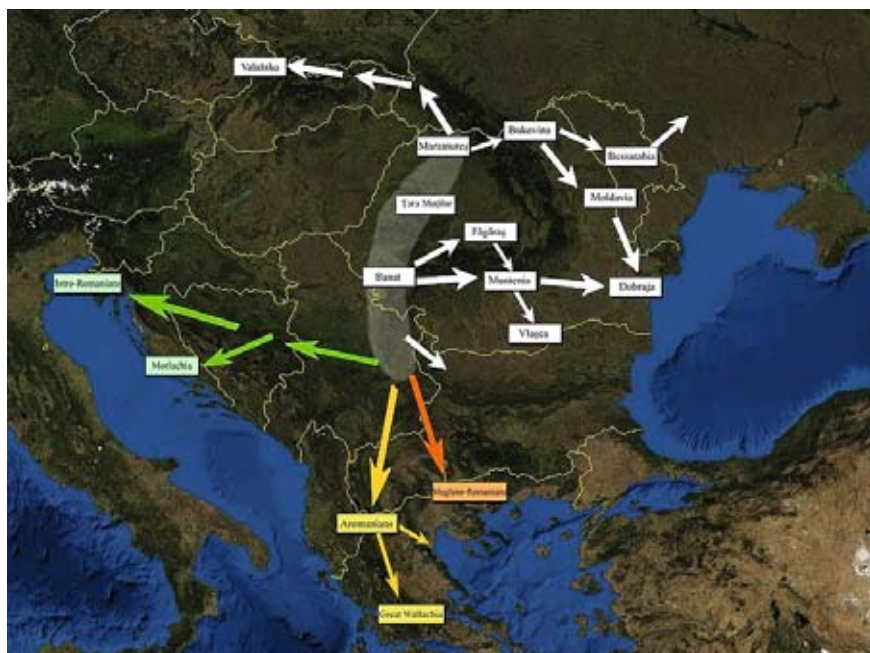
ТЕОРИЯ КОНТИНУИТЕТА ДАКО-РИМЛЯН

Согласно этой теории валахи на территории Румынии являются автохтонным населением, сформировавшимся в результате смешения коренного дакийского населения с римскими колонистами. В начале II века н. э. римские легионеры заняли населенную даками низменность в нижнем течении Дуная, ограниченную Южными Карпатами, находящуюся на территории современной Румынии; это заставило даков отступить в малодоступные горы. В горных долинах они основывали небольшие поселения, кормились содержанием овец и производством изделий из шерсти, кожи и овечьего молока. После того, как римляне в конце III века ушли из этой области, она стала целью атак со стороны гуннов, аваров и германских племен. Поэтому у пастухов, изолированных в высокогорьях, не было причин возвращаться на плодородные низменности, наоборот — их количество в горных областях возрастало. В отношении народов, покоренных римлянами, прижилось обозначение «влахи», «валахи», которое позже вобрало в себя другие значения и им стали называть горных пастухов. О дакийском происхождении валахов свидетельствует и лексика, которую принято считать дакийским субстратом; дакийское происхождение

релевантного количества слов можно констатировать и для множества лексических единиц, общих для румынского и албанского языков, для которого приходится предполагать иллирийское происхождение. Для значительного числа единиц упомянутой субстратной лексики характерны сатемные рефлекс-ы праиндоевропейских велярных. При этом существует мнение, что дако-фракийские и иллирийские наречия представляли собой самостоятельную ветвь индоевропейского языка и отличались примерно в такой же степени, как чешский от словацкого или испанский от португальского.

К сторонникам гипотезы о том, что румыны — это автохтонное население Румынии и Семиградья, потомки дакийских колонистов, относился румынский лингвист, историк, поэт и представитель национального возрождения Георге Шинкай. Шведский лингвист и историк Ганс Эрх Тунманн, относящийся к протагонистам идеи фракийско-иллирийского единства, выдвинул на основе лингвистических аргументов теорию о древнем фракийском происхождении валахов, причем обширность горных областей была для него аргументом в пользу возможности выживания преддунайских валахов.

Одну из версий теории наглядно представляет следующая карта:

МИГРАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ

В соответствии с этой теорией после покорения Дакии Траяном коренное население было истреблено (Аврелианом после 271 н. э.) и, соответственно, не могло быть в период римской колонизации (106–271 н. э.) романизировано, а впоследствии стать основой для продолжавшего существовать этноса. Бенедек Янчо критикует теорию континуитета дако-римлян, причем он утверждает, что она возникла при дворе этнического румына Маттиаша (Матяя) Корвина в кругу гуманистов в окружении корвинского историка Бонфиния, который был этническим итальянцем. Мнимая предвзятость теории континуитета аргументируется политической

борьбой румын за получение равноправия и сводится к политическим аспектам этой теории. Австрийский историк и романист Франц Иосиф Зульцер выступил с теорией о том, что румыны в Семиградье, Валахии и Молдавии не являются коренным населением, а переселились сюда с Балканского полуострова. В защиту этой теории он приводит аргументы о смешанном характере румынского языка (включая сходство с албанским), свидетельства об истреблении коренного населения со стороны Аврелиана после 271 н. э., отсутствие исторических подтверждений дальнейшего существования этого населения вплоть до времени первых исторических известий о ру-

мынах в Семиградье, систематические атаки варварских племен на эту территорию в течение 700 лет и отсутствие значительных языковых следов контактов с ними или исторических упоминаний, свидетельствующих о контакте с ними и т. п. Миграционную теорию наиболее полно развил австрийский историк

и географ Эдуард Роберт Рёслер. Следует заметить, что упоминаемая теория возникла во время борьбы румын за защиту своих прав на Семиградье и ее политической целью было доказательство отсутствия исторических прав румын на эту территорию со стороны австрийских и венгерских элит.

Один из вариантов упоминаемой теории наглядно отражает следующая карта:

ЛАТИНИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Латинистическая теория предполагает, что валахи преимущественно являются потомками римских колонистов, лишь в незначительной степени смешавшихся с остатками дако-фракийского, позже германского и славянского населения, на язык и культуру которых наслоились дако-фракийские, византийско-греческие и южнославянские элементы и влияния. В пользу этой теории говорит тот факт, что румынский язык сохранил свой романский характер даже в условиях изоляции от других романских языков, а также то обстоятельство, что большая часть дако-фракийского населения была в начале II века уничтожена римлянами. О римском происхождении румын

упоминал уже Лаурентиус Топпелъти-нус и Димитрий Кантемир. В чистом виде теорию развил Аугуст Требониу Лауриан, который свою румынскую историю начинает от основания Рима в 753 г. до н. э., а румын считает прямыми преемниками римлян. Для «преемственности» он поддерживал очищение румынского языка от нелатинских элементов. Указанная пуристическая теория, естественно, не подходит для объяснения характера валашских влияний в словацком пространстве, о чем свидетельствует и тот факт, что валашская лексика, воспринятая словацким языком (так называемые лексические карпатизмы), как правило, не имеет латинского происхождения.

ПОЗИЦИЯ АВТОРОВ

После истребления даков на территории римской Дакии осталась так называемая Сводная Дакия, куда бежали те даки, которые не подверглись истреблению. Этнически дакийские территории были шире, чем Римская Дакия, причем племена предполагаемой дакийской принадлежности включали, например, карпов и косто-боков. Позже можно предположить их отступление под давлением языческих племен с гор северо-восточной (свободной) Дакии на территорию бывшей Римской Дакии или окончательное принятие образа жизни в горах. Правдоподобно, что расселение или влияние, связанное с торговыми отношениями после истребления даков в 271 году, способствовали сохранению предполагаемого дакийского

субстрата в румынском языке. Авторы доклада склоняются к теории континуитета дако-римлян с учетом процесса влияния горных даков из свободной Дакии на потомков римских колонистов после 271 года. В данном периоде возможны более интенсивные связи и смешивание потомков римлян с даками. Примечательно, что значительная часть румынских лексических единиц с предполагаемым дакийским происхождением связана с жизнью в горах, пастушеством, кочевым образом жизни и торговлей предметами первой необходимости. Кажется, что членение территории Дакии на северо-восточную (свободную) и юго-западную (римскую) части имеет особое значение для этногенеза валахов (румын).

ВАЛАШСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ

«Валашская колонизация» — это термин, которым называют заселение земель Карпатской дуги, включая Словакию, которое проходило в XIII — XVII веках на основе валашского права. Как известно, валахи располагали в Польше, Словакии и Моравии определенной автономией, пределы которой на разных территориях значительно отличались. Правовые нормы и обычаи, регулирующие права и обязанности валашского населения в Польше и Венгрии, традиционно принято обобщенно называть валашским правом («*Ius valachicum*», «*Ius valachorum*»). Валашские пастухи и крестьяне приглашались на пустующие земли с целью их заселения. Их привилегии часто подтверждались тогдашними правителями, причем наиболее значимыми были привилегии, предоставленные в 1474 году оравским и липтовским валахам Матиашем Корвином. «*Ius valachorum*» был по существу правом немецким («*Ius teutonicum*»), примененным к пастушескому образу жизни. Толчком для валашской колонизации было стремление правителя и землевладельцев повысить доходы от своего имущества. При избытке лесов дерево не представляло для землевладельцев почти никакого источника доходов; зато валахи со стадами овец и коз были новым ресурсом, для развития которого с целью привлечения валахов землевладельцы отказывались от доходов иногда и на несколько лет. К обычным привилегиям валашского права относилось освобождение от оброка на период от 3 до иногда и 24

лет и признание их самостоятельной юрисдикции во главе со священниками, воеводами, а также выведение их из-под действия государственных законов (*exemptio*). При следующей фазе валашской колонизации (пастушеско-земледельческой), когда среди указанных привилегий было и закрепление за ними передаваемых по наследству земель, при распределении площадей не забывали и о священниках и церкви. Валахи брали на себя обязанности также военного и охранного характера, платили верховной власти оброк в натуральной форме: двадцатую часть от овец, сыра, меха и т. п., как правило, платили и деньгами. Но валашский оброк был всегда ниже, чем оброк оседлых подданных, главным же преимуществом валахов было то, что на них не распространялась обязанность отрабатывать барщину. Словацкий историк Петер Раткош пишет, что венгерское дворянство уже в 1465 году освободило поселенцев по валашскому праву от уплаты государственного налога (*lucrum camerae-tributum*), это установление было нарушено только во времена турецкой экспансии. Также и православное валашское население было освобождено от уплаты церковной десятины по постановлению сейма в конце XV века. Это было, главным образом, румынское, сербское, русинское и словацкое православное население. Подати среди них собирали миряне-наемники церковных сборщиков налога, причем это была не десятина от урожая, как у населения, подчинявшегося традиционному

или эмфитевзическому праву, а лишь одна пятидесятая (2% налог) от поголовья.

Валахи прибывали на территорию Словакии двумя потоками: южный поток направлялся с Украины через восточную Словакию в области центральной Словакии, в то время как северный поток шел с Украины через горы, образующие границу между Польшей и Словакией; оба потока в конце XV столетия достигли восточной Моравии. Колонизация северной Словакии проходила в последней трети XIII века, в Спишском крае валахи-русины начали селиться после 1270 года, в следующих столетиях их количество нарастало. С конца XVI века в результате усиления крепостничества они постепенно теряли свои права. У валахов, которые прибывали в Словакию с территории современной Украины, уже была смешанная украино-румынская или русино-румынская идентичность. Как пишет лингвист Рудольф Крайчович, в XIV — XV веках валахи были приглашены в Словакию с целью развития овцеводства и его отгонно-пастбищной формы. В наибольшей степени миграция в Словакию происходила во время правления Матиаша Корвина (1458–1490) и Людовита II (1516–1526). Поселенцев приглашали, прежде всего, на малозаселенные территории, где на определенное время они получали важные привилегии; были освобождены от обязанностей подданных, не платили церковную десятину (не принадлежали к римско-католической конфессии) и не должны были отрабатывать барщину (работать в господском хозяйстве, на полях, которые обрабатывали подданные). При

этом они были обязаны охранять дороги, границы, проходить воинскую службу, ловить разбойников и платить десятину с мяса и сыра. Валахи селились не только на территориях Шариша, Спиша, Оравы, Липтова, Кисуц и Турца, но и, например, в Гемере, Пгонье, Поважье и Понитрье; при этом их колонизация коснулась и культурно повлияла на почти 70% территории Словакии. Как указывает Крайчович, в словацкий язык от них перешла лексика, касающаяся овцеводства и отгонно-пастбищного животноводства, которая сохранилась в языке до наших дней. Многие из этих слов с точки зрения их распространенности выходят за границы словацкого языка и называются карпатизмами. К таким словам валашского происхождения относится слово «bača» (главный пастух овец; хозяин на стойбище), «valach», «fujara» (поперечная флейта с тремя отверстиями), «žinčica» (вареная сыворотка из овечьего молока), «bryndza» (брынза) или «grúň» (горный склон, годный для выпаса овец).

Как указывает этнолог Ян Ботик, большая часть элементов валашской пастушеской культуры имеет общекарпатский характер, при этом для многих из них можно определить более точное региональное (например, семиградское, восточнокарпатское, закарпатское) или этническое (например, румынское, украинское, гуральское; русинское; гуцульское, лемковское) происхождение. Заселение Польши, Словакии и Моравии валахами (с восточного направления) закончилось в XVII веке, когда перестали действовать привилегии, вытекающие из ва-

лашского права и когда это изначально русино-румынское население слилось с местным населением и как его часть определялось уже только способом добычи средств к существованию и стилем жизни, а также определенной культурной спецификой, срубными постройками на хуторах, одеждой, музыкой, фольклором с пастушеской и разбойничьей тематикой и лексическими особенностями. Валашская колонизация повлияла на словаков, но особенно на русинов, гуралей и моравских валахов, которых обычно обобщенно называют гуралами (в широком смысле). Как констатирует Ян Ботик, валашская колонизация важна для объяснения этногенеза русинов в Словакии (ср. информацию выше). В XIII и XIV веках было не сложно найти пастухов или поселенцев, так как свободная и легкая валашская жизнь манила подневольный люд, о чем свидетельствуют частные запреты набирать крестьян и челядь с одного владения на другое среди валахов. Эти запреты не слишком соблюдались, прежде всего, потому, что в XIV и XV веках ухудшалось социальное положение крестьян, которые в 1514 году были по закону о крепостном праве прикреплены к земле. Это вынуждало новых колонистов нанимать неприветливых русинов. Вследствие валашской колонизации на территории Словакии образовались русинские сообщества.

Другую группу гуралей представляют собой гурали в польско-словацком пограничье. В качестве средства коммуникации они используют гуральские наречия, которые возникли в результате соединения польского и словацкого

языков с лексическими карпатизмами. К интересному заключению пришли польские антропологи, которые в 60-х годах XX века с помощью антропологических измерений черепов unsuccessfully пытались доказать польское происхождение гуралей на севере Спиша, населенные пункты которого были присоединены к Польше; сокрушительное большинство исследованных ими образцов обнаруживало динарские черты, типичные для жителей Балкан. Подобным образом проведенное недавно генетическое и эволюционно-антропологическое исследование среди моравских валахов показало, что валахи в Моравии близки популяциям в Польше, Македонии и Румынии и что странами их происхождения были Польша, Словакия и, вероятно, Украина и Румыния.

Как видно из предыдущего текста, помимо возникновения самостоятельных этнических или субэтнических групп, валашские языковые и культурные импульсы воспринимал и, так сказать, адаптировал словацкий этнос. Среди типичных словацких духовных артефактов и предметов культурного наследия, которые неразрывно связаны с валашской колонизацией, мы находим разбойничьи песни, деревянные срубы и стойбища, валашку (традиционный топорик карпатских горцев), детванский национальный костюм, фуяру, галушки с брынзой, оштиепок (копченый овечий сыр яйцевидной формы) и жинчицу. При этом оказывается, что элементы валашской духовной и материальной культуры относятся к самым красивым элементам словацкого народного искусства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ядро культурной идентичности словаков формировалось путем постепенного наслоения разнородных элементов. В результате наслоения валашских культурных элементов на существующую словацкую культурно-этническую базу было сформировано многое из того, что мы считаем типичным в словацкой культуре. Соответственно позиции авторов (они склоняются к теории континуитета дако-рим-

лян с учетом процесса влияния горных Даков из свободной Дакии на потомков римских колонистов после 271 года), происхождение этих элементов можно искать на территории Румынии. Валахи, мигрирующие на север и на запад из своей прародины, постепенно теряли свою лингво-этническую идентичность, оставив при этом неизгладимые следы (не только) в словацкой народной культуре.

Михал Ондрейчик, (рожд. 1987, является выпускником юридического факультета Университета Павла Йозефа Шафарика в Кошицах по специальности юриспруденция (магистратура). В настоящее время учится в аспирантуре кафедры международного права юридического факультета Российского университета дружбы народов в Москве.

КУЛЬТУРА СЛОВАКИИ

А. Машкова

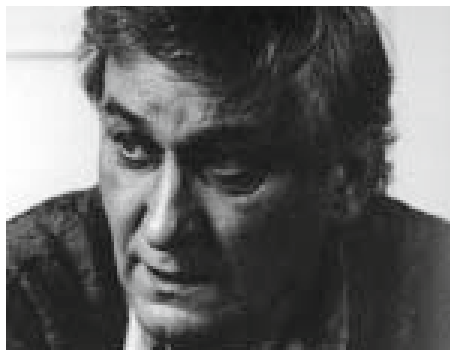
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ АЛЬБИНА БРУНОВСКОГО

Творчество известного словацкого художника, графика, иллюстратора Альбина Бруновского является своеобразным зеркалом нашей эпохи. В нём есть всё: и первозданная красота земной природы, и устремлённость в неведомые дали, и причудливые изломы ушедшего столетия с его катаклизмами, отчаянием, ожиданием лучших времён. При этом в центре его внимания всегда остаётся человек, философское осмысление его личности, сущности бытия. Для Бруновского характерно стремление постичь глубины его психологии, обнажить его душу, показать её ранимость и одновременно способность противостоять испытаниям, ниспосланным свыше.

Талант А. Бруновского сформировался под воздействием традиций национального и зарубежного искусства. В его творчестве слышны отголоски разных эпох и художественных тенденций, начиная с поздней готики, мань-

еризма, барокко, романтизма, сецессиона и включая авангардные течения XX века, прежде всего сюрреализм. Однако оригинальностью своей манеры художник как бы подавляет все инспирирующие тенденции, которые отступают на второй план перед рождением совершенно нового оригинального искусства, с точки зрения своей духовной значимости необычайно современного и актуального.

Альбин Бруновский родился в 1935 г. в небольшом городке Зобор,

расположенном в живописном уголке юго-западной Словакии, на территории Загорийской низменности, являющейся частью Венской котловины. Близость реки Моравы и Малых Карпат придают неповторимое очарование этому краю, покрытому густыми лесами, перемежающимися с яркими пёстрыми лугами и плодородными пашнями. Издревле эти земли славятся богатыми урожаями овощных культур. Местные жители ездили торговать ими в Вену, добраться до которой можно было гораздо проще и быстрее, чем до Братиславы. Кстати, уже став известным художником, Альбин Бруновский как-то в шутку заметил, что он «вырос в овощах». Впоследствии мотив родного края, плодородной земли станет одним из центральных в его творчестве.

Но не только богатыми урожаями прославилось Загорье. Плодородная загорийская почва «взрастила» немало талантливых живописцев, фантазию которых питали красоты этой земли. Среди них: Густав Маллы, Мартин Бенка, Ян Желибский, Йозеф Костка, ставшие гордостью национальной культуры. Кроме природных условий, сильное воздействие на менталитет местных жителей, их культуру оказали активные контакты с живущими поблизости австрийским, венгерским, чешским народами, культура которых органично влилась в национальные традиции словаков. Определённую роль в формировании своеобразного культурного пространства Загорийского края сыграли также издавна жившие в этих местах хорватские поселенцы и потомки немецких анабаптистов — габанов, принёсшие с собой ориги-

нальный способ изготовления керамики из белой глины. Позже она получила название «модранской» (от местечка Модра — центра её производства), став неотъемлемой частью словацкой культуры. Воспоминания о родных местах, любовь к этому удивительному краю Альбин Бруновский сохранил на всю жизнь. Они стали, по сути, той живой влагой, которая до последних дней его жизни питала его творчество. Близость к загорийской природе воспитала в нём способность поэтического видения окружающей действительности, желание погрузиться в мир грёз и удивительных фантазий, стремление выразить себя через рисунок.

Учиться рисовать Бруновский начал в братиславском Художественно-промышленном училище (1951–1956). Тогда образцами для него служили романтические пейзажи мастеров чешской живописи XIX века — Антонина и Йозефа Манесов. Своей склонностью к символическому переосмыслению мира привлёк его и известный чешский художник начала XX века Макс Швабинский. Вероятно, именно они и определили в дальнейшем творческое развитие Бруновского, которое шло в двух основных направлениях — романтическом и маньеристском. После окончания училища Бруновский продолжил своё образование в братиславском Институте изобразительных искусств (1956–1961), где мастерству графики и иллюстрации он учился у Винцента Гложника. Под руководством известного мастера сформировалось творчество нескольких поколений словацких живописцев. Постепенно определилась его принадлежность к группе художников, образцом для ко-

торой послужило творчество Гойи с его смелым новаторством, страстной эмоциональностью, буйством фантазии, социально направленным гротеском. Особое восхищение вызывал у них графический цикл великого испанского живописца — «Бедствия войны», органично ложившийся на их личный опыт, связанный с военным детством.

Профессиональным художником Бруновский становится уже в начале 60-х годов. В это время он отдаёт предпочтение графике и иллюстрациям. В поисках самовыражения начинающий художник идёт непроторенными путями, пытаясь овладеть не столь характерными для словацкого искусства традициями имажизма, а отчасти и сюрреализма. Ему оказываются близки присущие этим направлениям способы эмоционального воссоздания человеческой личности, внимание к её внутреннему миру со свойственными ему деформациями, происходящими под воздействием окружающей действительности. В творчестве Бруновского все эти принципы как бы обретают новую жизнь с помощью причудливой фантазии. В этом плане его учителями стали не только чешские сюрреалисты, но отчасти и словацкие художники, представлявшие так называемое «Поколение 1909», среди которых были Циприан Майерник, Андрей Немеш, Ян Мудрох, Петер Матейка и др.

Что касается техники и материалов, с которыми Бруновский работает на начальном этапе своего творчества, то это довольно непопулярная в то время резьба по камню, литография (так называемый французский «asphalt-manière»), меловая литография, а также комбинация многих технических

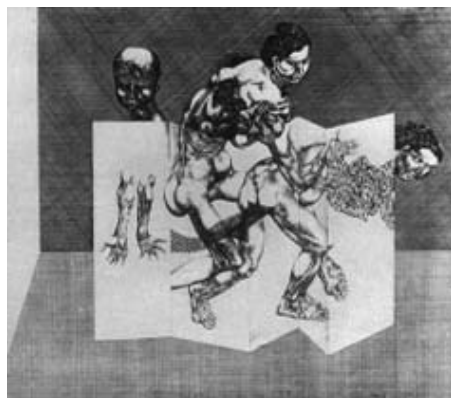

Альбин Бруновский. «Hudba» («Музыка»). 1963

приёмов и материалов. Постепенно его излюбленным видом творчества становится офорт, принёсший ему международное признание. В частности, за офорт «Музыка» он получает свою первую международную награду на биеннале графики в Лугано (1964г.).

К этому же времени относится и создание офортов «Дискуссия» и «Съезд нумизматов». Если в работе «Музыка» Бруновский, стремясь сделать звуковые ощущения визуальными, предпочитает пространственную неопределённость, то в офорте «Съезд нумизматов» это пространство становится более реальным, конкретным, обретает свою глубину, перспективу. А руки музыкантов, которые играют важную композиционную роль почти во всех произведениях художника, призванные извлекать звуки, становятся здесь олицетворением скупости.

60-ые годы в творческой биографии Бруновского примечательны ещё и тем, что он обращается к библейским мотивам, которые займут видное место в его творчестве и будут реализованы при помощи различных технических средств и в разных формах. Это может быть офорт, чёрно-белая или

Альбин Бруновский. «*Pokúšenie Antónína*» («Искушение Антония»). 1965

цветная литография, рисунок на дереве, экслибрис, иллюстрация. («Библейский край», 1963 г.; «Две Евы и изгнание из рая», 1971 г.; «Сара», 1979 г.; «Ева и Адам», 1974 г.; «Рахиль», 1976 г.; «Притча о зарождении», 1976 г.; «Дочери Лота», 1979 г. и многие другие.) Все эти произведения отличают богатство авторской фантазии, его способность к метафорическому мышлению, склонность к символическому переосмыслению известных сюжетов.

На характер этих и многих других произведений того времени значительное влияние оказало знакомство словацкого художника с достижениями мирового изобразительного искусства, в частности, творчеством В. Кандинского, М. Шагала, Х. Миро, П. Клее и других великих живописцев. Бруновскому импонировало их умение выразить себя через фантастику, едва ощутимую игру красок, неопределённость формы, утончённую декоративность, нередко имитирующую наивность детского рисунка (как, например, у Миро).

Особый интерес проявляет Бруновский и к исторической тематике

(«История, семнадцатый век», 1970 г.). Сюжет из времён античного Рима, повествующий о противостоянии римлян и сабинов, находит своё воплощение в офорте «Похищение Сабинки» (1965 г.). В самом толковании темы ощущается влияние великого французского живописца Ж.Л. Давида, авторитет которого в Европе в области исторической живописи долгое время был непререкаем. Вспомним хотя бы его вариант «Сабинянок», выполненный в классицистическом стиле. Актуализируя принципы сюрреалистической поэтики, Бруновский придаёт трагическому эпизоду оптимистическое звучание, подтверждением чему служат фигурки детей — основы будущего рода римлян — и горящий, обращённый ввысь взгляд единственного глаза Сабинки.

1965 год стал важным рубежом в творческой биографии Бруновского. В это время в Братиславе была организована выставка его работ, на которой он получил премию Ц. Майерника. Тогда же его произведения были показаны на выставках в Праге, Дюссельдорфе, Дортмунде, Оберхаузене. С тех пор Бруновский выставлялся почти ежегодно не только у себя на родине, но и за рубежом. География этих выставок весьма богата: Вена, Женева, Загреб, Белград, Париж, Краков, Каир, Чикаго, Лодзь, Рим, Варшава, Таллин, Москва (1982 г.), Будапешт, Бухарест, Токио, Прага, Венеция и др. Так, только в 1995 году, незадолго до кончины художника, состоялись выставки сразу в пяти странах мира (ФРГ, Япония, Польша, Югославия, Франция). Практически на всех выставках он получает высшие награды.

В конце 60-х годов А. Бруновский большое внимание уделяет литографии, в техническом отношении близкой живописи. При этом он отдаёт предпочтение маньеристическому стилю. Фантастика, игра со светом по-прежнему являются важнейшими творческими принципами художника. Свет, как заметил один из словацких искусствоведов, начинает играть в его творениях почти «биологическую роль, способствуя преодолению противоречий между живой и неживой материей» (Л. Главачек). Его работы как бы светятся изнутри, подчёркивая причудливую замысловатость линий. («Вернисаж в природе», 1968 г.).

Особый смысл обретает фактор света в сюжетах, навеянных самой природой. Активному взаимодействию с ней способствовали его поездки в Италию (1968–1969). Красоту итальянской природы художник прекрасно передаёт в стиле маньеризма, порой перемежающегося с барочными элементами. Так, в литографии «Сад для матери Боргонзони» (1968г.) резкий контраст света и тени, панорама открывающейся перспективы, как бы уходящей в бесконечность, сочетается с монументальной ромбовидной композиционной структурой произведения, которая призвана передать неповторимое ощущение чистоты и покоя. В это время Бруновский создаёт целую серию работ на тему «садов»: «Сад Ариадны», «Августовский сад», «Сад, каких, вероятно, тысячи» — все написаны в 1968 году. В последующие годы композиционная роль пространства в его пейзажах ещё более возрастает. Наряду с пространством, открывающим горизонты земной поверхности, нередко встречается про-

странство, устремлённое ввысь, к небесам. Подобная перспектива призвана показать безграничность космических далей, придать сюжетам трансцендентный смысл. Человек становится частью природы, сливается с ней в единое целое. В итоге возрастает эмоциональный накал произведений, которые заставляют нас задуматься о вечном («На первом, втором и третьем этажах». 1979 г.). Особого внимания заслуживает цикл офортов с рельефной печатью под названием «Bella Italia I-XVIII» (1960–1970 гг.). В нём ощущается присутствие не только итальянской природы, но и рубensoвские традиции («Bella Italia IX»).

Постепенно в творчестве Бруновского заметно усиливается интерес к живописи, при создании которой он предпочитает работать с редкой породой дерева, сохраняя его естественную красоту, рисунок и даже форму в виде необработанных краёв. Отсутствие строгих картинных рамок как бы свидетельствует об отказе художника от традиционного подхода к живописи, для которой характерно непосредственное отражение картин реальной жизни. В руках Бруновского прекрасные куски древесины словно оживают. Каждый из них представляет собой своего рода произведение искусства, созданное мастером-природой. В них — фантазия её красок, линий, рисунков. При взаимодействии с фантазией художника, как правило, рождается удивительное чудо, поражающее своей первозданной красотой, гармонией, единством замысла. И даже изъяны в этом дереве — трещины, изгибы, следы сучков — автор удачно использует в своих целях: они выполняют в его работах важные композиционные и эмоциональные

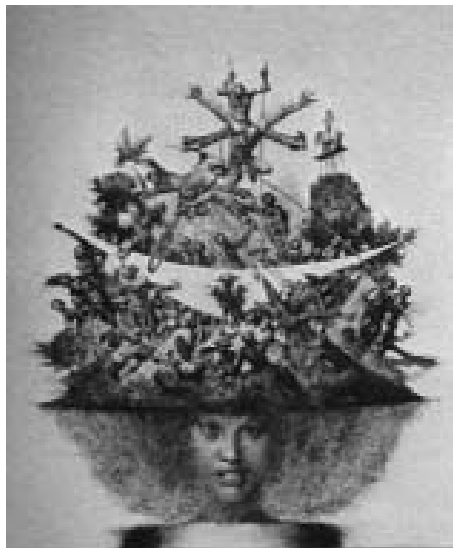
функции. Бруновский рисует акварелью, темперой, масляной лазурью, пастелью.

Жизнь приносит Бруновскому радость, он упивается ею. Обилие воздуха, пространства, тёплые золотисто-коричневые тона, прекрасно сочетающиеся с цветом дерева, рожают ощущение гармонии, полноты жизни, покоя. Так возникает образ «идеальной» жизни («Спасибо. Нам хорошо», 1978 г.). Порой художник возвращается к своим прежним сюжетам, которые осмысливаются им по-новому. В его живописи всё заметнее проявляется связь с графикой. Новое смысловое наполнение получает сюжет «Сусаны» (1963 г.) в картине «Сусана» (1969 г.). Вместо прежних сюрреалистических галлюцинаций перед нами — ренессансная фигура Сусаны, органично вписавшаяся в естественный материал дерева. На смену старческим лицам и рукам пришли лица мужчин и возвышенная игра воображения, словно обволакивающего прекрасную деву.

К числу лучших картин Бруновского относится «Любовь небесная и земная» (1971 г.), которая является своеобразным переосмыслением знаменитой безмятежно-ясной картины Тициана «Любовь земная и небесная». В отличие от творения итальянского художника работа Бруновского исполнена роковым смыслом. Используя мозаичную композиционную технику, характерную для графической манеры Бруновского, он открывает для живописи возможность воссоздания жизни в её пространственно-временном континууме. Подобный принцип словацкая критика (Л. Петерайова) сравнивает с техникой, используемой знаменитой

чешской Латерной магией. По мере переосмысления прежних сюжетов, тем — например, темы женщины, природы, родного края, — преобразуется техника рисунка, его эмоциональное звучание, средства изображения. Сарказм, ирония сменяются мягким юмором, поэтическим восприятием мира. Так, эмоциональное звучание картины «Край за Вавилонской башней» достигается сочетанием средств письма, используемых старыми мастерами, и модернистским приёмом круговой композиции, оптикой «рыбьего глаза». Немало новаций можно обнаружить и в излюбленной Бруновским «садовой» теме, где рядом с пышностью и кипением жизни появляется мотив трагического увядания («Конец лета...», 1971 г.). Образ призрака, изображённого на розовом фоне (цвет — не типичный для Бруновского) и находящегося в центре композиционной структуры, резко контрастирует с излюбленными автором коричнево-сине-зелёными тонами, олицетворяющими собой жизнь. А геометрические схемы и линии как бы напоминают о неизбежности перехода в мир иной. Глубоко трагичен образ умирающего сокола («Печальный конец соколиного полёта», 1971), выполненный в натуралистической манере. Как и в предыдущей картине, важную роль здесь играет символика. Это и чёрная линия, разделяющая мир на две части (бытие-небытие), и непокрытый красками кусок доски, символизирующий дерево, возле которого нашла свой конец эта прекрасная птица.

Одна из особенностей творческого почерка Бруновского — живописца — это умение работать одновременно над необычайно сильными в эмоциональ-

Альбин Бруновский «*Dáma v klobúku V*» («Дама в шляпе V»). 1981

ном отношении произведениями и в то же время, вдохновляясь прекрасными образцами барочного искусства, создавать вещи, в которых проявляется его способность быть как бы беспристрастным художником, виртуозно владеющим техникой. Примером тому могут служить работы: «Барочный край» (1972 г.); «*Lamento della Ninfa II*» (1972 г.); «Сёстры Фантенблю» (1972 г.); «Страсть» (1972 г.) и др. Характерно, что в этих экскурсах в прошлое, в историю искусства всё отчётливее просматривается образ родного края, который, словно видение, возникает на фоне барочных реминисценций («Прогулка по Загорью», 1972 г.).

Заметные изменения происходят в живописи Бруновского в 70-е годы. Шквал эмоций, буйство фантазии, резкие контрасты уступают место гармонии, умиротворённости, поэтичности. При этом он продолжает искусную игру

с маньеризмом, придавая всё большее значение рисунку самого дерева, в который удачно вписывает свои сюжеты («Черевички», 1972 г.; «Ирис», 1973 г.). Покой и глубокая мудрость «Садовницы» (1973 г.), её слегка улыбающиеся уголки губ вызывают ассоциации с леонардовской Моной Лизой («Джоконда») — гуманистическим идеалом женской красоты. И только излюбленная Бруновским деталь — руки — возвращают нас к реальности. Они выдают в ней человека, хорошо знающего, что такое тяжёлая работа. Не случайно словацкая критика назвала этот образ «загорьянской Джокондой» (Л. Петерайова). Иную трактовку женского образа, на первый взгляд противоречащую всем нормам логического мышления, мы наблюдаем в символическом цикле «Дама в шляпе» I-IX (1981–1982 гг.

Альбин Бруновский «*Túžba*» («Страстное желание»). 1978

Альбин
Бруновский
«*Svetlo v
temnotách*»
(«Свет во
мраке»). 1995

офорт). В стиле маньеризма художник словно водружает на женскую голову весь мир: сосновые леса («В летнее время», «Зеркало»), разбушевавшую морскую стихию («Вдова»), холмистую земную поверхность («Дульсинея») и, конечно, мужчин, стремящихся завоевать её благосклонность.

В это время важное место в творчестве Бруновского вновь занимают пейзажи, навеянные красотами родного Загорья. В одном из своих интервью художник сказал, что мечтает создать образ «прекраснее, чем сама природа», «нарисовать летящее облако над редкими соснами, но нарисовать его так, чтобы чувствовался аромат края, его тепло, трепетание воздуха, умиротворённость леса, чтобы было слышно жужжание насекомых, кваканье лягушек в болотах; одним словом, передать ощущение, что там — хорошо». Именно это попытался он сделать в работах: «Летнее видение», 1978 г.; «Рассвет», 1978 г.; «Прекрасный день»,

1982 г. и др. Порой «летающие облака» обретают у него причудливые барочные формы, а редкие сосны превращаются в дремучий лес — обитель сказочных существ («Восхождение на небеса», 1979 г.). В конце 70-х годов Бруновский вновь активно занимается графикой. Достичь новых высот в этой области ему помог опыт живописца. Он предпочитает цветной офорт, работает с медью. Тщательно прорабатывая каждую деталь, художник использует специальную лупу, шестикратно увеличивающую изображение. Тематика его графических работ во многом перекликается с сюжетами живописи. Так, важнейшим инспирирующим фактором для него становится тема родного края (офорт «Свадебный день», 1975 г.; «Загорье. Конец лета», 1979 г.; «Ева Прима Пандора», 1979 г. и др.). Одна из лучших графических работ Бруновского 80-х годов — цикл «Хвала причудливым сновидениям» I–IX (1984–1985 гг.). Так, написанный в маньеристической манере «офорт II» привлекает оригинальностью своего композиционного решения. Смысловой доминантой произведения является сцена, представляющая собой контрастное изображение нагих женщин и облачённых в торжественную одежду мужчин на фоне сконструированного пейзажа (некое подобие «Завтрака на траве» Моне). Все остальные фрагменты картины расположены над этой сценой и олицетворяют собой мечтания, сновидения, желания танцующих пар. Сверху, над этим суетным миром — всевидящее око Всевышнего (или внутреннего судьи) — частый элемент современной живописи.

В последние годы жизни Альбина Бруновского увлёл философский трактат

Альбин Бруновский. «Tornado ženského mena» («Торнадо женского имени»). 1991

тат в стиле барокко известного чешского учёного и писателя Яна Амоса Коменского «Лабиринт света и рай сердца» (1623 г.). Словацкий мастер нашёл в этом произведении, прежде всего, великую мудрость и духовную защиту. Сюжеты из этой книги он воплотил как в живописи, так и в графике, рисунках на дереве, придав им глубокий философский смысл. Вслед за Я.А. Коменским Бруновский противопоставил суетности мира («Лабиринт», 1988г., «Театр мира», 1990 г.) природу, свет человеческой души и рай сердца — то есть то, куда, согласно Коменскому, человека позвал Господь («Путь к раю сердца», 1989 г., «Свет души», 1994 г.). Особый смысл и значение в работах этого цикла обретает изображение природы, которое носит антропоморфический характер. Художник открывает

Альбин Бруновский Илл. к книге Любомира Фелдека «Zelená Kniha rozprávok» («Зелёная Книга сказок»). 1983

новые стороны взаимодействия человека и природы, не просто сливающейся с ним в единое целое, но порой поглощающей его целиком, властвующей над ним. Как отмечает словацкая критика, происходит мистическое соединение «всего со всем». «Энергия, как праоснова жизни, становится основным принципом изобразительной динамики» (Э. Троянова). При этом природа обычно выступает в двух ипостасях: это мир растительный и мир водной стихии. Как правило, оба мира сливаются в едином порыве, символизирующем жизненную энергию.

В картине «Путь к раю сердца» на фоне морской пучины изображён светящийся образ человеческого сердца, к глубинам которого и устремлена человеческая фигурка, сидящая в лодке. Бесконечная водная стихия, сливаю-

щаяся на горизонте с небесной высью, олицетворяет собой трансцендентные силы. Свой путь к «раю сердца» Бруновский продолжил, работая над фресками на сюжеты словацкой жизни, украшающие помещение, в котором находится высший орган государственной власти Словацкой Республики — Национальное Собрание («Словацкий рай», 1993 г.).

Самостоятельную главу творческой биографии Бруновского представляют иллюстрации. Их диапазон весьма широк — словацкая и зарубежная классика, современная литература, книги для детей. Свои первые иллюстрации Бруновский сделал ещё в начале 60-х годов, затем на протяжении всех последующих десятилетий он не оставлял этого занятия. Он создал прекрасные иллюстрации к сказкам Андерсена, Гофмана, к сказкам словацкого писателя Л. Фелдека. Иллюстрированная им книга сказок «Золотые яблочки» была издана в Японии. Из зарубежной классики его внимание привлекли: Овидий, Э. Роттердамский, Сервантес, Рембо, И. Бабель и многие другие. Из словацких авторов Бруновский отдал предпочтение книгам Я. Боденека, М. Валека, Я. Стахо, Я. Шимоновича. Глубоко поэтичны его рисунки, выполненные для «Антологии словацкой поэзии. Прикосновение» (1978 г.). Большое внимание А. Бруновский уделял работам, имеющим практическое значение. Это были рисунки на почтовых марках, денежных знаках, которые, кстати, ещё в период существования Чехословацкой республики признаны лучшими на общереспубликанских конкурсах, плакаты.

Альбин Бруновский был талантливым преподавателем, воспитавшим не

Альбин
Бруновский
M. de Cervantes.
«Dômyselný
rytier Don
Quijote»
(M. de Сер-
вантес. «Дон
Кихот»). 1964

одно поколение словацких художников. Долгие годы он являлся профессором, заведовал кафедрой прикладного искусства в братиславском Институте изобразительного искусства. В 1968 году ему было присвоено звание лауреата Государственной премии им. Клемента Готтвальда, а в 1980 году — Заслуженного художника.

Творческое наследие Бруновского весьма орбъемно: им написано около 170 работ. Часть из них хранится в 35 музеях мира (в том числе в Музее изобразительных искусств им.А.С. Пушкина в Москве). Последние творения художника были столь же прекрасны и удивительны, как и всё творчество великого мастера. Это «Война» (1993 г.), «Балканский театр» (1995 г.), «Свет во мраке» (1995 г.), «Teatrum mundi» (1996 г.). Альбин Бруновский скончался 20 января 1997 года в расцвете творческих сил. Его супруга, Клара Бруновска, в своём письме автору этой статьи писала: «У него было очень больное сердце, но он не обращал внимания на советы врачей пожалеть себя. Он работал до последних минут своей жизни...»

СОВРЕМЕННАЯ СЛОВАЦКАЯ ПОЭЗИЯ
В ПЕРЕВОДАХ ДАРЬИ АНИСИМОВОЙ

Эрик Якуб Грох

Я верю, что жизнь прекрасна

Возвращаюсь туда, где меня никто не ждет

Я уезжаю, и никто меня не провожает
— лишь только дождик редкий на перроне,
и страх заснуть внезапно под навесом —
я возвращаюсь туда, где никто меня не ждет.
Лишь грусть могу я унести с собой,
любовь, балласт, который надо сбросить.
В ногах моих сумка, в которой заключил я пустоту,
в плаще болоньевом чуть влажном непросохшем,
установившись на маску отражения в окне,
я жду, быть может, настанет момент пуститься в путь.
Тот ли это, кто выйдет из меня,
его укроет мгла, что распростерлась, разлилась.

Дана Подрацка

Автопортрет с прокрустовым ложем

Есть ночи, когда я бываю наказана
Во сне я брожу вдоль старицы Дуная
Малейший хруст может быть предостережением, что вот-вот появится
Прокруст, по прозванию Натяжной аппарат

Я узнаю, прихожусь ли я по мерке или меня необходимо натянуть
как натягивают струны, или же обрубить мне — что? —
Духовность

Я чувствую его присутствие во взволнованном зодиаке
Явственно вижу, как он посылает красные огоньки
на кончиках телевизионной башни

Его практики становятся все совершеннее и отлично замаскированы
словно имплантаты или пустота

Я наказана, поскольку не в силах остановить его
Я вынуждена вступить в бетонное жилище
Вымыть ложе за тем, кто был передо мной,
улечься

Увидеть девственника, который жил во мне, когда я сама была девственницей
Обнять его молодое неискушенное сердце
Насладиться линией света, когда вдруг блеснет
острие

Я пробуждаюсь от собственного крика
И от крика других, имена которых не знаю

Похвала дикого зверя зимой

Служащая открывает двери в морг,
сверкает холод

В нем лежит отец, между губ застыла слюна
В их кривой ячейке скрыты последние слова
Меня не было рядом, когда он говорил их

Его ноги выпрямлены в преддверии обледенелой дороги,
из которой торчат острые камни

На кушетке для облачения покойников
белые круги по краям;
два от пяток, один от затылка

Они напоминают мне, как Бог явился Аврааму
В обличье трех путников

Пора идти

Черные шесты ветвей отпускают лодку
Вода дошла до последней пуговицы воротника
над ним весло уха

он ждет похвалы дикого зверя зимой
Ты справился, говорю я, плыви,
я должна остаться, перевозчик отгородился стеклом,
чтобы я бежала за любовью

Швейный манекен

В приюте на окраине
в коридорах и за решетками кроваток
полосы раненого света,
где любви ожидают до судного дня

Мне было стыдно, что я не в силах сделать больше,
лишь найти спонсора, пока сироты
бродили у меня перед глазами и не могли оторваться
от мака, сладкого мака

Минуту поколебавшись,
они показали мне швейный манекен

Он стоял в мастерской,
возле технического шкафа с регуляторами,
мать, из сатина сшитая

Ночью она пускается в обход,

пишет открытки, одевает перламутром дверные ручки,
призывает добрых духов

Иногда
она стучит в окно булавкой, которую потихоньку
вытаскивает из игольницы
и тех, кто дрожит от страха,
за руку уводит в море огней

Исповедник за окном скорого поезда Euronight

Я ложусь на полку в скором поезде Euronight
Жду, пока придет исповедник

Я знаю, он там, снаружи, за решетчатой шторкой,
в пурпурной мгле, которая прежде была зеленой,
полной незрелого беспокойства

Я исповедуюсь, хотя не нарушала Десять Заповедей,
Это связано с нами, с теми, кто пытается писать, и с тем,
что не осуществилось, хотя могло осуществиться

Написанное ждет воплощения, ждет кого-то из внешнего мира,
из пурпурной мглы, где слово может стать молнией,
войти под своды бровей и начать действовать

Иногда я не в силах додумать,
которые картины повреждены и способствуют явлению
иностранцев, демонов или проклятых

Они появляются в скромных рюкзаках
и распространяют хаос

Я согрешила, когда написала,
что каждая следующая женщина это могила предыдущей,
где ее за милостыню света очищают святые?

Я гляжу на шторку, созерцаю кресты и квадраты,
но отпущение не приходит

Рудолф Юролек

Я не скажу вам о любви.
 Любовь слишком тяжкое бремя.
 Под силу лишь животным и святым.
 Что я могу сказать вам? Что я
 слаб и не выдержу даже краткого
 взгляда в глаза загнанной лошади,
 или корове, которую гонят на бойню?
 Нет, я любить не способен. Все,
 что я чувствую, это боль.
 И я не желаю, чтобы меня кто-то любил.

Колокола звонят полдень.
 Я лежу на лавочке в лесопарке.
 Гляжу в небо сквозь зеленое мерцание листвы.
 Эволюция обошла меня стороной:
 Во мне еще сохранились очевидные реликты рая.

Я больше не хочу знать больше.
 Отчего я не могу жить как зверь лесной,
 который обладает знанием ровно настолько,
 чтобы оставаться свободным?
 Что мне необходимо знать?
 Что я кого-то люблю.
 Где я могу напиться воды.
 Что делать, когда идет дождь.
 Когда приходит зима.
 Где мой дом.

Когда единственным результатом
является пройденный путь,
усталость в ногах,
ветер, вечное беспокойство,
небо над краем: еще один мир.
И жить возможно.

Долгая, умиротворяющая
дорога через поле.

Садится солнце.

Ничего великого или судьбоносного,
лишь следы света:

предчувствие садов небесных.

«Это кульминация жизни,»
скажет Португалка София,
и продолжает искать, пусть безуспешно, дорогу в рай.

Когда я об этом думаю, палит солнце,
лесная земляника вкусна невообразимо
и в тени старых деревьев
блаженно ласкает меня ветерок.

Рай иногда мы умещаем в крохотный байт реальности,
в лишний протон света.

Ветер несет над полями белые сережки отцветающих верб.
Они падают и теряются, хотя таят в себе
всю красоту мира.

Сколько снов канет напрасно
лишь потому, что реальность с ними не сочетается.

Но сны неумолимо возвращаются,
изобретательные, они прихотливо меняют форму,
вновь и вновь посягая на вечность.

Осенний пейзаж болезненно напоминает о любви.
Когда я думаю о тебе, мир не так невыносим.

Созрели шиповник и терн: цвета и формы,
они хранят в себе самую суть этого года.

Здесь цвел рай. Здесь жизнь кипела.
Здесь я был с тобой.

Пройтись напоследок по этому осеннему лугу
и запомнить его для неба.

Что мне найти, какую еще красоту,
какую радость?
Все уже миновало.

И все же я отправляюсь в путь,
искать минувшее:

снег, все еще белый,
тень от дерева, все еще ласковую,
мое дыхание, все еще теплое:

прошлое, все еще сопричастное
настоящему.

Я все еще способен видеть красоту:
несколько деревьев посреди пустого
зимнего поля, одинокая ворона на снегу.

Однако нет уже в том радости.
Скорее какая-то особенная, мучительная печаль:
оттого, что я есть,
оттого, что есть мир.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ

Л. Широкова

Вильям Климачек (рожд. 1958) — словацкий писатель, драматург. С 1985 г. — один из основателей, в настоящее время — главный режиссер братиславского театра «ГУнаГУ». Автор десятков пьес для театра, радио и телевидения. Среди прозаических произведений В. Климачека — романы «Ваня Крутов» (1999), «Площадь космонавтов. Поколение Ю» (2007), «Горячее лето 1968» (2011), «Водка & храм» (2013).

Предлагаем вниманию читателей отрывок из его романа «Площадь космонавтов» с говорящим подзаголовком с кириллической буквой «Ю», который посвящен поколению, образцом для которого был Ю. Гагарин. В книге остро встают проблемы и кризисы среднего возраста, и одновременно — некоего исторического «среднего» состояния общества, промежутка между социализмом и капитализмом. Это сочувственная защита во многом непрактичного и неприкаянного поколения, к которому принадлежат главные герои романа — безработный Марош, его жена Милка, хозяйка маленького убыточного магазинчика, давний друг Мароша и тоже неудачник Игорь. Многие комичные и нелепые их черты обобщаются автором в своеобразном трактате с элементами гротеска и каламбура о «Поколении Ю», включающем в себя и исторические сопоставления с поколением их родителей («Поколение *Ja*», жившее в годы войны в профашистской Словацкой республике) и поколением детей («Поколение *Next*»). Русское «Ю» и английское «*You*», замечает автор, «фонетически звучат абсолютно одинаково, однако их разделяет бездонная идеологическая пропасть». Большое место в романе занимает сатирическое изображение новой рыночной реальности, в которой писатель подмечает столь же абсурдные черты, что и в прежнем «реальном социализме».

ПЛОЩАДЬ КОСМОНАВТОВ

(отрывок)

Среда, утро

Марош поцеловал спящую жену и тихо вышел из спальни. В руках он нес джинсы и футболку с логотипом, изображавшим шарикоподшипники, символ не столь отдаленного прошлого, когда он еще работал на фабрике. Все называли ее «Ашка». Подшипники нежно льнули друг к другу, пытаясь убедить общественность в том, что именно они — это то, что производят на «Ашке». Символ уже выцвел и побледнел от частой стирки, как его хозяин — от ранних побудок, да и общественность давно уже знала, что прикрытая фабрика была, по сути, оборонным заводом.

Марош натягивал одежду заученными движениями. Его сорокапятилетнее тело прodelывало их без лишнего шума, хотя правое плечo все чаще напоминало о себе колющей болью, впрочем, это ощущение было уже привычным. Немного пошатываясь, он спустился в гараж и выкатил отцовский велосипед.

До недавнего времени все потешались над его массивной рамой и огромными колесами. Седло было оснащено двумя мощными пружинами, которые запросто выдержали бы вес целого вагона. На раме сияли русские буквы — ЗИФ. Сегодня это советское средство передвижения уже перешло в разряд ветеранов и у некоторых местных старожилов вызывает трепетное восхищение и уважение. Ну а Марош Куян всегда стоял горой за свой темно-синий ЗИФ.

Он вывел его из ворот спящего дома и спустился по тропинке через кладбище. Возле Лурдской пещеры, которая скрывала в осыпающихся камнях гипсовую фигуру Девы Марии и засохшие цветы, он на ходу перекрестился. Миновав обшарпанную часовню, он уселся на скрипучее седло и покатил вниз по Крестному пути.

Через просыпающийся город он промчался с разгона, зато на шоссе под виадуком, тянущемся из города под крутым подъемом, ему пришлось давить на педали. И так до самого дорожного указателя «ВЕЛЬКЕ РОЙЕ» («БОЛЬШИЕ РОИ»), который, кроме названия города, обозначал и границы его физической кондиции.

Он слез с седла и, с трудом переводя дыхание, принял толкать велосипед в гору. Вот и железные ворота с приваренной к ним надписью D+P+E+B+O+Ч+A+C; буквы перемежались когда-то красными звездочками, сегодня уже заржавевшими. Предприятие еще месяц назад давало ему работу, однако журнальные столики из блеклого ореха, словно промокшие под дождем, и мини-бары с незакрывающимися дверцами были настолько безобразны, что их не брал даже белорусский партнер. Мароша уволили в числе первых.

На вершине холма он свернул на проселок и спрятал велосипед в кусты. Из кожаного футляра под седлом он достал зеркальце, кисточку и флакон с искусственной кровью, которую готовил из кетчупа, глицерина и пищевого красителя.

Сначала он переоделся из новых брюк в старые, с дыркой на колене. Потом привычно загримировался. Теперь из зеркальца на него глядел человек с расщеченной бровью и окровавленным лицом. Марош остался этим весьма доволен. Он сел на велосипед и, свесив ноги, стал ждать у края проселка.

По обе стороны шоссе окружали густые заросли кустарника, так что поворот со стороны поля был почти не виден. Марош, отлично замаскированный ветвями, наблюдал за движением на трассе. Две старые ржавые «Эм-Бечки», грузовик «Авиа» с цементом, невыносимо медленно ползущий трактор.

Сердце его колотилось от волнения. Он пропустил еще несколько машин, и тут мурашки, пробежавшие по спине, подсказали ему, что момент наступил. Марош принципиально имел дело только с моделями класса «люкс». Их он различал по звуку.

«Хендай» с чешскими номерами, да еще женщина за рулем. Решение было принято за долю секунды. Марош резко оттолкнулся ногами и вылетел с велосипедом на шоссе в ту самую секунду, когда к повороту приблизилась красная машина. «Хендай» стал с визгом тормозить, а Марош мгновенно свернул в кусты. Машина его даже не задела. Правда, к искусственной крови добавилось несколько настоящих царапин.

Он лежал под опрокинутым велосипедом и выжидал. Машина остановилась. С минуту ничего не происходило. Лишь урчала выхлопная труба.

— Только бы не уехали, как вчера, — молился он про себя.

Машина, наконец, дала задний ход. Марош с облегчением вздохнул. Дверца открылась, и показались ножки в красных туфельках.

— Металлик, под цвет авто, — подумал Марош и ойкнул, — На помощь!

— Вы в порядке? — крикнула по-чешски молодая женщина.

Хорошо смазанное колесо ЗИФа эффектно крутилось.

— Звоните... в полицию! — пробормотал Марош и с трудом приподнялся.

На лице дамочки выразился ужас.

— Господи, мои новые права! У вас ничего не болит? — спросила она дрожащим голосом.

— В голове гудит, — отвечал Марош, — и колено вывихнуто.

Он прошел пару шагов и с болезненной гримасой оперся об урчащую машинку, — Вы мчались с бешеной скоростью, мадам. За это ведь можно и прав лишиться. Надо было вам так гнать? Вы же могли меня убить!

И без того уже бледная женщина побледнела еще больше.

Марош с садистским выражением добавил, — У меня жена и ребенок, но вам на это, конечно, наплевать, жмете себе на газ до ста десяти!

— Сейчас я вас перевяжу... — задрожала от страха дамочка и вытащила из машины новенькую девственно чистую аптечку.

Трясущимися руками она принялась отвинчивать пробку у пузырька с йодом.

Марош презрительно вырвал у нее из рук пластиковую коробку и ловко перевязал себе колено, — Врач теперь заставит целую неделю дома сидеть. Меня же с работы уволят!

— Я бы могла дать вам, знаете, в качестве компенсации..., — женщина раскрыла сумочку.

Этого-то он и ждал. Этого момента, достойного звуков органа, когда все его регистры ревут на полную мощь, и под рокот труб с облаков вместо Сына Божия и Святого Духа с улыбкой глядят на вас знакомые лица с денежных знаков государственного казначейства — Глинка со Штефаником. А подпись председателя Госбанка вьется рядом, словно дивный орнамент.

Марош прижмурил глаза от удовольствия.

— Вот, — женщина подавала ему совсем другие картинки, — Больше у меня нет.

Марош взглянул на две банкноты по сто евро, похожие на лотерейные билеты, и в уме быстро пересчитал их по вчерашнему курсу. Больше восьми тысяч словацких крон! Ого-го-о! Он глубоко вздохнул и мгновенным хищным движением схватил купюры.

На лице женщины мелькнуло сомнение, но гудки машин, мчащихся вниз, к городу, заставили ее сесть в свое авто цвета красный металлик. Как бы то ни было, но быстрые шаги выдавали ее облегчение. Она захлопнула дверцу и еще раз взглянула на Мароша. У того очень кстати выпал из рук неистребимый советский велосипед, его верный кормилец. И он нагнулся за ним с деланным усилием.

«Хендай» взял старт, и теплый ветерок августовского утра унес прочь бензиновое облачко. Свинцовые выхлопы радостно сели на мелкие кислые яблочки, украшавшие сучья кривой яблони. Когда-то очень давно ее посадил возле дороги какой-то наивный человек, возможно, даже далекий предок Мароша, счастливец, который в своей жизни видел лошадей намного чаще, чем четырехтактные двигатели.

Земля дрожала. Где-то далеко тяжелые клепальные молоты сшивали Европу.

Словно разноцветные заплатки на бархатном пиджаке пестрели новые государства Евросоюза, пытающиеся сохранить свое достоинство в предстоящем слиянии, единственной видимой целью которого был общий рынок. Да еще не слишком убедительно декларируемая солидарность сильных со слабыми. Обитатели заплаток понимали, что старая Европа будет красоваться перед остальным миром, поворачиваясь поначалу лишь той стороной пиджака, где не видно кричаще ярких пятен, и не ломали себе над всем этим голову.

Но кто знает, не упустили ли они тем самым исторический момент искренней радости по поводу будущего объединения? Многие, возможно, и ощутили ее, но проглотили молча, как уже сотни раз проглатывали все прочее, убедившись на собственном опыте: колесо истории продолжает крутиться, хоть с нами, хоть без нас.

Наверно, немногие верили в то, что на европейском континенте может повториться чудо того плавильного котла, который сотни лет назад превратил пришедшие народы, заселившие североамериканские земли, в компактный организм с единым телом и общим образом мыслей, произведя при этом на свет наиболее часто упоминаемое и порицаемое в истории сочетание букв — США.

И все же, несмотря на все сомнения, было очевидно, что с маленькой Словакией не могло приключиться ничего лучшего, чем быть пришитой к остальным кускам Европы, которая создала такие шедевры духа, как храм святого Петра, психоанализ и мультфильм «Yellow Submarine». Но чем дальше от столицы, тем меньше удары клепальных молотов ощущались в повседневной жизни обывателей.

А в эпицентре нашего повествования, в семитысячном городе Вельке Ройе, земля не колебалась совсем. Последнее происшествие, достойное упоминания, случилось пятнадцать лет тому назад и было отражено в местных хрониках как небольшое землетрясение, в результате которого образовалась трещина на тротуаре возле детского сада им. М.Р. Штефаника, ущерб от чего составил 12 860 крон, а также трагически погиб один гражданин.

О том, что гражданин этот умер не простой смертью, что его поглотила земля, и тело до сих пор не найдено, никто особенно не распространялся. Как и о том, что незадолго до того случая это был самый выдающийся местный гражданин, о котором, впрочем, тут еще будет речь.

А уж почему город назывался Вельке Ройе, этого не мог объяснить никто. Крупномасштабным разведением пчел здесь никто не занимался, и в хрониках о них не было ни малейшего упоминания. Количество ульев в садах местных жителей не превышало среднего показателя по республике, однако никто не возражал, когда в проекте нового городского герба появилась пчела, сидящая на большой деревянной ложке. Производство деревянных ложек имело здесь давнюю традицию и за минувшее столетие постепенно переместилось из окрестных деревушек на предприятие «Древочас», которое из самых благих побуждений дополнило со временем свой ассортимент непригодной для сбыта мебелью.

Вельке Ройе были городом, который история обошла стороной.

Карета императора проследовала через этот населенный пункт лишь однажды, и только благодаря тому, что у нее сломалось колесо, и теперь городской музей может гордиться ценным экспонатом — помятым железным ободом этого колеса. Турки досюда не добрались, гуситы прошли мимо этой долины, да и гурбановцы не набрали здесь даже воды в свои фляги. В первую мировую отсюда отправили на фронт только десять человек, из которых шестеро вернулись, а остальным четверым город поставил памятник в виде мраморного солдата с мраморной винтовкой, которой больше всего восхищались дети, постоянно пытаясь залезть на постамент и снять с предохранителя мраморный затвор.

Партизаны сражались лишь в соседнем районе, однако, к счастью, вырыли себе землянку и на местной территории, так что Вельке Ройе с полным правом могли провозгласить себя повстанческим поселком, за что позднее получили статус города. В августе 1968 г. как раз был общезаводской отпуск, а потому «Древо-

час» оказался единственным предприятием в районе, не поддержавшим забастовку протеста против вторжения союзных войск, в связи с чем удостоился высокой награды — «Ордена Красной звезды» — и к буквам своего названия на воротах гордо приварил железные звездочки. До ноября 1989 г. отсюда эмигрировало лишь трое молодых людей, о которых потом никто ничего не слышал, поэтому нельзя опровергнуть домыслы, будто они вступили в Иностранный легион, распространявшиеся в ресторане отеля «Горец» после принятия на грудь «Фернета Бранко» с тоником.

«Бархатная революция» также прошла здесь без единой затрещины и угроз в адрес членов коммунистической партии, потому что в этой партии состоял каждый третий горожанин («Я делал это ради детей!»), у каждого второго в ней был кто-то из близких («Ну не пойду же я против родного брата!»), и каждый имел хотя бы одного закадычного приятеля-коммуниста («Знаешь, что он мне иной раз говорил за пивом?!»). Единственный настоящий местный диссидент Владо Юраш тихо вернулся из тюрьмы и стал честно зарабатывать на жизнь трудом мелкого предпринимателя-автомеханика.

Над городом возвышалась вершина Яворове с телевизионной вышкой, а глубоко в горах прятались останки советской военной базы, которую, к счастью, так и не успели достроить.

Будни города шли чередой, не омрачаемые ни потрясениями, ни колебаниями, земля под ногами горожан была тверда вплоть до того самого четверга,... хотя нет, не будем забегать вперед, еще ведь только среда, в данную минуту — довольно позднее утро, Марош по-прежнему вертит в руках две сотни евро и радуется удаче. Августовский воздух над полями становится все жарче, и атмосферные потоки уносят летучие наночастицы пылицы, поднятой шуршанием купюр, вверх, в заоблачные выси.

Одна из наночастиц поймала нужную струю, и теперь широкая труба горячего воздуха увлекает ее ввысь, где она сталкивается с холодной массой ветра и после головокружительного сальто-мортале, покачиваясь, скользит вниз, по направлению к городу. С высоты полета пылицы хорошо различима геометрическая четкость улиц, которые в виде лучей разбегаются от площади со старыми домами и необычным строением посреди, сверху напоминающим ракету на старте, однако пылице некогда любоваться городским центром, вокруг которого на почтительном расстоянии держатся панельные районы-спутники, поскольку холодный воздушный поток несет ее к холму напротив, к ряду совершенно одинаковых домов с палисадниками, двумя окнами и двускатными крышами, она уже видит деталь одного из них, бельевые веревки, на которые темноволосая женщина как раз в этот момент развешивает мокрые трусы, и вот уже неуправляемая наночастица без каких бы то ни было наноэмоций несется прямо к лицу этой женщины, засасывается внутрь гигантским отверстием ноздри, со страшной скоростью врежется в вибрирующие ворсинки теплой розовой слизи, и та моментально включает древние защитные механизмы, отдавая легким приказ задержать дыхание, сжать диафрагму и сильным толчком воздуха изгнать наночужака из тела.

Среда, день

— Будь здорова, — прорычал Психованный Шани.

Милка утерла слезы, брызнувшие из ее глаз при чихании. Она чуть зашаталась, непроизвольно глянув на солнце, и чихнула во второй раз.

Шани уже не стал утруждаться вежливым пожеланием и поспешно скрылся на задний двор. Под рубашкой он что-то неловко прятал. Милка быстро закрепила прищепками остальное белье и двинулась за свежком.

Шани Куян, отец Мароша, принципиально занимался усовершенствованием того, что никому не было нужно, и изобретал вещи, которых от него никто не требовал. Это был человек Возрождения, который мог построить в доме трубопровод для вакуумной почты, работающей от пылесоса «ЭТА», чтобы рассылать детям приказы, но починить фен или наточить ножи было ниже его достоинства.

— Мелко плавааете, — говорил он в таких случаях.

Милка на ходу бросила быстрый взгляд в окно детской — Петько, высунув язык, соединял желтую и красную детальки «Лего». Она обежала дом и взялась за ручку ворот, ведущих на задний двор. Ворота оказались заперты.

— Отец, откройте! — закричала Милка, — я знаю, что вы там.

Вместо ответа послышался скрежет металла о металл. Шани заканчивал работу над очередным изобретением.

— Отец! — крикнула Милка громче.

Скрежет заметно усилился.

— Если не откроете, я высажу ворота! — сердито прокричала Милка.

Металлический скрежет утих. Через некоторое время он возобновился, на этот раз с еще большей интенсивностью. Милка понимала, что ворота ей не высадить.

— Иду за топором! — пригрозила она.

Скрежету обрабатываемого металла вторил ехидный смех. Ворота были сделаны так, чтобы на полигон Шани не смогло попасть ни одно постороннее лицо. Теперь оттуда послышалось шипение. Шани выпускал из баллона газ.

— Вы же нас взорвете! Меня и ребенка! — истерически кричала Милка.

Шипение газа временами перекрывало ее крики. Старый маньяк в укрепленном, словно крепость, саду наверняка проводил испытания очередного изобретения. Последнее его изделие — карманный огнемет для уничтожения осиных гнезд, работающий на модифицированном бензине, который Шани старательно возгонял, не подозревая, что изготовил нечто подобное напалму, — изъездила полиция после того, как он поджег деревянный забор, возле которого несчастные осы строили свое временное пристанище. А поскольку по другую сторону забора проживала секретарша мэра Вельких Ройов, полицейская операция была молниеносной, решительной и действенной.

— Полицейское государство! — выкрикивал побитый Шани.

В протоколе патрульные зафиксировали, что Шани напал на них с применением огнемета, а свидетельство двух полицейских против одного сомнительного гражданина здесь все еще имело силу закона. Сейчас же он явно не желал прекращать испытания, поскольку невестка находилась на его территории.

Милка отступила на полшага назад, прикидывая, как бы поскорее схватить в охапку Петько и сберегательные книжки, но потом в ней снова проснулся боевой дух.

— Отец? — проговорила она с деланным спокойствием, — если не откроете ворота, я остановлю опыт в прачечной.

Шипение газа стихло. Слышно было, как звякнули инструменты, и вскоре ворота открылись.

Вышел разгневанный Шани, — Опыт еще идет?!

Его глаза опасно блестели.

Милка кивнула. В подвале, где в более счастливые времена держали стиральную машину, гладильную доску и соковарку, теперь стоял котел с лопастью, которая круглые сутки месила какую-то жидкость, чей состав и назначение Шани никому не открывал. По документам дом принадлежал свекру, и Милка Куянова жила там с Марошем и Петько только лишь потому, что получить квартиру в Вельких Ройях было нереально.

— Я вырублю вам электричество, если не покажете, что вы там делаете! — настаивала невестка.

Нужно сказать, что когда она не злилась — и это могли бы подтвердить многие мужчины — она была очень хороша собой. Когда ее ваял всевышний, у него, видимо, закончились все краски, кроме черной, однако темные волосы и темные глаза придавали ее овальному лицу экзотическую прелесть. Встретив ее на улице, люди испытывали ощущение, будто где-то уже видели ее, но тут же забывали об этом. Все, кроме Мароша. Он-то давно понял, что жена напоминает ему иллюстрации из книги «Египтянин Синухит», одной из немногих, дочитанных им до конца. Поэтому он любил ее еще больше.

— Вырублю! — повторила Милка.

— Мелко плаваешь, — проворчал свекор и отошел в сторонку.

Посреди небольшого сада, надежно скрытая от любопытных взоров высоким железным забором, стояла почти двухметровая ракета, к которой были подключены трубки сварочных аппаратов. Милке стало дурно. Еще минута, и все взлетело бы на воздух.

Верхушка ракеты была открыта, словно горлышко у пивной бутылки. На круглой, диаметром сантиметров в двадцать площадке что-то шевелилось. Милка наклонилась над корпусом с оранжевыми буквами на боку «СОЮЗ 333». Приклеенная изолентой, в кабине космического корабля металась морская свинка.

— Вы украли Габакука?! — взревела Милка голосом античной богини.

Она принялась срывать ленту, но путы были слишком крепкими.

— Всех нас со свету сживете! — кричала она.

Морская свинка, ободренная голосом хозяйки, помогала своей спасительнице отчаянным писком. Не прошло и четверти часа с той поры, как она спокойно дремала в уютной клетке, пока старческие руки злодея-изобретателя не вытащили ее из теплого гнездышка и не спрятали под рубашку.

— В прошлый раз вы убили песчанку! — продолжала негодовать Милка.

Покойный грызун стал жертвой опыта, во время которого ему пришлось против собственной воли тестировать центрифугу для космонавтов, сделанную

из барабана стиральной машины. Песчанка не выдержала перегрузки в сотни g, и Милка с сыном похоронили ее в конфетной коробке, завернув в полиэтилен.

— В этот раз я обо всем позаботился! — обиженно оправдывался Шани.

Возле порванной изоленты лежала очищенная морковка и половинка яблока — пища будущего космонавта.

— Если уж вам на нас наплевать, отец, не отбирайте, по крайней мере, животных у ребенка! — закончила Милка.

«СОЮЗ 333» одиноко стоял посреди сада, похожий на огромную бутылку с пивом, которому суждено вечно выдыхаться.

— Посмотри, Габакук ходил на прогулку, — солгала она ребенку и положила ошалевшую от стресса морскую свинку назад в клетку.

Та моментально забралась в пластмассовый домик, похожий на большую сардельку, и два дня не высовывала оттуда носа. Милка быстро одела мальчика, и они вышли во двор.

— Да, еще же ключи от магазина, — сказала она сыну и вернулась в комнату.

Половина дома, в которой они жили, по понятным причинам выходила окнами на улицу, а не в сад-полигон.

Милка задержалась лишь на минуту, но Петько успел подбежать к приоткрытым воротам и горящими от восторга глазами глядел на дедушкину ракету.

— Бу-у-ум! — проговорил мальчик.

— А ты хотел бы полетать? Когда-нибудь я тебе такую построю, — шепнул ему Шани, поскольку уже приближалась его мать со зловеще сжатыми губами.

— Пошли! — и она повела упирающегося сына в детский сад.

— Мелко плаваετε, — подвел итог изобретатель и вернулся к себе на космические рубежи.

А совсем неподалеку трудолюбивые пчелы собирали своими ножными щечками с цветов наноаллергены, чтобы затем в результате потаенных процессов превратить их в столь востребованный мед.

Перевод Людмилы Широковой

ВСПОМИНАЕМ...

А. Машкова

ТРАГИЧЕСКОЕ В ТВОРЧЕСТВЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ЙОЗЕФА ЦИГЕРА-ГРОНСКОГО

К 120-летию со дня рождения писателя

Творчество Йозефа Цигера-Гронского (1896–1960) относится к переходному этапу развития словацкой прозы. С одной стороны, еще были живы традиции классика словацкой литературы рубежа XIX–XX веков, одного из основоположников словацкого реализма Мартина Кукучина, его понимание и художественная трактовка деревенской тематики и жизни крестьянина, с другой — уже появились произведения Мило Урбана, Петера Илемницкого на эту же тему, только раскрытую в символистско-мифологическом ключе. В целом реалистически ориентированное творчество Гронского представляет собой сложный синтез различных творческих концепций — «мини-реализма» (термин А. Матушки), импрессионизма, экспрессионизма, натурализма.

Родился Гронский 23 февраля 1896 года в семье рабочего. Окончив начальную школу, продолжил свое обра-

зование в венгерском педагогическом училище в Левицах. В период с 1917 г. по 1919 г. находился на итальянском фронте, участвовал в военных действиях в качестве солдата Австро-Венгерской армии. Затем — работа учителем в Мартине, редактирование журнала «Солнышко». Активно включившись в культурную жизнь страны, он оставляет работу учителя и становится сначала секретарем (с 1933 года), а затем председателем (с 1940 года) Матицы словацкой. После окончания войны Гронский эмигрировал в Австрию, затем переехал в Италию. Последние годы жизни провел в Аргентине, где принимал активное участие в жизни словацких эмигрантов, а также в создании Зарубежной Матицы словацкой. Скончался Гронский в аргентинском местечке Лухано. После «нежной» революции 1989 года его прах был перевезен в Словакию и захоронен на Национальном кладбище в Мартине.

Начальный этап творчества Гронского приходится на 1920-е годы. Он пишет рассказы в традициях классического реализма, в которых повествует о жизни простого человека, крестьянина, интересы которого не выходят за рамки сугубо личных проблем и интересов. В этих рассказах есть многое, что найдет свое развитие в последующем творчестве писателя. Прежде всего — это мастерство создания психологических портретов, внимание к иррациональным моментам человеческого существования, поэтизация природы и слитность с ней человека, предопределенность его судьбы и др. Иначе говоря, уже в первых опытах Гронского обозначился выход за рамки реалистической концепции. Именно по этому пути пойдет писатель в своем дальнейшем творчестве, в котором постепенно нарастала тяга к воссозданию трагических моментов жизни человека, передаваемых с помощью экспрессионистической поэтики (романы «Желтый дом в Клокоче», 1927, «Пророчество доктора Станковского», 1930).

В 1930-е годы активность Гронского резко возросла. Он пишет романы «Хлеб» (1931), «Йозеф Мак» (1933), «На перепутье» (1930), публикует сборники рассказов. В первом романе автор рисует жизнь деревни как коллектива, как «мифологизированный организм, олицетворяющий законы земли и хлеба» (Я. Штевчек). Решающим моментом в этой жизни является животворящая сила природы и воля Всевышнего. Именно они, с точки зрения автора, и предопределяют тот круговорот, в котором пребывают жители деревни, находящиеся во власти судьбы и рока.

Еще более трагическое звучание обретают образы героев в экспрессионистическом романе «Йозеф Мак», в котором как бы синтезированы достижения Мартина Кукучина (новеллы, роман «Дом на склоне») и Мило Урбана (роман «Живой бич»). Главный персонаж романа — Йозеф Мак, словно маковое зернышко, — один из миллионов таких, как он, несчастных людей. Пройдя через многочисленные испытания, падения, разочарования, он воспринимает все несчастья как данность. Для него все это — просто жизнь. И даже коснувшись самого дна, он не испытывает ощущения безнадежности, отчаяния. Он просто продолжает жить и терпеть. По сути это своего рода катарсис, который является уделом не только этого конкретного человека, но и символом судеб и жизней миллионов. А в более широком плане — символом времени, эпохи. Идею катарсиса через страдание предопределяет в самом начале романа сцена появления Христа над колыбелью новорожденного Йозефа Мака. У Христа не было подарков для малыша, и он вместо подарков одарил его лишь распятыми руками. Как призыв к долготерпению и смирению и одновременно как вера в силу духа героя звучат заключительные строчки романа, передающие его пафос:

«Крепись, Йозеф Мак.

Ты — человек-миллион, значит, ты не то еще выдержишь, неправда, что нет ничего тверже камня и прочнее стали, — больше всего на свете может выдержать простой Йозеф Мак».

Исполнены трагизма и следующие романы Гронского («Писарь Грач», 1940, «Мастер Андриас Бур», 1948). Тема войны присутствовала во многих

произведениях писателя. Война являлась частью жизненного опыта героев. Обычно даже отдаленное присутствие этой темы придавало произведениям трагическое звучание. В романе «Писарь Грач» военная тематика обретает философский характер. Поиски смысла жизни героем, прошедшим испытания войной, заводят его в тупик, выход из которого он находит в эмоциональной сфере, в любви, которая становится для него своего рода очищением. В любви, в дружбе проходит свое очищение и персонаж романа-легенды «Мастер Андреас Бур». Будучи антиподом Йожефу Маку, он наделен чертами нищенского сверхчеловека, это фигура исключительная, окутанная мифами, ибо он — герой легенды, сохранившейся в памяти словацких крестьян о событиях XVIII–XIX веков, произошедших в Бойницком замке.

Последним романом Гронского, который он написал в эмиграции, был «Люди на Трясине» (опубликован в 1960 году). В Словакии книга по политическим соображениям увидела свет только в 1991 году. Причина тому — трактовка писателем антифашистского Словацкого национального восстания августа 1944 года как события, направ-

ленного против словацкой государственности и христианской веры, а самой войны — лишь как антигуманного фактора. В этом смысле не случайно само название деревни, где происходит действие книги, — Трясина. Не разделяя фашистской идеологии, Гронский в то же время не поддерживал идеи коммунизма, считая восстание поводом для захвата власти коммунистами. Этими особенностями философских и политических взглядов и обусловлен его подход и оценка событий августа 1944 года в романе.

Несмотря на многочисленные трагедии, которые преследуют героев Гронского, его произведения нельзя назвать пессимистическими, ибо опорой для персонажей, как и для их создателя, была народная мудрость, заключенная в единении человека и природы, вера в животворящую силу Господа. В этом смысле символическая концовка романа «Мир на Трясине», запечатлевшая жителей деревни, стоящих на коленях перед костелом и исполненных решимости, несмотря на все трудности, жить на своей земле в труде и с верой в Господа, выражает состояние писателя, прожившего значительную часть своей жизни на чужбине.

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА ЙОЗЕФА ЦИГЕРА-ГРОНСКОГО «ЙОЗЕФ МАК»

И случилось это в четверг.

А в понедельник пал иней.

Известно, что иней — самое нарядное покрывало. Он является взору не во всяком месте и не во всякое время. Прекрасное покрывало к лицу поседевшим лугам, но сегодня оно не застилало ни равнин, ни косогоров.

К лицу он и березовой ветке, она лучится матовым светом, чтобы не быть назойливой в своем великолепии и не бить в глаза всем без разбору.

Но нынче нет его и на березовой ветке.

Не лег иней ни на сосны, ни на ракеты и явился не в полночный час, как обыкновенно, а средь бела дня, и явился только в избу Йозефа Мака.

Да и там расстелился не по всей избе и не по всей горнице, а опустился лишь на Юлино лицо.

На лоб, не сомкнутые веки, на бледные губы.

На Юлину светлую улыбку.

Да, Юля продолжала улыбаться и после того, как умерла.

Радость, нараставшая в ней в последние дни, не могла погаснуть так внезапно и тихо, как погасла кроткая Юля. Не может так быть! ... Радость умирает постепенно или не умирает никогда, особенно там, где она редкий и скупой гость.

Иногда она прекрасна и в своем умирании.

Поглядите на свечи, стерегущие Юлину радость, как они склоняют язычки пламени, будто переговариваются между собой, мигают, порой даже весело, и поднимают переполох только с первыми звуками большого колокола. Того, у которого степенный, величавый бас. Он никогда не шутит и потому заслуживает внимания.

И тогда еще поднимают тревогу свечи, когда сквозь густой строй певчих и молящихся баб бросают взгляд в тот угол, где сидит Йозеф Мак.

Мак тоже заслуживает внимания.

Он встает, подходит к гробу, смотрит на нетающий иней и читает на нем такие слова:

«Не серчай на меня, Йожка, ведь я ни в чем не виновата. Кабы я хоть малость верила, кабы я хоть раньше поверила, что придет день, когда ты будешь любить меня, я бы не допустила, чтобы иссякли до последней капли мои силы. Я держалась бы за жизнь изо всей мочи, цепко, как держится плесень на камне. Я бы не позволила извести себя... Кабы чуть раньше... Ведь у меня уже сердце начало биться, да только я и сама не знаю, отчего и как оно остановилось. Я бы и заплакала, кабы могла, так прости же меня, Йожка, и радей о детях. Поверь, кабы могла, я устремилась бы с небес к вам, я не жалела бы что угодно, бросить ради вас, но...»

Йозеф Мак вынужден был отвернуть лицо и раз, и два и вернуться в свой угол.

Там он сидит, сирый и несчастный.

Ну, а у несчастного, как водится, беда за бедой, так что слушай, Йозеф Мак, чтобы печаль твоя стала беде еще горше. Не хочешь? Как хочешь. Только тебе не уйти, придется слушать, раз ты здесь. Знай же, это еще не конец. В романах с Йозефом Маком сделают такое, чтобы его больше и на свете не было. Но жизнь не роман, жизнь — это скалы, долины, горы, бревна, топор, страсти, хлеб и иней, — это не декорация, которую можно переставлять с места на место в угоду фантазии. Ты простой человек, а простой человек обязан блюсти великий закон: во второй половине жизни, умудренный опытом, ты должен позать то, что посеяно тобой, еще неискушенным, в первой половине. Можно согласиться, что этот закон смехотворен, но помочь тут ничем нельзя, ибо закон есть закон. И даже во сне не вздумай отчаиваться, роптать или богохульствовать. Завтра ты пойдешь вместе с другими, проведешь восковую Деву Марию с дырявыми ланитами, и всегда будет так: что-то убудет и что-то прибудет...

Крепись, Йозеф Мак.

Ты — человек-миллион, значит, ты не то еще выдержишь, неправда, что нет ничего тверже камня и прочнее стали — больше всего на свете может выдержать простой Йозеф Мак.

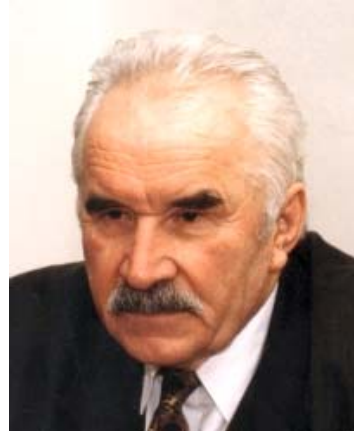
Перевод Ирины Богдановой

Из книги: Йозеф Цигер-Гронский «Йозеф Мак». М., 1972

ЗАМЕТКИ О ЖИЗНИ ЯНА ШТЕВЧЕКА

Ян Штевчек (1929–1996) — известный словацкий ученый, литературный критик, писатель, педагог, автор книг: «Балладная проза Франтишека Швантнера (1962), «Лирическая форма словацкой прозы» (1969), «Незамеченные прозы» (1971), «Лиризованная проза» (1973), «Эстетика и литература» (1977), «История словацкого романа» (1989), «Литературно-исторические этюды» (1996) и др.

Вниманию читателей предлагается доклад-воспоминание сестры Яна Штевчека, который прозвучал на Конференции, посвященной 85-летию со дня рождения Яна Штевчека (Братислава, Университет Коменского, 2014 год).

Я с благодарностью воспринимаю почин кафедры словацкой литературы и теории литературы, организовавшей научную конференцию по случаю восьмидесятипятилетнего юбилея моего покойного брата Янко. (...) Полагаю, что картина творческого наследия Яна Штевчека была бы неполной без рассказа о его жизни. Поэтому я с удовольствием участвую в этой конференции и хочу вспомнить несколько эпизодов из жизни брата.

Отец Штевчека происходил из рода знаменитых каменщиков, проживавших в деревне Вавришово Липтовского края. Прадед участвовал в строительстве здания Парламента в Будапеште, дед, как об этом рассказывается в книге Мирослава Антона Гуско «Липтовские каменщики» (1968), долгие годы

складывал заводские печи в Чикаго. Я упоминаю эти факты потому, что в различных публикациях ошибочно упоминается, будто семья Штевчеков родом из Восточной Словакии, где после женитьбы проживал только самый старший сын — Ондрей, отец нашего двоюродного брата — Павола.

Вспомним некоторые эпизоды из жизни Янко. Он родился в Мыто под Дюмбьером. Его мать происходила из старинного дворянского рода Энглер — Дубеци. Еще совсем недавно там стояла дворянская усадьба наших предков, которая имела уникальную архитектуру. Профессор Альфред Пиффл вместе со студентами приезжал туда, чтобы нарисовать ее. Родительский дом Янко, стоящий в центре Мыта под Дюмбьером, был построен в 1910 году

его дедом и бабушкой — Йозефом Шариком-Ягером и Марией, урожденной Дубеци. Они были богаты, поэтому их дом называли «домом богатеев».

Начальную школу Янко посещал в родном местечке, его учителем был Франтишек Швантнер¹. После учебы он вместе с двоюродным братом Любомиром ходил к Тибору Андрашовану, который учил их играть на скрипке. Однажды учитель, дав им задание, отправился к своей любовнице. Он запер их, и после трех часов ожидания, когда они уже не могли больше терпеть, они написали ему прямо в железную печку.

Источником вдохновения для наблюдательного мальчика служили природа и люди. Когда туман спускался со склонов гор, с Дюмбьера, с Шариковой вершины, где паслись овцы, начинались грозы, шли дожди, возникала угрюмая атмосфера лиризованной прозы. Малый мир Мыта под Дюмбером становился источником эстетического контакта между человеком и природой. Именно в этой атмосфере рождались произведения Швантнера «Малка» и «Невеста горных лугов». Например, героем романа «Невеста горных лугов» был Таво, которого я знала лично. Он жил в покосившейся избе, расположенной в центре деревни. Когда, будучи еще совсем маленькой, я проходила мимо этого дома, от страха мурашки пробегали у меня по спине. Таво был пьяница и мерзавец, он бил свою жену и дочку Квету. Я не могу сказать, чтобы на меня в детском возрасте оказала воздействие проза Швантнера, Швантнер же вдохновлялся реальной

фигурой, а мой брат черпал вдохновение у Швантнера. Мало кто из учеников способен был понять особенности сложного, в психологическом отношении трудного характера учителя. Швантнер обратил внимание на то, с каким вниманием и любопытством слушает его девятилетний мальчик и как он переживает все услышанное, поэтому он пришел к заключению, что Янко следует покинуть деревенскую школу и что его талант должен развиваться в школах Банской Быстрицы. Через год Янко и его старшая сестра поступили в школу в Банской Быстрице. По этой причине родители, взвесив все «за» и «против», тоже перебрались в Быстрицу. Мы жили на улице Разуса 14, неподалеку от Евангелического костела, в доме, где раньше жил известный банскобыстрицкий художник Андрей Штольман. Рядом с ним, в соседнем доме, в современной вилле проживала сестра Тисо² пани Турчкова с супругом и дочкой Эвой. Красавец гимназист Янко очень нравился Эве, и она влюбилась в него. Некоторое время они дружили, однако у Янко в то время не было намерения завязать серьезные отношения, к тому же и в идеологическом плане они не понимали друг друга. К этому же периоду моих воспоминаний можно отнести и эпизод, когда Йозеф Тисо был приговорен к смертной казни, и его сестра пришла с ним попрощаться. Он спросил о своей племяннице Эве и когда узнал, что она дружит с чехом, сказал, что жаль, что ему было бы приятнее, если бы она дружила с тем евангелистом.

¹ Франтишек Швантнер (1912–1950) — известный словацкий писатель, автор романа «Невеста горных лугов» (1946).

² Йозеф Тисо (1887–1947) — президент Первой Словацкой Республики (1939–1945), теолог.

Вернемся к периоду войны, когда в жизни Янко произошло немало драматических событий. Родители считали что, мы с ним будем в безопасности у бабушки в Мыте под Дюмбьером. Дети, ровесники Янко, находили в деревне оружие. Они договорились, что уйдут в партизаны. Однажды ночью Янко с рюкзачком за плечами прокрался из спальни с намерением отправиться в поисках приключений. Энергичная бабушка увидела его и решительно преградила дорогу. Она объяснила мальчику, что для этого необходимо согласие родителей. Не прошло и трех дней, как ребята застрелили двух немцев, двоюродного брата Юлко вместе с другими детьми задержали. Их повесили. Это была семейная трагедия. Эти трагические события все еще живут во мне, хотя прошло уже семьдесят лет со дня окончания войны.

После подавления Словацкого национального восстания мы жили в дачном домике, который принадлежал нашей тете Мальвине. Ее мужа схватили и вместе с колонной пленных переправили через Чертовицу, а затем в Карловой Леготе погрузили в вагоны для скота и отправили в Германию. Тетя собрала все деньги, украшения и попыталась выкупить своего мужа, но ей это не удалось. В домике остались шестнадцатилетний Янко, двоюродный брат Любо, который был на год старше, я и прислуга. Однажды пришли немцы, которые оставили в саду семь гнедков, сказав, что позже заберут их. Потом появились ловкачи из Горегрония с бумагой от немцев, где говорилось, будто они могут забрать лошадей. Несколько дней спустя вернулись владельцы лошадей. Они разъярились — напрасно мы

показывали им немецкую бумагу. Они решили застрелить старшего: это был Любомир. После переговоров согласились на выкуп. Однако денег, драгоценностей в доме не было. Янко на велосипеде носился по Мыту, но ему никто не помог. Потом он побежал к леснику в Глинку. Тот дал деньги и пять литров меда. Служанка собрала продукты, которые оставались в доме, и немцы были довольны. Янко спас уже привязанного двоюродного брата. После этих событий родители снова забрали нас в Банскую Быстрицу. О других переживаниях моего брата я уже не буду упоминать.

Наша мама, будучи страстной любительницей книг, заложила хороший фундамент для нашего образования. Она следила за новинками, которые поступали в книжные магазины, посещала библиотеки и как член клуба любителей литературы имела возможность заказывать книги в ОДХЛ (Обществе друзей художественной литературы) и в ЕЛК (Европейском литературном клубе). Таким образом, мы познакомились с сокровищами мировой литературы. Ее библиотека стала основой и душой богатейшей домашней библиотеки Янко.

В гимназии Янко выделялся среди других учеников, он писал стихи, отлично рисовал, его любили и учителя, и одноклассники. После экзаменов на аттестат зрелости он поступил на философский факультет Университета Коменского в Братиславе, где учился очень успешно. На факультете, как известно, он работал долгие годы, сначала в качестве ассистента Микулаша Бакоша, а затем — как заведующий кафедрой словацкой литературы и теории литературы.

Еще о Швантнере. Я имела возможность наблюдать, как с течением времени из учителя Янко тот превращался в его ученика. Янко советовал ему, редактировал его книги и занимался его личными проблемами.

Швантнер и по сей день живет в сознании словацкой культурной общности. В Словацком национальном театре в январе 2015 года была осуществлена постановка его романа «Невеста горных лугов», сценарий которого написал режиссер Роман Полак. Роли исполняли отличные актеры (Душан Имрих, Соня Валентова, Леопольд Гаверл, Божидара Турзонова и другие). Я считаю, что это в какой-то мере заслуга и моего брата тоже.

Защитив кандидатскую диссертацию и став доцентом, Янко читал лекции о словацкой литературе в университетах Будапешта, затем Страсбурга. Своим большим успехом за границей он считал лекцию о Франтишке Швантнере и Жане Жионо, в которой сравнивал изображение словацкой и французской деревни. Из французских писателей он любил Бодлера, Сартра и других. Он был покорен Мирославом Валеком и представлял его поэзию французской аудитории.

Все его творчество представляет собой как бы несколько временных и тематических волн, связанных между собой сквозными мотивами. Своей личностью и творчеством он обогащал кафедру, его долголетнее пребывание на ней оставило в ее истории заметный след. Его лекции пользовались огромным успехом. Вспоминаются переполненные аудитории и стоящие в коридоре студенты, так как все места были уже заняты. Я сама это пере-

жила. Тогда я не видела в этом ничего особенного.

Заслугой Янко является также проникновение словацкой литературы в не очень знакомую с ней Францию. Я помню, как один из французских поэтов в частном разговоре с ним сказал, что примеры, которые он приводит, не просто очень тонкие — они как бы несут на себе отпечаток его фамилии, украшенной двумя галочками (Števček — А.М.). Это имело двоякий смысл.

Янко был врожденным эстетом, писал исключительно об истинных сокровищах словацкой литературы. К известным писателям и их произведениям он обращался на протяжении всей своей жизни, начиная с юности и заканчивая зрелым возрастом. В своих теоретических работах, в публикациях он исследовал лиризованную прозу, натурализм и экспрессионизм. Ему близко было и изобразительное искусство. Так возникла книга о Яне Кулихе, предисловие к которой написали Ян Декан и Ян Штевчек. В Словацком национальном театре он заведовал литературным отделом, потому что любил театр, актеров и актрис.

(...) Мы часто встречались с Янко, он посвящал меня в свои литературные дела. У него были большие педагогические и научные заслуги. Его оценили еще при жизни: он получил Национальную премию Словацкой Социалистической Республики (1986), премию «Золотой двойной крест», был удостоен звания «Рыцарь литературы и искусства» за популяризацию французской культуры, которое ему присвоил президент Французской Республики (1996).

На фасаде родного дома Янко в Мыте под Дюмбьером висит памятник

ная доска. Аналогичная памятная доска усилиями Музея литературы и музыки в Банской Быстрице была размещена на улице Разуса на доме, в котором мы жили.

Я отдаю должное, восхищаюсь своим большим Великим братом.

Может, это и не к месту, но я хотела бы сказать, что я не люблю его «Слиа-чские размышления» (1994). Хотя эта

книжка и представляет собой собрание нескольких обычных очерков, она стала его прощанием с жизнью. Его подкосила смерть жены и больное сердце. Он был одинок. Ему не помогла ни бравурная музыка «Ночь на Лысой горе» Мусоргского, ни «Лунная соната» Бетховена. Во время своих ночных бдений он постепенно прощался с жизнью.

Перевод Аллы Машиковой

Из книги: K dielu Jána Števčka. Pri príležitosti nedožitého 85. výročia narodenia. Bratislava. 2015

ПОЗДРАВЛЯЕМ

Н. Шульгина

ВОСЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ ЛЮБОМИРУ ФЕЛДЕКУ

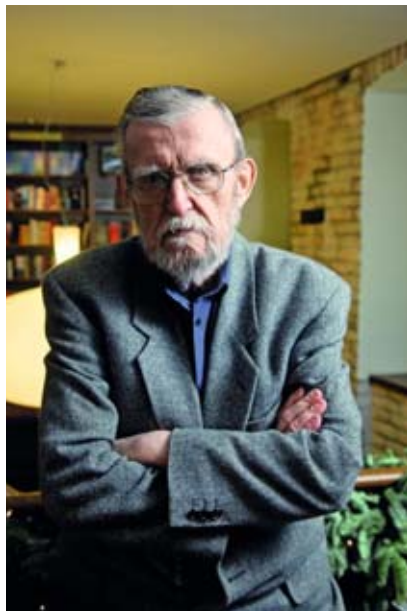
9 октября сего года словацкий писатель Любомир Фелдек отметил свое восьмидесятилетие. Трудно представить себе человека, чей биологический возраст так резко не совпадал бы с календарным. И все потому, что Фелдек прежде всего поэт, а поэты навсегда остаются молодыми. Он — поэт от Бога, поэтическим даром пронизано, одухотворено все, что он создает: и стихи, и пьесы, и проза, и стихотворные переводы с многих языков мира, включая древних, и публицистика, и антологии детских поэтов. Пожалуй, нет ни одной литературной формы, в которой бы он не работал. Любо — поистине человек Возрождения, залетевший в наш скудеющий яркими талантами и творческой энергией век. Как это ему удастся? На этот вопрос он отвечает просто: «Ни одного дня без книги, ни одной потерянной минуты!» Творчество его неохватно, и рассказать обо всем, что он создал, в этом очерке представляется невозможным. Попробуем лишь обоз-

начить основные жанры, которыми он обогатил отечественную литературу и открыл для Словакии литературу мировую.

Как уже было сказано, поэзия преобладает во всем его творчестве: это множество собственных поэтических сборников, это пьесы, среди которых много переведенных или пересказанных пьес для детей, юношества и взрослых. Вообще Любо много пишет для детей, возможно, еще и потому, что у него их пятеро — это, конечно, стихи и несколько книг сказок, различающихся по цвету: «Синяя книга сказок», «Сине-зеленая книга сказок» (2004), «Черно-белая книга сказок» (2011). В его переводах и театральных инсценировках оживают сказки Андерсена, братьев Гримм и других великих сказочников, их герои становятся сородичами словацких детей. Я — переводчик, и, естественно, прежде всего меня потрясает великое множество самых разных по языку и форме переводов Фелдека:

Рембо, Верлен, Ароллинер, Маяковский, Есенин, Лермонтов, Евтушенко... От интерпретации поэзии ацтеков до Булата Окуджавы — можно ли такое вообразить! Причем даже если Фелдек и пользуется подстрочником (иначе было бы немисливо такое языковое разнообразие!), он усиленно работает над архитектурной стихотворного оригинала. Так, переводя Сенеку, он для себя решил сложную проблему амфибрахия в словацком переводе таких стихов, как «И скучно, и грустно...» Лермонтова и «Последний троллейбус» Окуджавы, написанных амфибрахией: ведь размер трехсложных стоп с ударением на втором слоге совершенно неприемлем для словацкого стихосложения с постоянным ударением на первом слоге. Но если так, необходимо было имитировать его большим количеством слов. Например, у Лермонтова: *«I smutno, I nudno, I niet, komu ruku bys dal...»* Или у Окуджавы: *Keď nevládzeš už, keď si nesieš svoj kríž / a nevie ti s ním nikto pomôcť, / ty na trolejbus — na poňák — naskočíš, / Je polnoc. Je polnoc.*

Любо Фелдек — блистательный переводчик Шекспира. Его переводы приблизили английского гения к словацкому современнику. Любо где-то заметил, что Шекспир в переводах начала века (имеется в виду век XX) малодоступны пониманию современного читателя и зрителя, их усилия сродни «работе в рудниках». Его переводы комедий «Сон в летнюю ночь», «Винзорские кумушки» и другие стали переводом в словацком шекспироведении. Любо артистичен, он знает и чувствует пространство сцены, как свой письменный стол. Последний раз я встретила с ним в Братиславе весной 2014 года,

и конечно, он пригласил меня на свой спектакль «Снежная королева». Спектакль полулюбительский, где, в основном, вдохновенно играли дети, но зрительный зал и мы с ним были в восторге. Это была наша последняя встреча. А какой была первая, каким образом на сорок лет мы стали друзьями? Видимо, время рассказать и об этом.

Как-то идя с Винцо Шикулой по одной из братиславских улиц, он увидел впереди размашисто шагавшего высокого, крупного мужчину и сказал: «Вон идет наш знаменитый поэт и мой друг Любо Фелдек». Тогда они дружили, ценили друг друга, хотя и много спорили, работали в одном издательстве «Словацкий писатель» (Шикула заведовал редакцией прозы, Фелдек — редакцией поэзии). Заканчивались семидесятые. К тому времени я перевела трилогию Шикулы «Мастера», много его рассказов и 2–3 новеллы. Друзья встречались

*Любомир Фелдек
и Евгений Евтушенко*

семьями, и я тоже, естественно, стала бывать у Фелдеков. Жили они на Партизанской улице в роскошном особняке, какой и во сне не мог мне присниться (В России о таких виллах тогда никто и не помышлял!).

Некоторое время спустя Любо предложил мне перевести его единственный, но дорогой сердцу роман «Ван Стипхоут» (1980). Я это сделала, и мой труд увенчался успехом: мы навсегда стали с Любо друзьями. Бывало, он в шутку говаривал: «Нина перевела всего Шиккулу и всего меня!» Да, больше он романов не писал и лишь дождался его второго издания, где были восстановлены 20 страниц, изъятые при первом. Дело

было уже после «нежной» революции, в которой Любо, кстати, принимал активное участие, и все, что он описывает в этой главе, озаглавленной «Процесс» и особенно значимой для него, стало возможным. В главе рассказывается о суде над его отцом-адвокатом, неправедно приговоренным к восьми годам заключения. Судьба отца сыграла немалую роль в жизни Фелдека и многое объясняет в сюжетной линии романа...

В этом очерке я хочу представить читателю два небольших эссе Фелдека, посвященных русским поэтам, с которыми он был особенно близок, а также главу из романа «Ван Стипхоут» в моем переводе (М., Радуга, 1984).

РУССКИЕ ТАКИЕ ЖЕ, КАК И МЫ

Вся моя жизнь была посвящена не только отечественной литературе, но и значительная ее часть — переводам русской поэзии. И сейчас мне вспомнилось стихотворение Евтушенко «Мелодия Лары», которое я перевел и опубликовал в избранном из поэзии Евтушенко «Человеческое лицо» (Ex tempore 2007).

В стихотворении говорится о мелодии Лары из американского фильма «Доктор Живаго», снятого по запрещенному в свое время роману Пастернака. Роман получил Нобелевскую премию, но поэта вынудили отказаться от нее. В 1968 году, во времена Дубчека и еще до военной интервенции в ЧССР, роман успел выйти в переводе Зоры Есенской, которая так же, как и Пастернак, в последующие годы подвергалась травле.

К словацкому переводу стихотворения в книге я добавил комментарий — нельзя было не отметить, как сам Евтушенко «протанцевал» свои поэтические строфы в Братиславе. Но еще до того, как поэт «протанцевал» свои строфы, он рассказал публике, как они возникли.

Евтушенко сейчас живет не только в России, но и в Америке, в штате Оклахома, в городе Тулса, где читает (во всяком случае, тогда читал) в университете лекции по русской литературе. Однажды, когда он проходил через городскую площадь, он вдруг услышал знакомую мелодию — мелодию Лары из фильма «Доктор Живаго». Он огляделся, стараясь понять, откуда доносится эта мелодия, и обнаружил, что ее издают большие башенные часы — был, вероятно, полдень (а, может, какое-то иное время), и эта мелодия была запрограммирована в этих часах уже давно, однако Евтушенко раньше не замечал ее. Но в тот день, когда он вдруг расслышал ее, на его глаза навернулись слезы. И не потому, что это была французская мелодия (ее написал Морис Жарр) из американского фильма — его, как человека русского, тронуло и это, — но прежде всего эта мелодия была из фильма о России. Он начал кружиться в вальсе на площади, и американцы, должно быть, подумали, что русский, живущий у них, повредился умом. А придя домой, он написал текст к этой мелодии, а затем и воссоздал ее в стихотворении «Мелодия Лары». И с тех пор на своих выступлениях он не только читает стихотворение, но поет и танцует под эту мелодию.

Мелодия Лары

Я на площади Ютика в Талсе
стою, как щелкунчик,
который сбежал из балета.
посреди оклахомских степей,
посреди раскаленного лета.
Здесь привыкли ко мне,
и мой красный мундир деревянный
тем хорош, что на красном невидима кровь,
а внутри меня — рана за раной.
Мне бинтуют их,
зашивают, —
есть и поверху, есть и сквозные,
но никак она не заживает,
моя главная рана — Россия...

И однажды я вздрогнул
на площади Ютика в Талсе,
потому что с Россией на миг
с глазу на глаз остался.
Это мне городские часы
под размеренные удары
заиграли хрустально
мелодию Лары.
Жаль, что сам Пастернак не услышал той музыки,
снега рождественского искристей.
Если даже не фильм,
то ему бы понравилась Джули Кристи.

Это Евтушенко. И если он еще пишет, мы скоро услышим его новые стихи о том, что тревожит современный мир, и он снова подтвердит, что русские такие же, как и мы, словаки.

Но если русские такие же, как и мы, кто же тогда другой?

Определенно не наши культуры. И мы можем только радоваться, что наши культуры такие, какие они есть, и что они — наше подлинное лицо.

В переводе Фелдека это стихотворение звучит так:

LARINA MELODIA

Hľa, stojím na námestí v Tulse
 ako Luskáčik,
 čo ušiel od baletu,
 uprostred oklahomských stepí
 a tej žeravosti, čo tu patrí k letu.
 Zvykli si tu už na mňa —
 aj na to, že je červený môj mundúr z dreva.
 Chápu, krv na červenej nevidno —
 no zato z mnohých rán mi dušu pozalievá.
 Obväzujú
 i zašívajú mi tie rany dôkladne,
 I hlboko, I úzko,
 no ako zaživa ju zahoja, tú najväčšiu?
 Mne nehojí sa Rusko.

S tým svojím Ruskom na okamih
 zoči-voči stál som.
 To bili mestské hodiny —
 A v tom, čo hrali,
 kým odvízgali čas,
 som spoznal tému Lary.
 Pasternak nikdy nepočul tú melódiu, žiaľ,
 čo rodným snehom iskrí!
 Ak nie film, iste páčila by sa mu aspoň Julie Christie...

БУЛАТ ОКУДЖАВА

«Я не композитор, не певец, не гитарист», — говаривал Булат Окуджава слушателям. — «Просто я нашел способ, как читать свои стихи».

Столь же скромно он представил себя и на концерте 27 октября 1995 года в Брно — и к тому же добавил еще шутливое воспоминание: «Однажды, когда я таким образом доложил о себе в одном русском городке, из зрительного зала донесся выкрик: “Тогда какого рожна ты сюда приехал?”» Но так Окуджава шутил лишь в исключительных случаях — с публикой он находил общий язык и без шуток. Подобно нашему поэту Милану Руфусу, Булат тоже наперекор «радостному

сегодня» завоевал себе право на грусть. И хотя причины грусти выражал лишь тонкими намеками, миллионы сограждан прекрасно понимали его: у них был подобный жизненный опыт.

Но когда ему подвернулся удобный случай, он и в годы коммунизма, нисколько не колеблясь, в полный голос называл вещи своими именами.

В Праге в то время выходил журнал «Советская литература», который на чешском и словацком языках издавал переводы литератур Советского Союза. Но ошибался бы тот, кому за блеклым названием журнала мерещилось бы низкопоклонство. Главный редактор журнала Либор Дворжак не раз привозил из Москвы лишь рукописные андеграундовские тексты, часть которых распространял его редакционный коллега Милан Токар и среди словацких литераторов — так что и мне выпадала удача переводить и публиковать невероятно смелые вещи.

Таким был, например, цикл «Убили моего отца» — 12 стихотворений Окуджавы, объединяющей темой которых было истребление членов семьи поэта: кроме отца, Сталин уничтожил и его брата Гиви, и дядей Володю, Сашу, Мишу и Колю, а мать, вернувшуюся после двенадцати лет, проведенных в ГУЛАГе, сын узнал только по пальто...

9 мая 2014 года — день его непрожитого девяностолетия — Братислава отметила большим концертом Иржи Вондрака.

Булат Окуджава

Убили моего отца

.....

А тот, что выстрелил в него,
Готовый заново пальнуть,
Он из подвала своего
Домой поехал отдохнуть.

И он вошел к себе домой
Пить водку и ласкать детей,
Он — соотечественник мой
И брат по племени людей.

И уж который год подряд,
Презревши боль былых утрат,
Друг друга братьями зовем
И с ним в обнимку мы живем

.....

В переводе Фелдека стихотворение звучит так:

OKUDŽAVOVO «NEZABIJEŠ!»

Toho, čo strieľal na otca
 (a ešte raz by vystrelil)
 vidím ísť z
 jatiek, molodca,
 na chvíľu domov, набраť síl.

Pil vodku v kruhu rodiny,
 detvákam hladkal temená.
 Môj krajan —
 podľa krajiny
 a môj brat — podľa plemena.

Panebože, už koľký rok,
 pohrdnúc bôlom z dávnych strát,
 žijeme takto vospolok,
 objímame sa — s bratom brat?..

За особые заслуги в деле распространения в Словакии русской культуры и литературы Л. Фелдеку в 2007 году была вручена Государственная награда РФ — Медаль Пушкина.

Герой романа Рене (прообраз самого автора) после окончания вуза с трудом устраивается редактором многотиражки на телевизионный завод «Тесла Орава». На заводе в качестве психолога начинает работать и его друг Ван Стипхоут (прообраз известного современного прозаика Яна Йоганидеса). Оба персонажа названы именами романа «Юноши Рене приключения и испытания» (1783), написанного словацким писателем эпохи Просвещения Йозефом Игнацем Байзой (1755–1836). Переосмыслив сюжет Байзы, Фелдек по сути создал пародию на «производственный роман» — жанр весьма типичный для словацкой литературы 1950-х годов.

Предлагаем Вашему вниманию отрывок из романа «Ван Стипхоут»

ВСЕ В АЖУРЕ, ЦАРЬ!

«К черту суеверия! — внушает себе Рене. — Встретил судьбу однажды — действуй, в другой раз можешь ее не признать, и пусть она тогда судит, как ей вздумается». Он уж давно собирался похлопотать насчет места редактора многотиражки

Восточнословацкого металлургического завода, строительство которого уже идет полным ходом, — должность словно создана для него. Вот уж несколько дней, как Рене хранит в бумажнике газетную вырезку с объявлением, просто в тот вечер — в кабачке «У малых францисканцев» — он напрочь об этом забыл. Вспомнив, однако, на следующий день, он сразу же пишет туда заявление.

Но в тот самый миг, когда Рене уж было намеревался опустить конверт с заявлением в почтовый ящик на здании университета Коменского, где-то неподалеку, а точнее у кафе «Крым», отделенного от университета лишь узкой улочкой, раздаётся возглас, подобный крику большой птицы:

— Царь, царь!

Итак, все ясно: где-то поблизости обитает прозаик Ван Стипхоут, и Рене угодил в его поле зрения. Теперь держись, Рене! Конечно, в кармане у него есть еще две-три сотни крон, и отказать прозаику в деньгах для Рене столь же мучительно, как и солгать, что их вовсе нет.

От прозаика Ван Стипхоута ведь ничего иного, как просьбы дать займы, ждать не приходится. А долгов он еще никогда не возвращал.

— Царь! — кричит Ван Стипхоут, на сей раз совсем близко, так как уже пересек улочку. Приветствую тебя на улице имени товарища Штура. Где же ты скрываешься? Пролетарий умственного труда, полагаю, ты еще работаешь?

— Работаю, — говорит Рене, съезживаясь в ожидании.

— Ха-ха-ха! А где, царь, в которой губернии? Приедем, навестим.

Рене нисколько не сомневается в мобильности Ван Стипхоута. Прозаик еще в университетские годы (и тем более позже, когда, совершив однажды прогулку по городу в одном исподнем, поневоле оказался свободным художником) способен был столь же неожиданно покидать столицу, сколь неожиданно в нее возвращаться. После каждого его возвращения — случалось и необоснованно — в мужских и женских туалетах университета Коменского и кафе «Крым» появлялись такого рода надписи: ПОЛУНДРА! ВАН СТИПХОУТ В БРАТИСЛАВЕ!

— В «Тесле», в Нижней! Затащил меня туда один мой знакомый, кадровик Трн-кочи, — прокладывает Рене первый пришедший ему на ум ложный след, но вместе с тем и самый что ни на есть отдаленный, дабы не только удержать Ван Стипхоута от визита, но и исключить всякую возможность разоблачения этой лжи... И тут он вдруг вспоминает, что Ван Стипхоут уроженец Дольного Кубина, удаленного от Нижней всего на каких-нибудь тридцать километров. Ван Стипхоут еще понапрасну утрудит себя — Рене охватывает внезапный порыв сострадания к прозаику. Это то самое мгновение, когда Ван Стипхоут мог бы запросто попросить займы. Однако ничего не подозревающий Ван Стипхоут счастливое мгновение упускает.

— В глубинке, на производстве, царь? Выполняешь, перевыполняешь? Всенепременно тебя навещу!

— Приезжай! — говорит Рене и бросается к приплывающему трамваю. — Найдешь меня в редакции многотиражки, буду рад.

— Один момент! — кричит ему вдогонку Ван Стипхоут. — Подкинь сотенку, царь! Когда приеду, шинель пропьем!

Поздно. Трамвай с нашим Рене на борту уже плавно удаляется.

Рене всегда что-то упускает из памяти, забудет он и это пустячное событие — не вспомнит о нем и тогда, когда Восточнословацкий металлургический известит его, что он, как беспартийный, в заводскую газету принят быть не может. Взвесив все «за» и «против», Рене переберется из Братиславы в свою родную Жилину и подаст новое заявление — на сей раз туда, где у него есть знакомый, и даже кадровик, — в «Теслу Орава». Несколькими днями позже он получит анкету; заполненную, возвратит ее и с нетерпением станет ждать первых фокусов зимы и окончательного ответа. Примерно в то же время и Ван Стипхоуту становится как-то не по себе в его наемной братиславской квартире. Виной всему визит каких-то личностей, характер которых хозяйка его, вдова Крупинкова, не может с достаточной точностью определить.

— Искали вас тут двое, — сообщает она в один прекрасный день Ван Стипхоуту.

Ван Стипхоут: — Какие еще двое?

Вдова Крепинкова: Бог их знает, не представились.

Ван Стипхоут: А в чем были одеты?

Вдова Крупинкова: — В плащах оба.

После такого ответа она тут же лишается квартиросъемщика, кстати сказать неплатежеспособного. Ван Стипхоут решает незамедлительно перекочевать из стольного града в Дольни Кубин. Что явилось причиной беспокойства — понять трудно, однако прозаик полон намерений не возвращаться в столицу до самой весны. А уж раз он в Дольнем Кубине, как не навестить в ближайший же день Рене в недалекой Нижней!

Но ни Рене, ни кадровика Трикочи на заводе он не обнаруживает.

Впрочем, о получении анкеты Рене Ван Стипхоута тут же извещает доктор Сикора, юрист завода и заведующий секретариатом директора в одном лице, в котором прозаик узнает своего давнего друга еще по дольнекубинской гимназии.

В тот момент, когда Ван Стипхоут проверяет достоверность сведений, сообщенных ему Рене, сведения эти пока еще не соответствуют действительности, но в такой незначительной степени, что прозаика это ничуть не смущает. Напротив, благоразумие, с которым он оценивает соотношение между ложью и правдой, позволяет ему в данный момент сделать вывод, что Рене — человек даже более правдивый, чем он предполагал. «Нет, не ошибся я в Рене, — думает он. — Так пусть же и Рене не ошибется во мне».

Доктор Сикора: — А что за человек этот Рене? Стоит ли его брать?

Ван Стипхоут: — Рене — гигант поэзии! Вам просто как воздух нужен здесь такой человек, Игорь!

Доктор Сикора: — только бы нас не изобразил!

— Разумеется, изобразит! Да что там изобразит — вознесет, воспоет! В Братиславе ему ничего не стоило заделаться главным редактором, но он отказался! По собственной воле почел за благо пойти на производство, дабы воспевать! Да, между прочим, — шепчет Ван Стипхоут, наклонившись к доктору Сикоре, — он указывает в анкете, что у него отец за решеткой?

Доктор Сикора: — Нет, не указывает.

Ван Стипхоут: — А отец за решеткой. Потому Рене и выгнали из редакции, в которой он работал еще в университетские годы. Протяните человеку руку помощи.

Доктор Сикора: — Протянем. А ты-то как? Тут Ван Стипхоут смекает, что он запросто мог бы выбить у Рене из-под носа место заводского редактора. Да полно, он не сделал этого раньше, даже напротив — посодействовал другу, а уж теперь, если бы и попробовал получить это место, вряд ли бы преуспел. В конце-то концов, прозаик Ван Стипхоут о такой жалкой должности, как редактор заводской газеты, и не помышляет. Куда предпочтительнее возвыситься в собственных глазах в роли благодетеля Рене! А что, если у доктора Сикоры стрелнуть сотню? Но в эту минуту отворяется звуконепроницаемая дверь в противоположной стене, и на пороге появляется коренастый мужчина в очках.

— Итак, доктор, я еду в Жилину, — отчеканивает по-чешски очкарик.

Доктор Сикора: — Машина ждет, товарищ директор.

— Прошу прощения, мое имя Ван Стипхоут, — отрекомендовывается наш герой. — Друг Игоря. Не могу ли я с вами доехать до Дольнего Кубина, товарищ директор?

Видение поездки в директорской машине затмевает в воображении прозаика видение сотенной.

— Это мой земляк, — говорит доктор Сикора. — Молодой писатель, я как раз расспрашивал его об этом Рене, которого мы решили принять, они хорошо знают друг друга.

— Что ж, пожалуйста, довезу вас, — говорит директор, протягивая Ван Стипхоуту руку.

И вот машина уже в пути.

— Красивый завод, слов нет — жемчужина, — заводит разговор Ван Стипхоут, важно развалившись на заднем сиденье — директор сидит рядом с шофером.

— Ну полно! Хороший — пожалуй, но чтоб красивый — уж это навряд ли.

— Отлично сформулировано! Но так или иначе, а завод прекрасен! Но так или иначе, а завод прекрасен. Прекрасен, как прекрасно обещание чего-то еще незримого, ну, как, скажем... э-э-э... не видно поезда, но уже слышен его свист, да-да! И в этом свисте есть уже красота! Выполняете, полагаю?

— Да, конечно. А скажите, вы, как молодой писатель, где-нибудь работаете?

— Нет-нет. То есть да, работаю, в том смысле, что у меня множество важнейших литературных задач! Но разрешаю я их на дому.

А вы не хотели бы работать у нас?

Ван Стипхоут сегодня уже позабавился с этой идеей. Она, конечно, ласкает и манит. Кроме того, в данный момент на заводе «Тесла Орава» он знает трех человек, включая Рене, и надо сказать — все они ключевого значения.

— В каком же качестве?

— Да, жаль, мы только что взяли заводского редактора. Но послушайте, не сочли бы вы слишком для себя затруднительным написать хронику нашего завода?

Ха-ха-ха! Хроники вам захотелось? — грохочет Ван Стипхоут так, что машина даже делает рывок вперед, но, прежде чем директор успевает обидеться, прозаик погружается в глубокую задумчивость. — Ну, судя по тому... Хроника, как известно, старая литературная форма... Может, год... Может, полгода... Вы знакомы со старой французской хроникой?

Нет, но наш завод молодой. И если бы вам хватило полугода, мы могли бы вас временно зачислить на должность заводского психолога, наш психолог как раз на полгода ушел в армию...

Ван Стипхоут более чем очарован.

— Что ж за этим дело не станет, я ведь и психологию изучал. Два семестра, — сочиняет он.

— Я другое имел в виду. Чтобы именно за эти шесть месяцев вы написали хронику.

Но Ван Стипхоут не внемлет — он уже принял решение. В Дольнем Кубине он не высаживается, а продолжает беседовать с товарищем директором до самой Жилины. В Жилине без труда находит обиталище Рене, и, когда тот, подчиняясь назойливому

звонку, отворяет дверь, на пороге раздается ренессансный смех и тут же следует возглас:

— Все в ажуре, царь! О твоём кадровике Трнкочи и слыхом не слыхать, зато мой доктор Сикора — к нашим услугам! А привез меня к тебе — отгадай кто? Директор завода. Мы дружески побеседовали и порешили! Ха-ха-ха! Приняли нас обоих, царь! Ха-ха-ха!

У Рене такое чувство, будто сама судьба заключила его в объятия.

Перевод Нины Шульгиной

Нина Шульгина — переводчик со словацкого и чешского языков. *Из словацких писателей:* романы М. Фигули, В. Шикулы, П. Яроша, А. Гикиша, Р. Слободы, Л. Фелдека, Д. Митаны, А. Ферко, Й. Нижнанского, пьесы и рассказы Е. Малити-Франёвой и др. *Из чешских писателей:* романы М. Кундеры (с 1990 года перевела его семь чешских романов и один французский), Л. Фукса, И. Климмы, М. Вивега, И. Лангера, В. Фишла, И. Крадохвила и др. Отмечена рядом премий: словацкой премией им. П.О. Гвездослава (1984), памятной медалью СП Словакии (2006), премией журнала ИЛ (1987), премией ИЛлюминатор (2006), премией Министерства культуры Чехии — ARTIS BONEMIAE AMICIS (2009).

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ

ДЕВИН

Издается с 2015 г.
2(3)/2016

Главный редактор: *А. Машкова*
Редакционная коллегия: *Л. Широкова, Е. Майорова*

Общество Людовита Штура в Москве

Д25 **Девин: Альманах Общества Людовита Штура в Москве. № 2(3).**
М.: МИК, 2016. — 184 с.

УДК 811.16
ББК 81.2

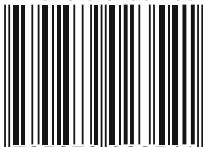
ISBN 978-5-87902-354-1

© Общество Людовита Штура в Москве, 2016

Сдано в набор 10.11.2016. Подписано в печать 20.11.2016.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,5. Тираж 200 экз. Заказ

Издательство «МИК».
Москва, ул. Б. Переяславская, д. 15, кв. 52
Лицензия на издательскую деятельность
№ 060412 от 14 января 1997 г.

ISBN 978-5-87902-354-1

9 785879 023541 >